

РУСИСТИКА

2022 Том 20 № 4

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ
И ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Научный редактор *Рафаэль Гусман Тирадо*

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4

<http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>

Научный журнал
Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72956 от 25.05.2018 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Шаплин В.М. – академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), член Совета по русскому языку при президенте РФ, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Ответственный секретарь

Стрельчук Е.Н. – доктор педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии

Алефиренко Н.Ф. – действительный член Российской академии социальных наук, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Белгородского государственного университета, Белгород, Российская Федерация

Бальшихина Т.М. – академик Российской академии естественных наук, академик Нью-Йоркской академии наук, доктор педагогических наук, профессор, Москва, Российская Федерация

Вальтер Харри – член президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), доктор филологических наук, профессор, профессор Института славистики Университета имени Эрнста Морица Арндта, заместитель председателя Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, Грайсвальд, Федеративная Республика Германия

Гаврилина М.А. – доктор педагогики, профессор, профессор Латвийского университета, Рига, Латвийская Республика

Гусман Тирадо Рафаэль – член президиума МАПРЯЛ, доктор филологических наук, профессор кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета, Гранада, Королевство Испания

Дейкина А.Д. – заслуженный деятель науки и образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета, Москва, Российская Федерация

Дэвидсон Дэн – почетный президент Американских советов по международному образованию АСПРЯЛ и АКСЕЛС, старший академический советник и директор научно-исследовательского центра Американских советов по международному образованию, директор Института русского языка, иностранный член Российской академии образования, PhD по филологии, профессор по русскому языку и изучению иностранного языка Брин-Мор колледжа, Вашингтон, Соединенные Штаты Америки

Загоровская О.В. – председатель Совета по русскому языку при администрации Воронежской области, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж, Российская Федерация

Макарова Вероника – PhD по лингвистике, профессор кафедры языкознания Саскачеванского университета, Саскачеван, Канада

Маслова В.А. – член президиума ВАК Республики Беларусь, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета, Витебск, Республика Беларусь

Мокенко В.М. – действительный член Европейского общества фразеологов «ЕВРОФРАЗ», доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Перотто Моника – PhD по педагогике, профессор, научный сотрудник кафедры русского языка факультета иностранных языков и литературы Болонского университета, Болонья, Итальянская Республика

Протасова Е.Ю. – доктор педагогических наук, профессор, профессор-адъюнкт отделения языков гуманитарного факультета Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндская Республика

Рацибурская Л.В. – действительный член комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

Рязанова-Кларк Лара – член Королевского лингвистического общества, PhD по филологии, заведующая русским отделением Эдинбургского университета, академический директор Российского центра княгини Дашковой при Эдинбургском университете, директор научного центра «Русский язык в контексте», Эдинбург, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии

РУСИСТИКА

ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), Scopus, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley.

Цель и тематика

Научный журнал «Русистика» специализируется на рассмотрении актуальных вопросов русского языка и методики его преподавания как родного, неродного и иностранного в условиях русской, близкородственной и неродственной языковых сред.

Журнал является площадкой для научного сообщества в области отечественной и зарубежной русистики, освещает спектр проблем как собственно лингвистических, так и связанных с культурно-историческими и социальными аспектами изучения и преподавания русского языка.

Миссия журнала заключается в предоставлении возможностей русистам из различных стран и регионов объективно информировать международное научное сообщество о состоянии исследований русского языка, проблемах его функционирования в многополярном мире, привлекать дополнительный интерес ученых к этим проблемам.

Цель журнала: создание научного-исследовательского, образовательного и информационного пространства для взаимного обмена достижениями российских и зарубежных ученых, специализирующихся в области русского языка и методики его преподавания.

Задачи:

1. Обмен научными достижениями российских и зарубежных коллег в области русистики, публикации результатов научных центров по проблемам развития и сохранения русского языка в многополярном мире.
2. Рассмотрение теоретических исследований по проблемам функционирования русского языка в России и зарубежных странах.
3. Актуализация проблем методики преподавания русского языка как родного, неродного, иностранного.
4. Анализ современных тенденций в развитии школьной и вузовской русистики.
5. Отражение вопросов изучения и преподавания русского языка как иностранного и проблем сохранения русского языка в диаспоре.

6. Проблемы развития русского языка как языка науки.

7. Освещение государственной политики в области русского языка и методики его преподавания.

8. Презентация медиадидактических и электронных средств обучения русскому языку и методике его преподавания.

Очередные выпуски журнала, как правило, являются тематическими и посвящены наиболее актуальным проблемам русистики. Выход тематических номеров анонсируется на сайте журнала.

Материалы могут быть представлены в виде научных статей (теоретических, научно-практических, научно-методических), обзорных научных материалов, рецензий, аннотаций, а также научных сообщений, посвященных деятелям российской и зарубежной науки. Для начинающих ученых предназначена рубрика «Страничка молодого исследователя».

К публикации принимаются только оригинальные статьи, ранее не опубликованные. Самоплагиат не допускается.

Журнал входит в Перечень рецензируемых периодических изданий, публикации которых принимаются к рассмотрению ВАК РФ при защите диссертационных исследований.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ:

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки);

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Журнал имеет международный статус, который определен составом редколлегии и рецензентами (известные ученые иностранных академий и университетов из России, США, Беларуси, Испании, Италии, Латвии, Финляндии, Германии, Великобритании).

Журнал выходит один раз в квартал (4 номера в год). Подписка на печатную версию журнала оформляется в почтовых отделениях РФ. Индекс журнала в каталоге подписных изданий – 36433.

Редактор *Ю.А. Заикина*

Редактор англоязычных текстов *С.С. Микова*

Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-07-45; e-mail: rflj@rudn.ru

Подписано в печать 23.12.2022. Выход в свет 30.12.2022. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 12,25. Тираж 500 экз. Заказ № 1232. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

RUSSIAN LANGUAGE STUDIES

2022 VOLUME 20 NUMBER 4

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN RUSISTICS

Science Editor *Rafael Gusman Tirado*

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4

<http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Viktor M. Shaklein – member of the Academy of Natural Sciences, Doctor of Philology, Professor, Honoured Employee of Higher Education of the Russian Federation, Honoured Higher and Professional Education Employee of the Russian Federation, member of Executive Board of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), member of Presidential Russian Language Council, Head of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)), Moscow, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY

Elena N. Strelchuk – Doctor of Pedagogy, Associate Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)), Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Nikolay F. Alefirenko – full member of the Academy of Social Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Russian Language, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation

Tatyana M. Balykhina – academician of the Russian Academy of Natural Sciences, academician of the New York Academy of Sciences, Doctor of Pedagogy, Professor, Moscow, Russian Federation

Dan Davidson – President Emeritus and Director of American Councils Research Center (ARC), American Councils for International Education, Director of Russian Language Centre, Foreign Member of Russian Academy of Education, PhD in Philology, Professor of the Russian Language and Foreign Language Studies, Bryn Mawr College, Washington, United States of America

Alevtina D. Deikina – Honoured Worker of Science and Education, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Chair of Methods of Teaching Russian, Institute of Philology, Moscow Pedagogic State University, Moscow, Russian Federation

Margarita A. Gavrilina – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Lithuanian University, Riga, Republic of Latvia

Rafael Gusman Tirado – member of Executive Board of International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL), Doctor of Philology, Professor of the Chair of Greek and Slavonic Philology, Granada University, Granada, Kingdom of Spain

Veronika Makarova – PhD in General Linguistics, Professor, Department of Linguistics, University of Saskatchewan, Saskatchewan, Canada

Valentina A. Maslova – member of the Presidential Board of Higher Attestation Commission of Belarus, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University, Vitebsk, Republic of Belarus

Valeriy M. Mokienko – full member of European Society of Phraseologists "EUROPHRAS", Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Slavonic Philology, Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation

Monica Perotto – PhD in Pedagogy, Professor, research assistant and Associate Professor of the Chair of the Russian Language Foreign Languages Faculty, Bologna University, Bologna, Italian Republic

Ekaterina Yu. Protasova – Doctor of Pedagogy, Professor, Associate Professor of Language Department, Humanitarian Faculty, Helsinki University, Helsinki, Republic of Finland

Larisa V. Ratsiburskaya – full member of Slavonic Education Commission under International Committee of Slavistics, Doctor of Philology, Professor, Chairperson of the Chair of Modern Russian Language and General Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhniy Novgorod, Russian Federation

Lara Ryazanova-Clarke – member of Royal Linguistic Society, PhD in Philology, Chairperson of Russian Department of Edinburgh University, Academic Director of Russian Centre of Princess Dashkova in Edinburgh University, Director of Scientific Centre "Russian Language in Context", Edinburgh, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland

Harry Walter – member of the Presidium of International Association of Teachers of Russian Language and Literature, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Ernst Moritz Arndt University, Institute of Slavistics, Deputy of Chairperson of Phraseological Commission under International Committee of Slavists, Greifswald, Federal Republic of Germany

Olga V. Zagorovskaya – Chairperson of Russian Language Council of Voronezhskaya oblast Administration, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature, Voronezh State Pedagogic University, Voronezh, Russian Federation

RUSSIAN LANGUAGE STUDIES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2618-8163 (Print); ISSN 2618-8171 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley.

Aims and Scope

The journal "Russian Language Studies" is specialized in actual problems of the Russian language and methods of teaching Russian as a foreign, non-native, and native language under the conditions of Russian, closely related and unrelated linguistic environment.

The journal presents a platform for Russian and foreign scientists, reflects not only linguistic, but also cultural, historical, social aspects of learning and teaching Russian.

The mission of the journal is to give the opportunity to specialists in Russian philology from different countries and regions to objectively inform international scientific community about modern research in the Russian language, its functioning in the multipolar world and to draw the scientific attention to these problems.

The aim of the journal is to create scientific, research, educational and information space for presenting the achievements of Russian and foreign scientists in Russian language studies and methods of teaching Russian as a foreign language.

The targets of the journal are:

1. Delivering the achievements of Russian and foreign scientists in Russian language studies, publishing the results of scientific centres in developing and keeping the Russian language in the multipolar world.
2. Characterizing theoretical papers on Russian language functioning in Russia and abroad.
3. Pointing out the problems in methods of teaching Russian as a foreign, non-native, and native language.
4. Analyzing modern trends in Russian language teaching at school and university.
5. Reflecting problems of learning and teaching Russian as a foreign language and keeping the Russian language in diasporas.
6. Problems of developing Russian as a language of science.
7. Presenting Russian national policy in the Russian language and methods of its teaching.
8. Demonstrating media-didactic and electronic means of teaching Russian.

Next issues of the journal are planned as thematic ones and are devoted to the most actual problems of Russian language studies. Thematic issues are announced at the journal site.

The journal publishes scientific articles (theoretical, academic and research, methodical), review articles, book reviews, annotations, scientific reports about Russian and foreign scientists. The articles written by starting investigators are published on the "Page of a young scientist".

The journal publishes only original articles which have not been published before. Self-plagiarism is not allowed.

The journal has an international status proved by the editorial board and reviewers including outstanding scientists from Russia, the United States, Belarus, Spain, Italy, Latvia, Finland, Germany, Great Britain.

The journal is published every three months with 4 issues a year. Readers can subscribe to the journal in post-offices of the Russian Federation. The index of the journal in subscription edition catalogue is 36433.

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*
English Text Editor *S.S. Mikova*
Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-07-45; e-mail: rflj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ
И ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**РУССКИЙ ЯЗЫК В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Пенчева А. (София, Республика Болгария) Болгарский голос во всемирном хоре русистов 399

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Боженкова Н.А. (Москва, Российская Федерация), Негушина А.А. (Москва, Российская Федерация), Боженкова Р.К. (Москва, Российская Федерация) Вербальная экспликация аксиологических констант русскоязычного фем-дискурса в контексте феномена киберактивизма 414

Каллистратидис Е.В. (Ростов-на-Дону, Российская Федерация), Ильясова С.В. (Ростов-на-Дону, Российская Федерация) Лексические инновации с корнем *пополам* в русском гендерном интернет-дискурсе 434

Маринова Е.В. (Нижний Новгород, Российская Федерация) Семантические доминанты новообразований 2020 года в аспекте кодирования действительности в русском языке 449

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Шмелькова В.В. (Пенза, Российская Федерация), Макарова Е.В. (Пенза, Российская Федерация) Изменение семантики слова «дом» в русском языке первых десятилетий XX века 467

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА**КАК РОДНОГО, НЕРОДНОГО, ИНОСТРАННОГО**

Горожанкина Т.Н. (Гранада, Королевство Испания), Гречухина В.В. (Лейден, Нидерланды) Аутентичные видеоматериалы как средство формирования русскоязычной коммуникативной компетенции испанских и нидерландских инофонов 483

Жаппаркулова К.Н. (Алма-Ата, Республика Казахстан), Туймебаев Ж.К. (Алма-Ата, Республика Казахстан), Джолдасбекова Б.У. (Алма-Ата, Республика Казахстан) Лингводидактический потенциал семиотически неоднородных текстов в обучении русскому языку школьников Казахстана 500

Стрельчук Е.Н. (Москва, Российская Федерация), Илихаму Ш. (Москва, Российская Федерация) Обучение уйгуров русскому языку в вузах КНР: педагогический инструментарий национально ориентированной методики 515

CONTENTS

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN RUSISTICS

RUSSIAN LANGUAGE IN THE WORLD

- Antonia Pencheva (Sofia, Republic of Bulgaria)** The Bulgarian voice in the world Russianists' choir 399

ACTUAL PROBLEMS OF RUSSIAN LANGUAGE RESEARCH

- Natalia A. Bozhenkova (Moscow, Russian Federation), Aleksandra A. Negushina (Moscow, Russian Federation), Raisa K. Bozhenkova (Moscow, Russian Federation)** Verbal explication of axiological constants of feminist discourse in the Russian language in the context of cyberactivism 414
- Evgeniia V. Kallistratidis (Rostov-on-Don, Russian Federation), Svetlana V. Ilyasova (Rostov-on-Don, Russian Federation)** Lexical innovations with the root *popolam* ('in half') in the Russian gendered Internet discourse 434
- Elena V. Marinova (Nizhny Novgorod, Russian Federation)** Semantic dominants of 2020 neologisms as a means of coding reality in the Russian language 449

CULTURAL LINGUISTICS: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

- Vera V. Shmelkova (Penza, Russian Federation), Yelena V. Makarova (Penza, Russian Federation)** Semantic changes of the word "home" in the Russian language of the first decades of the 20th century 467

METHODS OF TEACHING RUSSIAN

AS A NATIVE, NON-NATIVE, FOREIGN LANGUAGE

- Tamara Gorozhankina (Granada, Kingdom of Spain), Vera Grechukhina (Leiden, Netherlands)** Authentic video materials as a means of shaping communicative competence in Russian among Spanish and Dutch learners 483
- Karlygash N. Zhapparkulova (Almaty, Republic of Kazakhstan), Zhanseit K. Tuyembayev (Almaty, Republic of Kazakhstan), Bayan U. Dzholdasbekova (Almaty, Republic of Kazakhstan)** Linguodidactic potential of semiotically heterogeneous texts in teaching Russian to Kazakh schoolchildren 500
- Elena N. Strelchuk (Moscow, Russian Federation), Shabaaiti Ilikhamu (Moscow, Russian Federation)** Teaching Russian to Uyghurs in PRC universities: pedagogical toolkit of nationally oriented methods 515

РУССКИЙ ЯЗЫК В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

RUSSIAN LANGUAGE IN THE WORLD

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4-399-413

Научная статья

Болгарский голос во всемирном хоре русистов

А. Пенчева

Университет национальной и мировой экономики,
Республика Болгария, 1700, София, ул. 8-ми декември

✉ apencheva@unwe.bg

Аннотация. Всесторонне рассматривается вопрос о возникновении, становлении и развитии болгарской русистики как научного направления в исторической ретроспективе и в контексте ее современного состояния. Прослеживается влияние исторических, политических и социально-экономических факторов на преподавание русского языка в болгарской аудитории. Актуальной на современном этапе состояния отношений между Болгарией и Россией представляется цель предложить комплексное описание разнообразных направлений развития болгарской русистики и обучения русскому языку на фоне произошедших за последние три десятилетия изменений политической и социально-экономической ориентации государств. Исследование проводится на репрезентативном материале научных публикаций, посвященных разнородным аспектам русистики (лингвистические, литературоведческие и прикладного характера). Используются традиционные методы анализа и оценки научной литературы, наблюдения, описания и обобщения педагогического опыта. Представлены данные Национального статистического института Болгарии о количестве школьников, изучающих русский язык на разных этапах обучения и в разных типах средних школ. Анализ официальных статистических данных показывает стабильную динамику интереса к русскому языку в болгарской аудитории независимо от наступивших в обществе перемен. Русский язык устойчиво занимает вторую позицию после английского в качестве предмета изучения. Такому выбору способствуют прагматическая установка учащихся, сочетание субъективных и объективных факторов. Специфическая особенность болгарской модели заключается в преподавании русского языка на всех уровнях: дошкольном, школьном, университетском и дополнительном образовании в соответствии с европейской политикой о непрерывном обучении в течение всей жизни.

Ключевые слова: болгарская русистика, Общество русистов Болгарии, мотивы изучения, русский язык, болгарская модель

История статьи: поступила в редакцию 05.03.2022; принята к печати 18.06.2022.

Для цитирования: Пенчева А. Болгарский голос во всемирном хоре русистов // Русистика. 2022. Т. 20. № 4. С. 399–413. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-399-413>

© Пенчева А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

В нынешнем глобализированном поликультурном мире все более важной и значимой становится роль мировых языков в межкультурном общении. Русский язык занимает прочное место среди других глобальных языков. Об этом свидетельствуют результаты Индекса глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс) русского языка¹ в мире за 2021 год, согласно которому русский язык занимает пятое место среди двенадцати мировых языков. Мониторинг проводится экспертами Института русского языка имени А.С. Пушкина.

В исследовании предпринимается попытка создать целостную картину преподавания и изучения русского языка в Болгарии, осветить наиболее важные аспекты современного состояния болгарской русистики, указать на исторические предпосылки возникновения интереса к русскому языку и очертить перспективы развития. Актуальность темы обусловлена, с одной стороны, положением современной русистики в Болгарии на фоне политических, социально-культурных и образовательных перемен, происходящих в обществе, а с другой стороны, отсутствием обобщающего исследования, объединяющего исторический аспект развития болгарской русистики, ее современное состояние и перспективы развития. Акцент ставится на положение преподавания и изучения русского языка, литературы и культуры в последние три десятилетия, совпадающие с периодом изменений общественно-политической системы Республики Болгария. Исследование является дальнейшим шагом в изучении болгарской русистики, ее места в национальной научной и образовательной среде и мировой русистике.

В мировой литературе по русистике нередко выходят обзоры национальных особенностей изучения и продвижения русского языка. Показателен в этом плане проект Института Пушкина «Мировая русистика», цель которого – «дать каждой стране, где любят, учат и исследуют русский язык, в полный голос заявить о своей уникальной научной школе»². Начиная с 2015 года в специальных выпусках журналов, посвященных отдельным странам, авторы излагают специфику русистики в каждой из стран. В аналитической статье «Русистика живет всех живых» Е.Н. Стрельчук и В.М. Шаклеиним (Стрельчук, Шаклеин, 2018) предлагается обзор периодических российских и зарубежных научных изданий, публикующих работы, связанные с распространением русского языка, актуальных процессов, происходящих в нем.

В болгарской науке интерес к теме о генезисе, становлении и современном состоянии русистики в Болгарии существует уже долгие годы, в разное время описывались отдельные аспекты, касающиеся исторической периодизации (Бабов, 1969, 1976; Пейчева, 2007), ключевых этапов ее формирования (Лесневская, 2017; Лесневская, Лесневская, 2018), развития на современном

¹ Индекс положения русского языка в мире : индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс) / сост. А.Л. Арефьев, Д.А. Горбатова, В.А. Жильцов, С.Ю. Камышева, Е.В. Колтакова, И.А. Маев, М.А. Осадчий, М.Н. Русецкая, А.С. Хехтель, М.И. Яскевич ; под ред. М.А. Осадчего. М. : Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, 2020. 34 с.

² Портал «Образование на русском». URL : <https://journal-rla.pushkininstitute.ru/>

этапе (Почеканска, 2018; Аврамова, 2017; Радкова, 2018; Шамонина, 2018 и др.), отдельных проблем функционирования русского языка (Стоянова, 2017; Иванова, 2012; Петкова, 2011; Димитрова, 2019; Чернева, 2019), русской литературы (Божанкова, 2001; Петкова, 2021), методики преподавания языка (Маврова, 2018), перевода (Хънтов, 2021) и пр.

Несмотря на расхождения в периодизации становления болгарской русистики, предлагаемой отдельными авторами (Пейчева, 2007; Лесневская, 2017), в целом можно обозначить следующие этапы развития: период до освобождения от турецкого ига (1846–1878), период после освобождения до конца Второй мировой войны (1878–1944), послевоенный период до 1989 года и современный этап – от начала 1990-х годов до настоящего времени. Рассматривая динамику процесса с момента его зарождения, этапы становления, периоды повышения интереса к изучению русского языка или спада, можно выстроить достоверную динамическую картину, обусловленную прежде всего историческими, экономическими, культурными и политическими факторами. До настоящего момента полная картина не была представлена болгарскими русистами. Она нужна не только с точки зрения истории русистики, но, прежде всего, как ориентир на будущее.

Цель исследования – дать представление о генезисе и становлении болгарской русистики на фоне культурно-исторических и социально-политических факторов. Для достижения заданной цели ставятся следующие задачи:

- определение исторического фона возникновения интереса к русскому языку;
- выявление динамики интереса к изучению русского языка в разные периоды общественно-экономического развития страны;
- изучение степени востребованности русского языка в Болгарии;
- анализ факторов его устойчивого «спроса» в школьной и университетской практике;
- описание особенностей русского языка в болгарской культурно-языковой среде с учетом общеславянских корней.

Методы и материалы

Исследование проводится в русле традиционных для лингвистики методов изучения научной литературы по теме публикации, описания, сопоставительного анализа и обобщения. Материалом исследования послужили разработки русистов разных поколений, в частности труды основоположника методики обучения русскому языку в Болгарии профессора Кирилла Бабова (Бабов, 1969, 1976), обобщившего методический опыт первых поколений школьных учителей. Рассмотрены публикации в выпусках 2007 и 2017 годов сериального издания «Болгарская русистика. Альманах», подготовленных Обществом русистов Болгарии, а также в специальном выпуске «Русистика Болгарии» (2018) и ряде других изданий (см.: Градинарова, Липовска, 2007; Ралева, 2012; Алексиева, Вачева, 2017). Проанализированы данные, полученные в процессе преподавания русского языка в средней школе Национального статистического института Болгарии в период 2015–2019 годов.

Результаты

На основании анализа литературных источников, описывающих картину обучения русскому языку учащихся разных уровней на протяжении более полуторавекового периода в условиях меняющейся общественно-политической обстановки, и с учетом официальных данных мы пришли к следующим заключениям:

1. Традиционно русский язык в Болгарии занимает значительное место в школьной и университетской практике. Хотя, несомненно, общественно-политические изменения в стране оказывают влияние на востребованность изучения русского языка, все же устойчивый интерес к нему сохраняется, и он изучается во все периоды.

2. Произошедшие в последние три десятилетия изменения политической и социально-экономической ориентации страны не стали причиной утраты интереса к русскому языку, он по-прежнему востребован. Уже тридцать лет русский язык не имеет статуса обязательного иностранного языка, но его продолжает выбирать для изучения большое количество учащихся.

3. Официальные статистические данные демонстрируют стабильную динамику интереса к русскому языку в болгарской аудитории. Это подтверждается статистикой изучения русского языка как иностранного по отдельным типам школ за 2015–2019 годы. Русский язык устойчиво занимает вторую позицию по количеству выбравших его после широко востребованного в последние три десятилетия английского языка, при этом уверенно опережает немецкий, испанский и французский языки.

4. Специфика болгарской модели состоит в преподавании русского языка на всех уровнях: дошкольном, школьном, университетском и дополнительном образовании в соответствии с европейской политикой о непрерывном обучении в течение всей жизни. Выстроена вертикальная система формального и неформального обучения русскому языку.

Обсуждение

Начальный этап преподавания русского языка

Преподавание и изучение русского языка в Болгарии имеет свою длительную историю. Началом считается середина XIX века, когда отдельные представители находящегося все еще под зависимостью Османской империи болгарского народа ищут возможности получить образование в России, воспользовавшись историческими обстоятельствами и помощью российских общественников.

Исторические источники свидетельствуют о том, что окончившие Одесскую семинарию Атанас Чолаков и Добри Чинтулов возвращаются в Болгарию и в 40–50-е годы XIX века работают в болгарских школах (Анчев, 1981). Деятель болгарского Возрождения Найден Геров, окончивший высшее образование в Ришельевском лицее в Одессе, в 1846 г. начал преподавать русский язык в школе в родном городе Копривштице (1846–1850), а позже в Епархиальном училище «Святителей Кирилла и Мефодия» в Пловдиве. В учебную программу входило практическое изучение русского языка, обучение имело переводной характер.

Подъем интереса к русскому языку, зародившегося еще в первой половине XIX века в связи с национально-освободительными стремлениями, наблюдается и позже. Уже в первые десятилетия после освобождения от османского ига (1878 г.) русский язык изучается в первых двух классах гимназии как обязательный предмет. Несколько лет спустя, в конце XIX в. появляются первые учебники русского языка Д. Николова, П. Гыбева, А. Велкова, О.М. Георгиева.

В конце 90-х годов XIX века ставится начало болгарской русистики как научного направления в высшей школе. Русский язык занимает важное место в обучении на Историко-филологическом отделении Высшего училища в Софии (1888 г.), а позднее на Историко-филологическом факультете Софийского университета с первых лет его возникновения. В те годы курсы читают профессора М.Г. Попруженко, П.М. Бицилли, Н.С. Трубецкой и др. На протяжении довольно длительного периода времени (1878–1944 гг.) в Болгарии динамично меняются правительства, политическая ориентация и режимы. Все это сказывается и на отношении к русскому языку и культуре. Однако под воздействием болгарской общественности и особенно интеллигенции, преподавание русского языка за небольшим исключением (1892–1984) не прерывается, хотя не было официальной поддержки со стороны государства. Первыми учителями в школах становятся преимущественно воспитанники русских университетов, хотя они не обладают филологическим образованием. После Октябрьской революции в Софийском университете и во многих школах страны преподавателями становятся эмигранты белогвардейцы, приехавшие и поселившиеся в нашей стране (Пейчева, 2007).

Формирование основ научной школы русистики

О подлинном становлении болгарской русистики можно говорить с начала XX века, когда начали формироваться основы научной школы русистики. В конце 30-х – начале 40-х годов XX в. русский язык становится в Софийском университете обязательной дисциплиной для студентов-славистов. Обучение в практическом и теоретическом аспектах не прекращается даже в годы Второй мировой войны. В гимназиях русский язык изучается в качестве обязательного предмета начиная с 40-х гг. XX в. Для решения проблемы с подготовкой кадров и разработкой программ Министерство просвещения создает комиссию, в которую входит ряд известных болгарских славистов. Начало академической специальности, в задачу которой входит подготовка высококвалифицированных специалистов по русскому языку и литературе и учителей для средних школ, положено осенью 1946 года, когда создается кафедра русского языка и специальность «русская филология» в Софийском университете. У истоков ее создания стоит Н.М. Дылевский – ученый с мировым именем, глубокий исследователь в области славистики, историографии, богословия, оказавший плодотворное влияние на развитие филологической науки в Болгарии (Градинарова, Липовска, 2007; Ралева, 2012; Алексиева, Вачева, 2017).

Так, начиная с послевоенных 1950-х годов, и в дальнейшем в 1960-е и 1970-е годы наступает «золотой век» в преподавании русского языка в Болгарии. В этот период помимо кафедры русского языка в Софийском университете кафедры русистики открываются в Великотырновском (1963 год) и Шуменском (1973 год) университетах. В Пловдивском университете имени Паисия Хи-

лендарского с 1961 года существует секция русского языка на кафедре иностранных языков, обособившаяся в 1973 году как кафедра русской филологии. Основной задачей кафедр является подготовка учителей для средних школ, который в то время изучается в обязательном порядке еще с третьего или четвертого года обучения. Кроме фундаментальных теоретических знаний и практических навыков в области русского языка, литературы и культуры студенты усваивают и практические умения по переводу. В 1989 году в Новом болгарском университете создается департамент «Новая болгаристика», на базе которого предлагается бакалаврская программа «Русистика», а в 1991 году создается кафедра славистики в Юго-Западном университете. В обоих университетах ведется подготовка специалистов по русскому языку и литературе, истории и культуры русскоязычного мира, предлагаются специализированные курсы по переводу или педагогике.

Роль профессиональных организаций для развития национальной и международной русистики

Академическая русистика в Болгарии зарождается в стенах Софийского университета в конце 70-х годов XX века. На первом форуме в июле 1967 года университетские преподаватели, учителя, переводчики принимают решение о создании Общества русистов Болгарии (ОРБ). Первым председателем ОРБ становится профессор Симеон Русакиев, заведующий кафедрой русской и советской литературы. Перед учредителями встает задача не только развивать национальную организацию, но и объединиться с единомышленниками из других стран.

Как известно, в том же году в Праге создана инициативная группа, объединяющая преподавателей русского языка и литературы всего мира. В ее состав входят представители русистов из многих европейских стран (Аврамова, 2017). Инициативная группа, в которой работают представители Болгарии, разрабатывает проект программы и устава и принимает решение о проведении учредительного собрания в Париже

Таким образом, ОРБ стоит у истоков создания Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) и становится активнейшим участником в ее работе. С этого момента болгарские русисты сотрудничают с МАПРЯЛ во всех образовательных, научных и исследовательских проектах. Благодаря плодотворному партнерству с МАПРЯЛ болгарская русистика завоевала заметный международный авторитет и признание.

Об авторитете и международном признании болгарских русистов свидетельствует проведение двух конгрессов МАПРЯЛ в Болгарии: II Конгресса «Теория и практика создания учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному» (Варна, 1974 год) и XI конгресса, прошедшего под названием «Мир русского слова и русское слово в мире» (Варна, 2007 год). Если на II Конгрессе ставилась задача «комплексной разработки научных и практических основ преподавания русского языка и литературы»³, то на XI конгрессе кроме тем о «структурном, семантическом и функциональном аспектах языковых единиц разных уровней», вопросов словообразования, терминологической лексики, современной прагмалингвистики, теории и практики перевода как

³ Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы. URL : <http://mapryal.org>

средства межкультурного понимания, новаций в методике преподавания и изучения русского языка и литературы, содержания учебных программ, учебников и пособий, были также «проанализированы изменения, которые произошли в русском языке на рубеже XX и XXI веков», «обсуждались перспективы функционирования русского языка в новых дискурсивных пространствах», были «проанализированы различия концептуальной и языковой картин мира, порождающие и стимулирующие диалог культур» (Вербицкая, 2018). Уже тогда вопросами обсуждения становятся эффективность электронных обучающих программ, необходимость комбинирования очных и дистанционных форм обучения – темы, которые приобрели большую актуальность и широко обсуждаются русистами всего мира в сегодняшней обстановке.

По инициативе болгарских русистов во многих городах страны периодически проводятся конференции и симпозиумы с международным участием, которые становятся дискуссионной площадкой по русскому языку, русской литературе, сопоставительно-типологическому описанию русского и других языков, методическим проблемам обучения РКИ. Каждые четыре года, начиная с 1971, в Великотырновском университете при поддержке ОРБ проводится международный симпозиум под эгидой МАПРЯЛ, в тематику которого традиционно входят все аспекты и актуальные проблемы мировой русистики. Научная продукция болгарских русистов представлена в сборниках, вышедших по поводу различных юбилеев, научных форумов и проектов.

Важную роль в популяризации научных достижений болгарских русистов играет орган ОРБ – журнал «Болгарская русистика», издающийся с 1974 года с некоторыми перерывами в период 1994–2000 годов, связанными с изменением общественно-политической ситуации в Болгарии и финансовыми проблемами. Журнал является продолжением ежемесячного бюллетеня «Русский язык», который издавался в период 1968–1973 годов. На страницах журнала популяризируются исследования болгарских и иностранных русистов в рубриках «Языкознание», «Литературоведение», «Лингвокультурология», «Методика», «Вопросы перевода», «История изучения русского языка в Болгарии», «Рецензии и отзывы», «Хроника». Несмотря на трудности в последние годы, журнал выходит регулярно при финансовой поддержке Фонда «Славяне», а также в электронном виде⁴.

Состояние преподавания и изучения русского языка в новых общественно-политических условиях

Положение русского языка в Болгарии в течение длительного периода времени, до произошедших в начале 90-х годов XX века перемен, можно определить как «привилегированное», так как он входит в обязательную программу средних школ и университетов. Изменения общественно-политического и экономического курса развития страны коренным образом меняют ситуацию. По данным Министерства образования и науки, «в 90-е годы XX века в средних школах русский язык занимает лишь 14-е место по востребованности» (Почеканска, 2007). Совместными усилиями русистов при поддержке Министерства образования и науки принимаются меры для вос-

⁴ Болгарская русистика. URL : https://bgrusisty.com/?page_id=23

становления и расширения площадок изучения русского языка: создается Болгарская национальная сеть базовых школ с изучением русского языка (2003 год), сотрудничающая с российскими организациями, поддерживающими профессиональную квалификацию учителей и преподавателей (Правительство Москвы, фонд «Русский мир» и др.).

В борьбу за сохранение русского языка в школах и университетах включается новая неформальная структура – «Болгарская национальная сеть преподавателей русского языка и культуры» (БНСПРЯК), которая объединяет профессионалов всех уровней: дошкольного, школьного и высшего образования. Она взаимодействует как с Министерством образования, так и с местными органами управления. Обе структуры ежегодно проводят национальную школьную олимпиаду в рамках программы «Школа – территория ученика». Олимпиада, как и организуемые творческие конкурсы, детский театральный фестиваль, праздники песен призваны поддерживать интерес к изучению русского языка.

В результате всесторонних усилий плеяды профессионалов, поддерживаемых профессиональными организациями, а также соответствующими структурами Министерства образования и науки и региональных инспекторов в последние годы интерес к русскому языку в Болгарии возрастает. Выстроена вертикальная система формального и неформального обучения русскому языку, которая охватывает дошкольный, школьный, университетский уровни, а также курсы дополнительного образования. Важно отметить, что за последнее время активизируется интерес к русскому языку в детских садах, в связи с чем создаются методические пособия для обучения в дошкольном возрасте⁵. Школьные программы Министерства образования и науки предлагают болгарским школьникам выбор среди 25 иностранных языков. Как показывает анализ данных Национального статистического института Болгарии, приводимых ниже, в средних школах среди всех предлагаемых языков русский язык изучается как первый или второй иностранный, при этом устойчиво занимает второе место после английского (рис. 1).

17. Ученици в общообразователните училища по брой и вид на изучаваните чужди езици и по групи класове
Students in general schools by number and kind of the foreign languages studied and by grade groups

	2016/2017	2017/2018 ⁸	2018/2019	2019/2020	2020/2021	(Брой) (Number)
	Общо Total					
Общо	605729	587836	581267	572504	565023	Total
Неизучаващи чужди езици	45612	42340	39432	44159	37448	No foreign language
Изучаващи 1 чужд език	423959	414825	412415	403924	401716	At least one foreign language
Изучаващи 2 чужди езика	134600	129720	127993	123538	125113	At least 2 foreign languages
Изучаващи 3 и повече чужди езика	1558	951	1427	883	746	At least 3 and more foreign languages
Според изучаваните чужди езици						By studied foreign languages
Английски	507575	494288	496423	486348	486393	English
Немски	65581	65724	64141	60548	60487	German
Френски	21552	19397	18417	17200	17528	French
Испански	17066	17297	18292	18758	19074	Spanish
Италиански	3515	3804	3804	3643	3797	Italian
Руски	76072	71467	66422	62185	60782	Russian
Други езици	6472	5141	5183	4967	6119	Other languages

Рис. 1. Русский язык среди других изучаемых языков

Источник: Образование в Република България 2021 / Национален статистически институт.
URL: <https://nsi.bg/sites/default/files/files/publications/education2021.pdf> (дата обращения: 17.04.2022).

⁵ Бирова И.Л., Деянова-Атанасова А. Русский язык как иностранный в детском саду : методическое пособие для учителей. София : Булгарресурс 7, 2013. 195 с.

Эта тенденция прослеживается на начальном общем (I–IV классы) и основном общем (V–VII/VIII до учебного 2016/2017 года) этапах обучения (рис. 2 и 3).

	I – IV клас I – IV grade					Total
	2016/2017	2017/2018	2018/2019	2019/2020	2020/2021	
Общо	263218	262476	256618	248157	237556	Total
Неизучаващи чужди езици	44600	40584	38100	40774	36408	No foreign language
Изучаващи 1 чужд език	213271	216705	212848	202354	196346	At least one foreign language
Изучаващи 2 чужди езика	5093	4950	5400	4964	4746	At least 2 foreign languages
Изучаващи 3 и повече чужди езика	254	237	270	65	56	At least 3 and more foreign languages
Според изучаваните чужди езици						By studied foreign languages
Английски	199616	202793	200818	191617	186738	English
Немски	6244	6631	6966	5416	5249	German
Френски	2480	2199	1900	1968	1794	French
Испански	652	727	916	689	662	Spanish
Италиански	368	519	501	587	501	Italian
Руски	12812	12555	11681	10723	9596	Russian
Други езици	2047	1892	1676	1477	1466	Other languages

Рис 2. Место русского языка среди других изучаемых языков в I–IV классах

Источник: Образование в Република България 2021 / Национален статистически институт. URL: <https://nsi.bg/sites/default/files/files/publications/education2021.pdf> (дата обращения: 17.04.2022).

(Продължение и край) (Continued and end)						(Брой) (Number)
	2016/2017	2017/2018	2018/2019	2019/2020	2020/2021	
	V – VIII клас V – VIII grade		V – VII клас V – VII grade			
Общо	213488	189459	190033	191572	194412	Total
Неизучаващи чужди езици	612	1009	891	2985	655	No foreign language
Изучаващи 1 чужд език	180746	160773	163171	165603	173639	At least one foreign language
Изучаващи 2 чужди езика	31940	27448	25658	22775	19834	At least 2 foreign languages
Изучаващи 3 и повече чужди езика	190	229	313	209	284	At least 3 and more foreign languages
Според изучаваните чужди езици						By studied foreign languages
Английски	191483	171218	173790	174774	178676	English
Немски	12579	11777	11001	9594	9641	German
Френски	4275	3069	2665	2583	2597	French
Испански	3302	3535	3957	4008	4004	Spanish
Италиански	713	999	634	525	539	Italian
Руски	31301	24784	22506	19266	17343	Russian
Други езици	1543	974	873	1030	1359	Other language:
	IX – XII клас IX – XII grade		VIII – XII клас VIII – XII grade			
Общо	129023	135901	134616	132775	133055	Total
Неизучаващи чужди езици	400	747	441	400	385	No foreign language
Изучаващи 1 чужд език	29942	37347	36396	35967	31731	At least one foreign language
Изучаващи 2 чужди езика	97567	97322	96935	95799	100533	At least 2 foreign languages
Изучаващи 3 и повече чужди езика	1114	485	844	609	406	At least 3 and more foreign languages
Според изучаваните чужди езици						By studied foreign languages
Английски	116476	120277	121815	119957	120979	English
Немски	46758	47316	46174	45538	45597	German
Френски	14797	14129	13852	12649	13137	French
Испански	13112	13035	13419	14061	14408	Spanish
Италиански	2434	2286	2669	2531	2757	Italian
Руски	31959	34128	32235	32196	33843	Russian
Други езици	2882	2275	2634	2460	3294	Other languages

Рис. 3. Место русского языка среди других изучаемых языков в V–VII/VIII и VIII/IX классах

Источник: Образование в Република България 2021 / Национален статистически институт. URL: <https://nsi.bg/sites/default/files/files/publications/education2021.pdf> (дата обращения: 17.04.2022).

На последнем этапе (VIII/IX–XII классы) полного среднего образования русский язык уступает второе место и уходит по востребованности на третье место после английского и немецкого языков. Этот факт объясняется

выбором многих болгарских школьников продолжить высшее образование в Западной Европе, в том числе Германии. Однако это не относится к профессиональным средним школам, где русский язык по-прежнему занимает второе место (рис. 4).

9. Ученици в професионалните паралелки и училища по брой и вид на изучаваните чужди езици
Students in vocational classes and schools by number and kind of the foreign languages studied

	2016/2017	2017/2018 ¹	2018/2019	2019/2020	2020/2021	(Брой) (Number)
Общо	131436	142021	136229	135117	138656	Total
Неизучаващи чужди езици	5438	6840	7167	6782	4652	No foreign language
Изучаващи 1 чужд език	61750	73109	70944	71848	57791	At least one foreign language
Изучаващи 2 чужди езика	64047	61838	57960	56370	76100	At least 2 foreign languages
Изучаващи 3 и повече чужди езика	201	234	158	117	113	At least 3 and more foreign languages
Според изучаваните чужди езици						By studied foreign languages
Английски	109694	118620	115155	115278	122128	English
Немски	30562	29424	27216	26073	33061	German
Френски	7790	7207	6560	6284	8577	French
Испански	2063	2079	2244	2124	2229	Spanish
Италиански	1083	1304	1053	1072	2182	Italian
Руски	38720	38003	34597	33518	41890	Russian
Други езици	535	850	513	590	263	Other languages

Рис. 4. Русский язык в профессиональных школах

Источник: Образование в Република България 2021 / Национален статистически институт.
URL: <https://nsi.bg/sites/default/files/files/publications/education2021.pdf> (дата обращения: 17.04.2022).

К сожалению, в нашей стране не поддерживается официальная статистика о студентах, изучающих русский язык как иностранный в высших школах. Обществом русистов Болгарии запланировано проводить ежегодную анкету среди преподавателей высших школ о количестве студентов, выбравших изучать русский язык. По нашим наблюдениям, кроме филологических специальностей, русский как первый или второй иностранный язык выбирают студенты экономических, политических, технических, медицинских и прочее специальностей. По численности эти студенты многократно превышают студентов-филологов.

Владение иностранным языком на сегодняшнем этапе приобретает особое значение и является необходимым компонентом системы обучения в нефилологических вузах. Общение на иностранном языке – залог будущей успешной научно-профессиональной деятельности выпускников университетов независимо от их профиля. В эпоху глобализации русский язык для специальных целей (РЯСЦ) и деловой русский востребован студентами многих болгарских вузов, в том числе экономического профиля (Университет национальной и мировой экономики, Варненский экономический университет, Варненский свободный университет, экономический факультет Софийского университета, экономический факультет Фракийского университета), технического профиля (Технический университет – София; Лесотехнический университет – София; Технический университет – Варна, Русенский университет имени А. Кынчева), медицинского направления (Медицинский университет, г. Варна), в колледжах по туризму в Варне и Бургасе, в военном университете, в высших училищах по искусствам и Национальной спортивной академии.

В нефилологических вузах русский язык входит в основную программу обучения иностранным языкам. Например, в Университете национальной

и мировой экономики русский язык изучается с момента своего создания на протяжении более 100 лет. «Еще в первый год обучения начинается изучение французского, немецкого, русского и английского языков, которые входят в обязательные учебные дисциплины университета» (Веселинов, 2019). Среди первых преподавателей русского языка выделяются имена профессора М.Г. Попруженко, Л.А. Болотовой, С.С. Левицкой, И.П. Нилова, И. Раева, профессора Г.Ст. Пашева.

Обучение русскому языку студентов неязыковых специальностей является непростой задачей, поскольку оно связано с необходимостью формирования языковой и коммуникативной компетенции студентов, с усвоением умения вступать в профессиональное общение (в устной и письменной формах).

Русисты Болгарии гордятся результатами теории и методики обучения РЯСЦ на разных этапах обучения. Обучение происходит в неязыковой среде, и, хотя русский и болгарский – близкородственные языки, имеющие общие славянские корни, то языковые системы существенно отличаются друг от друга (речь идет об аналитизме и синтетизме). Основные принципы, на которых строится аудиторная работа на занятиях РКИ – это коммуникативность, деятельностный характер усвоения русского языка, «диалог культур», использование контрастивных методов анализа с учётом родного языка. Широко применяются современные образовательные технологии ситуационного обучения, в том числе методы проектной работы и кейс-стади, которые вводят студентов в реальные жизненные ситуации, требуя от них участия в управленческом общении.

В эпоху электронной революции набирает все большую силу новая концепция образования – образование на протяжении всей жизни. Это открытая система образования, предполагающая приобретение все новых специальных знаний и постоянное совершенствование профессиональных умений и навыков. Во времена активного межкультурного общения бизнес русский как иностранный выходит за рамки учебной дисциплины в вузе. Знание бизнес русского значительно расширяет возможности деловой коммуникации и профессиональных контактов. У специалиста, владеющего иностранным языком, повышается готовность к самообразованию и самореализации, что является проявлением новой, личностно ориентированной парадигмы образования.

Логично возникает вопрос о мотивации выбора изучения русского языка. Ю.Е. Прохоров справедливо отмечает рациональную основу выбора, осознание факта, что русский язык «поможет сделать хорошую карьеру, добиться успеха в избранной профессии» (Прохоров, 2014). Сочетание субъективных и объективных экономических факторов, таких как поиск работы, туризм и обслуживание, инвестиции, приводят к устойчивому интересу к изучению русского языка в Болгарии.

Значительна роль фонда «Русский мир» в повышении интереса к русскому языку и его распространении. Он поддерживает многовекторную работу созданных после 2007 года Русских центров в Варне, Пловдиве, Софии, Плевене и ряда кабинетов в средних школах и университетах. Международная квалификационная школа «Современные педагогические технологии в

обучении РКИ», проходившая ежегодно в Русском центре Варненского свободного университета имени Черноризца Храбра, приобрела широкую популярность не только в стране, но и за границей. Участие в методической школе принимают студенты как из стран Европы (Азербайджан, Беларусь, Венгрия, Греция, Грузия, Италия, Латвия, Литва, Молдова, Польша, Россия, Румыния, Сербия, Украина, Чехия и Эстония), так из стран Азии (Казахстан, Кыргызстан) (Шамонина, 2018: 40). По традиции в школе представлены и болгарские университеты, в которых есть филологические кафедры русского языка: Великотырновский, Пловдивский, Софийский, Шуменский и Юго-Западный. Основная цель школы – «развитие научной и творческой активности молодых русистов» и овладение начинающими педагогами «конкретными знаниями и практическими умениями» (Шамонина, 2018: 42). Центр русского языка и культуры при Пловдивском университете им. Паисия Хилендарского ежегодно организует студенческие семинары по переводу. Столичный Центр русского мира проводит школы повышения квалификации учителей и преподавателей, курсы русского языка для детей и взрослых, научно-методические конференции и семинары по актуальным проблемам изучения русского языка и литературы.

Следует отметить, что с финансовой поддержкой различных европейских программ за последние десятилетия в Болгарии разрабатывались проекты, направленные на обучение иностранным языкам (в том числе русскому) взрослых в сфере туристического бизнеса. Среди них стоит упомянуть проекты, принесшие наибольшую добавочную стоимость. Для людей, работающих в гостиничном и ресторанном бизнесе, предназначен «Be My Guest: русский язык для гостиничного бизнеса»⁶, осуществленный при поддержке Европейской комиссии. На изучение иностранных языков посредством песен на уровне А2–В1 Общеευропейской системы уровней владения иностранным языком направлен проект «Учите русский с помощью песен»⁷.

На наш взгляд «совершенствование коммуникативных навыков взрослых, работающих на рынке туристических услуг, представляет важный элемент развития человеческих ресурсов, поэтому предназначенные для этой категории работающих учебные материалы по русскому языку должны способствовать развитию языковых умений и овладению межкультурных особенностей с применением инновационных методов интерактивного обучения» (Пенчева, 2017: 644). Инновационный образовательный ресурс для обучения русскому языку RETOUR – Russian for tourism⁸ вписывается в стратегию ориентации образовательного процесса не только на соответствие требованиям профессионально-образовательного стандарта, но и на моделирование профессиональной культуры специалистов, на формирование у них стремления к постоянному самосовершенствованию с помощью цифрового контента.

⁶ Be My Guest. URL : <http://elrusoenespana.com/russianonline/>

⁷ Languages & Integration through Singing. URL : <http://www.languagesbysongs.eu/>

⁸ YouTube. URL : [https://www.youtube.com/channel/UCLn6xjVtH88T1aje6TLE0Dg; RETOUR – Russian for tourism](https://www.youtube.com/channel/UCLn6xjVtH88T1aje6TLE0Dg;RETOUR-Russian-for-tourism). URL : <http://www.l-pack.eu/retour/>

Заключение

Становление и развитие болгарской русистики представляет важную страницу в европейском и глобальном осмыслении двусторонних и многосторонних контактов русистов. Изучение динамики спроса русского языка на школьном и университетском уровнях в Болгарии показывает относительную устойчивость и независимость интереса к русскому языку от происходящих в обществе перемен. Причины этого явления коренятся не только в традициях, но и в прагматическом отношении современной молодежи и участников на рынке труда к своей профессиональной подготовке и квалификации.

Вопреки трудностям, вызванным переходом в онлайн в период пандемии, а также недостаточным количеством учебных часов в некоторых вузах, мотивированность учителей и преподавателей не снижается. Болгарские русисты участвуют в работе симпозиумов, конференций и конгрессов МАПРЯЛ, сотрудничают в проектах с русистами из России и других стран, публикуют статьи в престижных международных журналах, издают монографии, учебники и учебные пособия. На болгарский язык выходят переводы наиболее популярных российских авторов художественной литературы.

Результаты данного исследования представляются важными, поскольку выявляют устойчивую тенденцию интереса к изучению русского языка. Современная эпоха, однако, ставит нас перед испытаниями. Несмотря на кажущуюся устойчивость и стабильность процессов на европейском и мировом пространстве, порой происходят события, воздействие и влияние которых на международное общение, интеграционные процессы и диалог культур трудно предвидеть и учесть. Двухвековая традиция преподавания и изучения русского языка в нашей стране дает надежды на то, что, независимо от политических и экономических флуктуаций, влияющих на интерес к русскому языку, культуре и литературе, устойчивая тенденция сохранится и голос болгарских русистов все также уверенно будет звучать во всемирном хоре.

Список литературы

- Аврамова В.* Обществу русистов в Болгарии 50 лет // Болгарская русистика. Альманах. София : Общество русистов Болгарии, 2017. С. 5–13.
- Алексиева Т.И., Вачева А.И.* Развитие русистики в Софийском университете – современное состояние и достижения // Русистика сегодня : традиции и перспективы : сборник докладов юбилейной международной научной конференции (София, 23–25 ноября 2016 г.). София : Тип-топ прес, 2017. 664 с.
- Вербицкая Л.А.* Варна, Шанхай, Гранада : научный полилог на блестящем русском языке // Русистика : вчера, сегодня, завтра : сборник докладов юбилейной международной научной конференции (София, 29 июня – 2 июля 2017 г.). София : Общество русистов Болгарии, 2018. С. 3–8.
- Градинарова А., Липовска А.* Кафедра русского языка Софийского университета имени Св. Слимента Охридского // Болгарская русистика. Альманах. София : Общество русистов Болгарии, 2007. С. 12–39.
- Димитрова Н.* Системность и вариантность терминологии транспортно-экспедиционной деятельности. София : ВТУ «Т. Каблешков», 2019. 168 с.

- Лесневская Д.С.* Новое и традиционное в болгарской методике преподавания русского языка как иностранного // *Болгарская русистика. Альманах.* София : Общество русистов Болгарии, 2017. С. 176–189.
- Лесневская Д.С., Лесневская Р.В.* Изучение и продвижение русского языка в Болгарии. Русистика без границ. 2018. № 1. С. 85–94. URL : http://www.rusistikabg.com/wp-content/uploads/2019/01/RUSISTIKA-BEZ-GRANICI_1_2018.pdf (дата обращения: 18.04.2022).
- Маврова А.* Методика обучения русскому языку – научная и практическая деятельность кафедры методики Софийского университета имени Св. Климента Охридского // *Русский язык за рубежом. Специальный выпуск. Русистика Болгарии.* 2018. С. 47–49.
- Пейчева С.* Русский язык и его место в историческом развитии Болгарии (1878–1989) // *Болгарская русистика. Альманах.* София : Общество русистов Болгарии, 2007. С. 4–7.
- Пенчева А.* Ретур – инновационный ресурс для обучения русскому языку работников туризма в странах ЕС // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Лингвистика.* 2017. Т. 21. № 3. С. 635–652. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-3-635-652>
- Петкова Г.* Болгарская литературоведческая русистика сегодня // *Филологический класс.* 2021. Т. 26. № 4. С. 34–36. URL : <https://www.filclass.ru/archive/2021/tom-26-4> (дата обращения: 29.04.2022).
- Петкова С.* Метадискурсивные единицы русского языка. Функционально-прагматический аспект. София : Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 2011. 181 с.
- Почеканска С.* Настоящее и будущее русского языка в Болгарии // *Русский язык за рубежом.* 2007. № 6. С. 61–69.
- Почеканска С.* Русский язык в Болгарии // *Русский язык за рубежом. Специальный выпуск. Русистика Болгарии.* 2018. С. 10–11.
- Прохоров Ю.Е.* Предисловие // *Слово – история – культура / М.В. Горбаневский.* Тамбов : Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2014. С. 4.
- Радкова А.* Русский язык в средних школах и мотивация его изучения // *Русский язык за рубежом. Специальный выпуск. Русистика Болгарии.* 2018. С. 43–46.
- Ралева Ц.* Преподавание и исследование русского языка в Софийском университете : традиции и современность // *Русистика : язык, культура, перевод : сборник докладов юбилейной международной научной конференции (София, 23–25 ноября 2011 г.).* София : Изток – Запад, 2012. С. 3–10.
- Стоянова Е.* Лингвокультурное направление в научных исследованиях болгарских русистов // *Болгарская русистика. Альманах.* София : Общество русистов Болгарии, 2017. С. 104–117.
- Стрельчук Е.Н., Шаклеин В.М.* Русистика живет всех живых // *Cuadernos de Rusística Española.* 2018. № 14. С. 15–25. <https://doi.org/10.30827/cre.v14i0.7630>.
- Хънтов В.С.* О передаче некоторых российских сокращений юридического характера на болгарский язык // *Осенние коммуникативные чтения – 2018: сборник статей международной научно-практической конференции.* 2020. Т. 1. С. 201–205.
- Чернева Н.* О песне на уроке русского языка // *Обучение иностранным языкам.* 2019. Т. 46. № 4. С. 416–424.
- Шамонина Г.* Современные педагогические технологии в обучении РКИ // *Русский язык за рубежом. Специальный выпуск. Русистика Болгарии.* 2018. С. 39–42.

Сведения об авторе:

Пенчева Антония, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков и прикладной лингвистики, Университет национальной и мировой экономики, Республика Болгария, 1700, София, ул. 8-ми декември. Преподаватель рус-

ского языка в Дипломатическом институте Министерства иностранных дел Республики Болгария, председатель Общества русистов Болгарии, член президиума МАПРЯЛ. *Сфера научных интересов*: сопоставительная лингвистика, лингвокультурология, лингвистика текста (текст международных договоров и документов), деловой русский язык, межкультурная коммуникация, проблемы перевода художественной и специализированной литературы. Участвует в университетских и международных научных проектах. ORCID: 0000-0003-0709-9712. E-mail: apencheva@unwe.bg

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4-399-413

Research article

The Bulgarian voice in the world Russianists' choir

Antonia Pencheva

*University of National and World Economy,
8th Decemvri St, Sofia, 1700, Republic of Bulgaria*

✉ apencheva@unwe.bg

Abstract. The author thoroughly examines the emergence, formation and development of the Russian studies in Bulgaria as a scientific field, both in retrospect and in the context of its current state. The author traces the influence of historical, political and socio-economic factors on teaching Russian to Bulgarians. Keeping in mind the changes in the political and socio-economic orientation of the Republic of Bulgaria and of the Russian Federation in the last three decades, it appears relevant at the present states of development of the two countries to comprehensively describe the various development trends of the Russian studies and Russian language teaching in Bulgaria. Representative material from scientific publications and collective monographs on heterogeneous aspects of the Russian studies (linguistic, literary and applied) has been used in the research. Traditional methods of analysis and evaluation of scientific literature, observation, description and generalization of pedagogical experience are applied in this study. It also includes analysis of data from the National Statistical Institute of Bulgaria on the number of schoolchildren studying Russian at different stages and in different types of secondary schools. The official statistical data show a stable interest in the Russian language among Bulgarian pupils and students, regardless of changing attitudes in the society. The Russian language remains the second most frequently chosen after English. The pragmatic attitude of pupils and students, a combination of subjective and objective factors contribute to their choice to study Russian. The specific feature of the Bulgarian model is teaching Russian at all levels: preschool, school, university and continuing education in accordance with the European policy of lifelong learning.

Keywords: Russian studies, Bulgaria, Russian studies history, Society of Russianists in Bulgaria, motives for studying, Russian language, Bulgarian model

Article history: received 05.03.2022; accepted 18.06.2022.

For citation: Pencheva, A. (2022). The Bulgarian voice in the world Russianists' choir. *Russian Language Studies*, 20(4), 399–413. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-399-413>

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
ACTUAL PROBLEMS
OF RUSSIAN LANGUAGE RESEARCH

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4-414-433

Научная статья

**Вербальная экспликация
аксиологических констант русскоязычного фем-дискурса
в контексте феномена киберактивизма**

Н.А. Боженкова¹ , А.А. Негушина¹ , Р.К. Боженкова²

¹Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина,
Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 8

²Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана,
Российская Федерация, 105005, Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1

 natalyach@mail.ru

Аннотация. Рассматривается сопряжение базисных конститuentов двух новых для современной русистики феноменов – явления интернет-активизма и языковой личности фем-активистки. Актуальность работы обуславливается объектом исследования, представляющим собой особые формы социолингвокультурных интеракций – дискурсивные практики фем-киберактивизма, которые, транслируясь в сетевой среде с целью осуществления общественно-политической деятельности, составляют сегодня значительную часть контента и оказываются одним из важнейших факторов формирования аксиологических детерминант российского общества. Цель исследования – выявление и системная характеристика лингвоспецифических признаков феминистских и профеминистских блогов, демонстрирующих как идеологические воззрения фем-движения, так и особенности языковой репрезентации тематического поля феминизма в аспекте представленности идиоэтнических черт языковой личности фем-активистки. Материалом исследования послужили авторские интернет-блоги фем-активисток, текстовые единицы тематических феминистских сообществ в социальных сетях, а также текстовые материалы общественных организаций. Использовались критический дискурс-анализ, функциональный анализ корпусов медиатекстов, комплексный компонентный и контекстуальный анализ языковой системы российской блогосферы, стилистический анализ изобразительных ресурсов русского языка, лингвопрагматический анализ речевых и коммуникативных актов и метод лингвокультурологических истолкований. Выявлено, что блогерский активизм имеет ряд характерных признаков, которые отражаются на его рече-коммуникативном наполнении. Главным назначением большинства блогов (особенно относящихся к категории личных, профеминистских) является акт самопрезентации, поэтому такой активизм нередко имеет индивидуальный, а не коллективный характер, авторы обычно не обозначают гражданско-политические цели, что сближает данный подкорпус фем-дискурса с неполитически-

ми общественными практиками. Установлено, что авторы блогов редко используют конвенциональные языковые формы, традиционно присущие идеологизированным практикам, что в свою очередь приводит к выработке новых коммуникативных стратегий и может иметь в будущем значительный социальный эффект. Доказано, что фем-киберактивизм, развивая «под определенным углом» смыслообразующий компонент фем-дискурса, представляющего собой критическую рефлексию женской субъектности, демонстрирует высокую степень вовлекаемости гражданского сообщества в определенные политические процессы. Дальнейшее рассмотрение феномена фем-киберактивизма может дать ответ на многие вопросы лингвокультурного и – шире – цивилизационного устройства российского общества.

Ключевые слова: киберактивизм, русскоязычный феминистский дискурс, российская блогосфера, коммуникативные идеологизированные практики, изобразительные ресурсы, русский язык, лингвоаксиологические доминанты, лингвопрагматический инструментарий

История статьи: поступила в редакцию 16.04.2022; принята к печати 11.07.2022.

Для цитирования: Боженкова Н.А., Негушина А.А., Боженкова Р.К. Вербальная экспликация аксиологических констант русскоязычного фем-дискурса в контексте феномена киберактивизма // Русистика. 2022. Т. 20. № 4. С. 414–433. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-414-433>

Введение

Как известно, содержательным ядром и «точкой притяжения» многих направлений антропологической лингвистики является понятие *языковой личности*, понимаемой как конвергентное соединение *универсального, этноэтнического и индивидуального*, где первое – наличие коммуникативной способности, второе – этномаркированный опыт овладения системой языка как способа концептуализации мира, третье – специфичность когнитивно-коммуникативных механизмов текстообразования, воплощенных в формальной рамке освоенного личностью лексикона, определенного набора синтаксических моделей и иных знаковых (в широком смысле) единиц, манифестирующих как «самостные» характеристики личности, так и ее принадлежность к соответствующей социальной группе.

Соответственно, описание категориальных признаков языковой личности строится на конституировании ее статуса как *«создателя, носителя и пользователя языка в условиях коммуникативной реальности»* (Сахарова, 2017), в результате чего языковая личность оказывается *субъектом социальной коммуникации*, что обуславливает: 1) детальное и системное изучение интерактивного пространства «жизненных сценариев» агента коммуникации, иначе – дискурсивное взаимодействие; 2) фиксацию внимания на творческом, создающем характере его речи; 3) выявление признаков этноментального типа коммуникатора – то есть через призму национально-культурной специфичности; 4) характеристику языковой личности через развитие ее субъектности (см., например: языковая личность «возникает тогда, когда индивид начинает самостоятельно, как субъект, осуществлять внешнюю деятельность по нормам и эталонам, заданным ему извне – той культурой, в лоне которой он просыпается к человеческой жизни и человеческой деятельности» (Ильенков, 1991: 398)).

Бесспорно, все названные векторы научной мысли являются взаимобусловленными и взаимопересекающимися, однако первый и последний из них вызывают в современной русистике особый интерес в связи кардинальным преобразованием характера коммуникативных отношений, детерминированным лавинообразной цифровизацией общества и, как результат, формированием новой, виртуальной среды взаимодействия – онлайн-реальности, не только задавшей «правила существования» русского языка в Интернете, но и определившей «иные смыслы» и правила речевого поведения в целом (см. работы: Боженкова и др., 2019; Зеленевская, 2014; Кожемякин, 2010; Солнцева, 2019; Шурухова, 2016 и др.).

Наиболее ярко все специфические параметры и характеристики онлайн-коммуникации реализуются, безусловно, в медиаязыке сети Интернет, который, вследствие своей полисемиотической устроенности, становится все более значимым инструментом влияния на общественное сознание. И это не случайно: «информационное поле СМИ, являясь неотъемлемой частью социально-этнической культуры любого общества, представляет собой сложный конгломерат идей, где обозначены цели и интересы этого общества. Поэтому, с одной стороны, СМИ учитывают *культурно-идеологический контекст*, с другой – сами же участвуют в его формировании: столь интенсивная практика (информационные потоки «затягивают в свою воронку» все страты общества) оказывает значительное влияние на коммуникативно-психологическую организацию и конкретной личности, и целевой аудитории в целом» (Боженкова, Негушина, 2021: 242).

Более того, активизация в современных условиях *социальных медиа* и рост численности пользователей различных интернет-ресурсов детерминирует возможность расширения общественно-политического капитала и зарождения новых форм гражданской мобилизации: в силу открытости и доступности интернет-среда значительно демократизирует способы общественного участия («вынося» политику за рамки сугубо профессиональной среды) и тем самым дает толчок интенсивному развитию такой формы социальной активности как *киберактивизм* (Брюханова, 2021).

Феномен киберактивизма стал объектом научного описания относительно недавно, но и представлен рядом работ зарубежных (см.: Geisler, 2018; Loney-Howes, 2015; Ringrose, 2019 и др.) и отечественных (см.: Бродовская и др., 2020; Каверина, Декич, 2020; Парма, 2021; Савельева, 2020 и др.) ученых, при этом степень значимости Интернет-активизма оценивается неоднозначно. Некоторые исследователи полагают, что цифровые формы общественного участия не только не могут иметь серьезных политических последствий, но и серьезно обесценивают традиционные формы гражданской инициативы (с чем связано понятие *слактивизма*; см.: Cabrera et al., 2017)¹. Другие исследования, напротив, утверждают, что сетевые площадки обладают большим потенциалом вовлечения в политическую деятельность самых разнообразных групп граждан (Пикула, 2015; Походня, 2020). Однако в целом ученые утверждают, что сетевые формы активизма существенно отличаются от традици-

¹ Morozov E. From slacktivism to activism // Foreign Policy. 2009, 5 September. URL: <http://foreignpolicy.com/2009/09/05/from-slacktivism-to-activism> (даты обращения: 15.02.2022).

онных, поэтому в современном политико-идеологическом пространстве занимают особое место (Походня, 2020).

Основные цели киберактивизма аналогичны целям традиционного общественно-политического взаимодействия – инициация гражданской активности для решения конкретных политических задач, однако технологически киберактивизм имеет существенно большую потенцию: для расширения аудитории, информирования и трансляции программных концептов цифровые активисты используют сетевые инструменты коммуникации, в результате чего не только развиваются новые, самостоятельные форматы киберактивизма (например, онлайн-петиции, хэштег-кампании и пр.), но и претерпевают существенные изменения «стандартные» формы взаимодействия в виртуальной реальности – авторские блоги.

Интернет-блоги как независимые площадки, имеющие публичный статус (Нестеренок, 2013), предоставляют значительные возможности их авторам эффективно осуществлять прямое коммуникативное действие и транслировать собственную позицию в глобальный социальный контекст. Подчеркнем, что в аспекте политической проблематики последнее оказывается особенно значимым, поскольку означает мгновенную групповую социальную реакцию на повестку. Важен и тот факт, что блогосфера демонстрирует невысокую чувствительность к цензурированию (не в последнюю очередь из-за постоянного увеличения числа подписчиков), что делает ее подходящим местом для лоббирования самого широкого круга идей.

На этом фоне открытость и интерперсональность блогосферы является значимым моментом для научного осмысления, поскольку дает возможность изучить как особенности ведения идеологически маркированной дискуссии путем сетевых каналов связи, так и степень экстраполяции неких общественно-политических констант и влияние на аксиологическую картину лингвокультурного универсума в целом (см. работы: Vozhenkova et al., 2017; Видинеева, 2020; Генералова, Ребрина, 2018; Генералова, 2020; Савицкая, 2011; Сидорова, 2011; Рогачева, 2009; Фокина, 2014 и др.).

Чрезвычайно интересными с этой позиции, по нашему мнению, являются блоги, актуализирующие в российском коммуникативном пространстве *идеи феминизма*. Именно киберактивизм, будучи формой гражданской инициативы, стал для русскоязычного поля некой «отправной точкой» формирования новых дискурсивных практик фем-движения, локализованных преимущественно в сети. «Четвертая волна» феминизма, возникшая в конце 2000-х гг., намеренно фокусируется на использовании сетевых инструментов, так как они обычно не требуют больших материальных затрат, являются легкодоступными, при этом значительно расширяют потенциальную аудиторию (Винник, 2010; Гнедаш, 2022).

Ведущим мотивом современного этапа фем-движения остается, как и прежде, теория гендера как *стратификационной* переменной (гендерное неравенство), а также «практики, связанные с конструированием социального пола» (Троицкая, 2000: 374), а конституирующим параметром – рефлексия *женской субъектности*, при этом влияние феминистской идеологии проявляется в разной степени (от крайних форм, когда какие бы то ни было различия отрицаются, а выдвигаются требования полной симметричности в от-

ношениях между полами до умеренных проявлений, выражающихся в попытке «отстоять» свое право на социальный статус). Соответственно, смыслообразующей единицей для феминистских текстов является понятие *женской идентичности*, что определяет феминистский дискурс как «особую разновидность дискурса идеологического, экземплифицирующего альтернативную картину мира, основанную на базе женского опыта и преобразованную с помощью средств языка» ((Боженкова, Негушина, 2021: 243).

Поскольку феминистская проблематика встроена не только в бытовую сферу, но и в систему общественных институтов, ее решение и обсуждение нередко требует собственно политического участия. Более того, для феминизма (впрочем, как для любого другого общественного движения) большое значение имеет возможность трансформации социального миропорядка, поэтому даже акт информирования в текстовом пространстве фем-блогов рассматривается киберактивистками как эффективный инструмент управления массовой аудиторией, как способ осуществления регуляции коммуникативного и – шире – социокультурного поведения. В этой связи макроструктура феминистских интеракций и их вербальные компоненты имеют особую «окрашенность», что, во-первых, сближает дискурс феминизма с политическим дискурсом, во-вторых, обуславливает активизацию инкорпорирования специфических конститuentов фем-блогов в реальную коммуникативную практику, в-третьих, детерминирует формирование нового типа языковой личности – представительницы российского фем-движения и тем самым оказывается важной составляющей современной русскоязычной логосферы.

Цель исследования состоит в выявлении, описании и компаративной характеристике лингвокогнитивной и лингвоаксиологической специфики русскоязычных феминистских дискурсивных практик, представленных в формальной рамке феминистских и профеминистских интернет-блогов, в контексте феномена киберактивизма.

Методы и материалы

В дискурсивных практиках киберактивизма как в новой, аксиологически значимой форме этносоциокультурного взаимодействия актуализируются общественно и личностно значимые смыслы, способы вербальной репрезентации которых весьма разнообразны. При выявлении лингвокультурной «нагруженности» знаковых конститuentов феминистских сетевых дискурсивных интеракций авторы опирались на совокупность следующих научных методов и подходов: критический дискурс-анализ, используемый для выявления показателей социальной (гендерной) асимметрии; функциональный анализ корпусов медиатекстов (блогов), предполагающий разграничение по генристическим основаниям; комплексный компонентный и контекстуальный анализ языковой системы российской блогосферы, дающий целостное представление о семантической природе знаковых единиц, употребляемых в дискурсивных практиках фем-киберактивизма; стилистический анализ изобразительных ресурсов русского языка, актуализирующих специфику феминистских интеракций. Комментирование представленного эмпирического материала основано на лингвопрагматическом анализе речевых и коммуникативных актов и методе лингвокультурологических толкований.

Материалом исследования послужили авторские Интернет-блоги фем-активисток², текстовые единицы тематических феминистских сообществ в социальных сетях³, а также материалы сайтов и официальных аккаунтов общественных организаций, деятельность которых осуществляется с учетом феминистской идеологии⁴, общим числом более 500 единиц. При отборе эмпирического материала исследования учитывалась тематическая направленность (отражение идеологии феминизма) и/или принадлежность языковой личности автора к российскому фем-движению.

Результаты

Проведенное исследование позволило выявить и описать вербальный инструментарий коммуникативного взаимодействия в контексте фем-идеологии, а также установить лингвоаксиологические доминанты феминистских дискурсивных практик и закономерности употребления вербальных единиц как структурно-организующих компонентов сетевого активизма.

В ходе исследования было доказано, что фем-киберактивизм, основной технологией которого является гиперболизирующая проблематизация отдельных (редко эксплицируемых в публичном пространстве) аспектов жизни женщин, следует рассматривать как некий механизм «прерывания» гипредискурса дискриминации. Вербализация проблемы, информирование масс и призыв к различным легитимным политическим действиям становятся инструментарием аксиологической «переакцентуации» общества.

Было установлено, что в основе данного подхода лежит идея интерсекциональности (угнетение может принимать разные формы, а идентичности – гендерная, национальная, религиозная – пересекаются), из чего следует, что опыт каждого индивида уникален и обязательно должен быть *объективирован при помощи языковых средств*, так как подобный акт «проговаривания», «именования» и «характеризации», синергетически сочетая индивидуальность механизмов дискурсопорождения и устойчивость ценностной иерархии социальных детерминант, во-первых, является способом политического

² Женщина пишет. URL : t.me/readwomanread (дата обращения : 25.06.2022); Дочь разбойника. URL : t.me/megabitch (дата обращения : 25.06.2022); Женская власть. URL : t.me/vlast_Zh (дата обращения : 25.06.2022); Nikonova.online. URL : <http://nikonova.online> (дата обращения : 25.06.2022); Вашу мать! URL : t.me/vashumat (дата обращения : 25.06.2022); Авторка негодует. URL : t.me/fmnsn (дата обращения : 25.06.2022); EQUALITY. URL : <https://g-equality.livejournal.com> (дата обращения : 25.06.2022); Все складно. URL : <https://shieldmaiden.info> (дата обращения : 25.06.2022).

³ Wrong Fem. URL : <https://zen.yandex.ru/id/5e8f5fdb70c4601c2c6536cd> (дата обращения : 25.06.2022); Первый феминистический. URL : t.me/feminism_power (дата обращения : 25.06.2022); Женская логика. URL : t.me/fmnsn (дата обращения : 25.06.2022); Феминизм: наглядно. URL : <https://zen.yandex.ru/id/5ed645f01642f94d932e965e> (дата обращения : 25.06.2022); Высшая школа равноправия. URL : <https://vk.com/hsequality> (дата обращения : 25.06.2022); FEM TALKS. URL : <https://femtalks.moscow/texts> (дата обращения : 25.06.2022); Reason&Justice. URL : https://vk.com/reason_and_justice (дата обращения : 25.06.2022).

⁴ ТыНеОдна. URL : <https://tineodna.ru> (дата обращения : 25.06.2022); Рёбра Евы. URL : <https://www.rebraevy.ru/projects> (дата обращения : 25.06.2022); Write Like a Grrrl. URL : <http://writelikeagrrl.ru/lab> (дата обращения : 25.06.2022); РФО «ОНА». URL : <https://ona.org.ru> (дата обращения : 25.06.2022).

заявления, во-вторых, лежит в основе формирования и развития той само-бытной, уникальной целостности, которая называется языковой личностью.

В процессе исследования также было выявлено, что совокупность вербальных ресурсов, которыми оперируют фем-активистки как авторы блогов, определяет интердискурсивный «посыл» фем-движения и обеспечивает значительное воздействие на аудиторию. Можно утверждать, что сам факт вовлечения в интернет-активизм напрямую влияет как на содержательную организацию интернет-контента и его языковую и семиотическую вариативность, так и на морально-ценностные позиции всего лингвокультурного универсума.

Полученные теоретические результаты и эмпирический материал исследования могут быть включены в общую парадигму описания лингвистических особенностей сетевой коммуникации и служить базой для дальнейшего изучения дискурса российских общественных движений, а также их коммуникативно-воздействующего потенциала.

Обсуждение

Одним из значимых этапов развития феминистской лингвистики стало появление нового направления изучения фем-дискурса, называемое *феминистской критикой языка*. Поскольку фем-идеология «борется» с навязыванием патриархальных ценностей через различные дискурсивные практики, очевидными становятся три главные цели феминистской критики: «идентификация и преодоление мужского доминирования в общественной и культурной среде, отраженного в языке и литературе; разрушение стереотипного противопоставления мужчин и женщин; переосмысление гендерных различий в языковой картине мира» (Кирилина, 2000: 139–140).

Соответственно, феминистская критика фокусируется на нивелировании «языкового сексизма», андроцентричности языка, гендерной цензуре, предполагая, что изменение существующих языковых норм и способов вербальной объективации женской субъектности должно изменить структуру общества в целом. Представляется, что именно актуализация феминистской критики языка определила параметры современных фем-практик и закономерностей, по которым они функционируют.

Первым существенным моментом следует считать разграничение понятия ‘феминистский’ и ‘феминистичный/феминистический’⁵: так, утверждается, что *феминистские* произведения не только затрагивают идеи феминизма, но и созданы феминистками, тогда как *феминистический* текст может быть любого авторства (Исмаилова, 2010). В рамках феминисткой лингвистики принципиальным является формирование такого конструкта феминности, где женщина является главным актором этого процесса. Иными словами, феминным/женственным является то, что сама женщина признает таковым.

Второй важной позицией является дифференциация феминистского дискурса по идеологическим течениям. Так, в описаниях фем-блогов часто

⁵ Отметим, что в ряде лексикографических источников (см.: Епишкин, 2010; Ефремова, 2006) данные единицы представлены как эквивалентные.

можно увидеть указание, к какому направлению авторы себя причисляют⁶, поскольку это не только обуславливает ценностные ориентиры языковой личности, но и маркирует необходимые идеологемы конкретной текстовой единицы фем-дискурса. В этой связи следует констатировать, что русскоязычное фем-движение отличается неоднородностью: например, российское феминистское объединение «ОНА» выделяет семнадцать направлений⁷, среди которых, помимо упоминаемых в различных исследованиях радикального, либерального или интерсекционального, указаны более узконаправленные, «нишевые» течения – экофеминизм, трансфеминизм, чиканофеминизм и пр.

Такой плюрализм объясняется множественностью проблем, которые испытывают женщины разных социальных групп, и это значительно усложняет таксономизацию феминистских блогов (по крайней мере, на основании их тематического наполнения и круга проблем). Не меньшую сложность представляет и отсутствие авторской идентификации с каким-либо течением (связанное, вероятно, либо с позиционированием фем-активистки как самодостаточной языковой личности, либо с многополярностью ее точки зрения). С учетом этих факторов мы разделяем блоги феминистской направленности на *собственно феминистские* и *профеминистские*. Такое разделение в определенной мере условно, вместе с тем данные группы характеризуются рядом языковых особенностей, позволяющих их разграничивать.

Собственно феминистские блоги транслируют нравственно-теоретические постулаты фем-движения в рамках определенного течения (или, как минимум, указывают, к идеологии каких направлений они склоняются). Контент таких блогов состоит, главным образом, из прецедентных феминистских текстов (трудов известных представительниц феминизма) и аналитических статей, освещающих фем-проблематику (нередко являющихся информационно вторичными текстами / переводами зарубежных ресурсов) и направленных на коррекцию мировоззрения читателей соответственно целям и задачам феминизма. В рамках идеолого-политической коммуникации подобные площадки представляют большой интерес с точки зрения их мобилизационного потенциала: именно блоги собственно феминистского типа осваивают повестку, формируют и транслируют идеологию движения, а также разворачивают акционистскую деятельность. В зависимости от формата акции – офлайн или онлайн – блог может служить как источником информации о предстоящих событиях, так и площадкой для проведения самой акции.

Профеминистские блоги, напротив, являются, как правило, блогами авторскими, которые актуализируют «оптику» языковой личности, представляя собственный «женский» взгляд на самый широкий круг вопросов (отметим, что авторы таких ресурсов не всегда являются фем-активистками в прямом понимании, отсюда и наше именование таких сообществ). Основ-

⁶ См.: «free of anything • феминизм» (<https://vk.com/freeofanything>) – радикальное сообщество; «Женская власть» (t.me/vlast_Zh) – либеральный феминизм; «СоцФем Альтернатива» (<https://zen.yandex.ru/id/5ed51d292c0e3530af43e10a?lang=ru>) – социалистическое направление и т. д.

⁷ Список феминистских течений, движений, идеологий // РФО «ОНА». URL : <https://ona.org.ru/feminist-currents> (дата обращения : 11.07.2022).

ная цель профеминистских блогов – развитие новых дискурсивных практик, формирующих необходимый «идеологический фон». Смысловой доминантой в данном случае выступает экспликация женской субъектности и идентичности, которая в дальнейшем можем развиваться в различных направлениях – социальная активность женщин, конструирование гендера и гендерная нормативность, осмысление роли женщин во всех сферах общественной жизни и т.д. Профеминистский блог выступает, как правило, площадкой для *авторской рефлексии в выбранном векторе* и дальнейших комментариев подписчиков/читателей, что в совокупности способствует реализации имплицитной цели автора – некоего самоутверждения в рамках феминистской теории.

Поскольку профем-блоги обычно носят индивидуальный авторский характер, их базисным жанровым признаком являются самопрезентация и самохарактеризация, которые локализованы в описании блога или «шапке» профиля автора. К **основным коммуникативным технологиям самопрезентации** фем-блогеров можно отнести:

- социальное портретирование (указание на возраст, социальный статус, профессиональную принадлежность и пр.): *Отъявленная феминистка, сибирская л***, бессовестная мать, жадная иллюстраторка, нахальная журналистка*⁸ (Hm, interesting!);

- экспликация идентичности: *Привет! Меня зовут Саша Харитонски, я небинарный человек и помогающий практик* (Narrativny|Haritonsky);

- указание принадлежности к идеологическому течению: *Личное – это политическое: канал о повседневных практиках **интерсекциональной феминистки*** (Даша пишет);

- ссылка на личный опыт: *Этот канал – про **опыт первых шагов в полиамории: наши мысли, страхи и маленькие исследования себя и окружающего мира:*** (Полиамория оглашенных);

- ограничение тематики блога: *Гендерные исследования, женская и гендерная история, история феминизма, phd-будни* (Смех Медузы);

- представление авторской оценки действительности: *Женские тексты как смысл жизни. Разрушаем стереотипы, меняем каноны, пьем вино и хохочем* (Своя комната).

Профеминистские ресурсы значительно деполитизированы: они фокусируются на эмоциях адресата, его ощущении безопасности и комфорта, чем объясняется их интегративность и явные признаки интерперсональности. Это, однако, не отменяет их политический эффект, поскольку прирост аудитории делает автора блога лидером мнений, способным результативно лоббировать свои интересы и формировать в рамках феминизма актуальную «повестку дня».

Для концептуализации фем-повестки и формирования в массовом сознании картины мира, которая развивалась бы в рамках движения, а также для освоения собственного терминологического аппарата, который в рус-

⁸ Здесь и далее сохранены авторская орфография и пунктуация, однако в отдельных случаях используемые в текстах лексемы по этическим соображениям замещаются знаком *.

скоязычном фем-пространстве все еще находится в процессе формирования, феминистские авторы используют **ряд специфических лексических средств**, наиболее частотными из которых являются:

- феминистская терминология:

- *Очень грустно, что доктора медицинских наук не читают современные гайды для врачей, работающих с ожирением (где не устают повторять, что **фэтшейминг** вреден пациентам...*

- *Наличие гомофобии, расизма, исламофобии, **мизандрии** и прочих форм ксенофобии просто стирает нашу повестку.*

- *Новенькие феминистки подверстали к проблеме теорию, привнесли академический язык в обычную речь, и теперь все разговаривают в терминах **газлайтинга** и **менсплейнинга**, но не они начали разговор.*

- тематические фразеологизмы:

- *Кто тебя такую карьеристку полюбит. Одна и **сорок кошек**. Будь помягче.*

- *Ладно, наши **диванные бойцы**, у которых совсем недавно случались массовые припадки по поводу женских и детских средств гигиены...*

- *Но давайте пофантазируем, что же случится, если все дамы мира разом познают их правоту и побегут домой, **варить детей и рожать борщи**.*

- феминитивы (как способ маркирования феминности объекта речи):

- *Я могу говорить об этом бесконечно – но об этом уже написали массу книг, умные **психологини** и психологи разъяснили механизм абьюза, и все такое.*

- *Ситидрайв <...> выяснили, что 72 % **водительниц** хотя бы раз сталкивались с буллингом на дороге.*

- *При этом коммуникация выстраивалась в ключе: «Мы с вами, в первую очередь, друзья», так что **автор_ки** обзоров не получали денег за работу.*

Поскольку одним из ключевых идейных элементов фем-движения является **конструирование** женской идентичности, авторы профеминистских блогов стремятся к переосмыслению социокультурных стереотипов путем описания специфики женского опыта, отграниченного от мужского мировосприятия и маскулинных категорий. Основным средством решения этих задач являются **феминистские метафоры**, которые (в отличие от метафор гендерных) не концептуализируют половую принадлежность, а служат способом представления доминантных идеологем феминизма:

- *И приходится либо «свободно делать выбор остаться только матерью или по большей части матерью», либо яростно **сражаться на трех фронтах**, чтобы **отстоять** себе хоть какой-то кусок жизни вне детской и кухни.*

- *Это даже не вопрос личных моральных качеств – собственную жену ты можешь **держат на привязи в кладовке**.*

- *Удивительно, насколько легко мужчины соглашаются с идеей, что у женщины **должен быть хозяин**, и его пожелания необходимо уважать.*

Другие распространенные стилистические приемы – **антитеза, градация, гипербла** – способствуют смещению эмфатического фокуса синтагмы

в область тех аспектов женского опыта, которые умышленно проблематизируются в рамках феминистского дискурса:

– *И мне кажется, это прекрасная иллюстрация обслуживающего репродуктивного труда: пока твой муж в галстук дает строгим голосом комментарии, ты соскребаешь с пола ваших общих детей, которые решили проверить, как дела у папы.*

– *А перед нами классический «стеклянный потолок», жестокий и циничный: женщины могут рисковать собой, умирать, писать лучшие тексты, а на громкую встречу уровня А+++ позовут все равно только мужчин.*

– *Мужчины не способны жить без репродуктивного женского труда. Если женщины перестанут отводить детей в сад, убирать квартиры, стирать вещи мужьям, готовить пищу и др. то экономики целых стран мира встанут.*

Отметим, что данное «смысловое усиление» часто сопровождается синтаксическим параллелизмом и анафоро-эпифорическими фигурами:

– *Как насчет обратить внимание, какое количество женщин в попытках соответствовать этим самым ценностям и создать семью, становятся жертвами насилия? Как насчет признать факт, что женщины погибают от рук мужчин – и действующих законов недостаточно, чтобы их защитить? Как насчет представить себе, что женщинам может быть просто страшно создавать семью?*

– *Как же надоело вот это искусственное деление мира на «мужчин с Марса» и «женщин с Венеры». Как же бесит эта слепая вера в то, что есть «мужская точка зрения».*

– *И тут я хочу сказать вам: если вы отдаете ребенка в дорогой частный сад или муниципальный во дворе – я вас не осуждаю. Если вы выходите на работу через неделю после родов и нанимаете ребенка няню – я вас не осуждаю. Если вы решаете оставить карьеру и заниматься детьми и домом, я вас не осуждаю.*

Значимо, с нашей точки зрения, что текстовые единицы фем-блогов сами по себе могут являться определенной формой политической акции, имитирующей такие традиционные сценарии, как митинг, пикет или уличный протест. Данная корреляция формата достигается:

1) путем использования различных риторических фигур – **обращения, призыва, риторического вопроса или восклицания:**

– *И вот над всей землей раздается вой и плач про «войну полов» вдруг, вдруг нас призывают одуматься, попуститься, вспомнить, что насилие порождает насилие, и нельзя же так! С чего бы, хочется спросить, с чего бы? И что такого страшного уже произошло?*

– *Но пожалуйста ПОЖАЛУЙСТА давайте перестанем называть обычных женщин плюс-сайзом!*

– *Хватит историй о героических мужиках на войне!*

2) графическим выражением ритмомелодического рисунка предложений и их экспрессивной окрашенности (нарочитая демонстрация чувства гнева является манифестацией протеста против общественного запрета на

открытое проявление женщинами негативных эмоций, поэтому маркировка эмотивности и эмфатичности чрезвычайно важна для фем-практик в целом), что экземплифицируется через **прямую номинации чувств и эмоций, использование междометий и/или изменение текстового регистра для имитации крика:**

– *Но для каких-то рекламишников в интернете вы – просто карандаш в стакане. Исключительно потому, что вы женщина. **Ненавижу.***

– *Медиа о родительстве читают реально **ТОЛЬКО** женщины. Ни одного коммента от мужчины. Ни одного **ОТЦА** там нет.*

– *Хочется потрясти эту листовку и **проорать «А ЗАЧЕМ ВАМ МУЖ, КОТОРЫЙ УХОДИТ, КОГДА ВЫ БОЛЕЕТЕ?»***

– *Тело незнакомое, «чужое», секс больно, партнер требует внимания и расстраивается из-за свисающего живота (**лол што?!**).*

– *Пристегните мозги! С помощью сексизма научились рекламировать рецептурные антидепрессанты (**ААААА**).*

С целью придания пейоративной окрашенности нагрузке явлениям, с которыми феминизм борется, а также для усиления экспрессивности своей речи, фем-авторы активно используют сниженную или грубую просторечную лексику, в том числе **дисфемизмы:**

– *Она не может сказать своему кормильцу и защитнику – ты вот **обосрался**, так давай, исправляй ситуацию.*

– *Например, совет одеваться скромнее тем, кто боится сексуального насилия – **идиотский**, потому что одежда никак не влияет на то, столкнешься ты с насилием или нет.*

– *Мужчина объявляется человеком, который без точных указаний не может **задницу** ребенку помыть.*

Различия собственно феминистских и профеминистских площадок заметна и на уровне тактико-стратегических предпочтений.

В основе риторики собственно феминистских блогов лежит резкая критика оппонентов, в данном случае – открытых противников феминизма или пропагандистов антифеминистских идей и убеждений:

– ***Навязывают** духовные скрепы, **разваливают** образование, науку, медицину, **поощряют пролайф и деградацию, возвращают нас в каменный век** они, а неспособные в прогресс, науку и логику мы.*

– *Конечно, **отрадно**, что закон (о домашнем насилии) все-таки намерены принять рано или поздно. <...> При это **дико раздражает**, что вместо учета потребностей потенциальных жертв прислушиваются к какому-то право-консервативным **демагогам, которым плевать на женщин.***

– *Сексизм и мизогиния теперь **государственная политика.** <...> Вот оно лицо нынешней государственной власти.*

Воздействующий эффект собственно феминистских блогов обеспечивается в том числе с помощью ряда **манипулятивных коммуникативных тактик.** Например, для демонстрации компетентности фем-авторы часто оперируют фактами и ссылками на авторитеты, при этом информация подается «в дестабилизирующем ключе», а ргіогі предполагающем эмоциональный отклик у реципиента:

– <...> но вот такая страна Россия, здесь проблемы у женщин в основном случаются в гетеросексуальных браках, а задолженность по алиментам в России превышает 100 млрд рублей.

– Факт – на одну зарплату достойно содержать хотя бы двух детей иждивенцев в течение двух-трех лет может совсем небольшое число работающих. Факт – женщине с двумя детьми практически нереально выйти на додекретный уровень дохода. Факт – бедность мы и так считаем по планке ниже нижнего, прожиточный минимум это уровень выживания.

– Только 20 % женщин сказали, что никогда и ни в какой форме не сталкивались с харассментом на рабочем месте. 20 %! Это означает, что из 10 женщин только две смогли в своей жизни спокойно работать и концентрироваться на трудовых задачах в благоприятной атмосфере!

В отличие от собственно феминистских площадок, где критика противоположной идеологии осуществляется путем фактологии (пусть и со смещением/усилением тематических акцентов), авторы профеминистских блогов предпочитают дискредитирующие тактики и иронический модус в адрес оппонентов (как правило, мужчин):

– Детей российский муж будет от тебя требовать троих, и обязательно первый – мальчик, дабы продолжить славный род Пупкиных. <...> А он добытчик. Он принес вам среднюю зарплату по региону – падайте за это в ноги патриарху.

– А может для женского комфорта надо перестать домогаться женщин? Да не, фигня какая-то.

– Да, Дмитрий, это, конечно, ваше право – решать за женщин, что им делать с собственной судьбой.

Эмоциональное напряжение и агрессивная коммуникация в данном случае детерминируются гендерной оппозицией «положительный женский образ – отрицательный мужской образ», а языковая объективация маскулинности происходит при помощи **конфронтационных тактик** – осуждения, обвинения и прямых оскорблений:

– Сюжет первой и основной части романа «Июнь» завязан именно что на ложном заявлении об изнасиловании. Я даже не стану отрицать, что они бывают <...> Просто с учетом вышеописанного общественного мнения сколько-нибудь известному писателю нельзя укреплять эту легенду. Просто нельзя. Это мерзко, глупо, недалёковидно и жестоко.

– Кто-то в конце подросткового возраста, кто-то в 20–30 лет, мы начинаем понимать, что что-то в корне не так с мужчинами. Что они мизогинисты, насильники, убийцы.

– За что в итоге топит ущемленное мужло? Конечно против закона! Где логика? Ее нет! Одним словом мужло!

Цель фем-активисток состоит не только в повышении статуса женщины (через позитивную репрезентацию ее образа) в глазах общества как адресата, но и в убеждении самих женщин, что феминистское сообщество – безопасное и дружелюбное пространство, где их ценят и уважают, для чего авторы профем-блогов используют широкий спектр **интегративных коммуникативных стратегий и тактик**, например:

- демонстрация участия: *Да, я хочу, чтобы труд людей, которые воспитывают детей без партнера, стал видимым. Я хочу, чтобы одинокие родители чувствовали себя увереннее. Хочется верить, что я смогу хотя бы капельку этому поспособствовать;*
- извинение: *Извините, если вы ждете от меня реакции на текущие события – я к сожалению, совершенно не в состоянии ее выдать;*
- благодарность: *С вашей поддержкой и верой в свободу я становлюсь все сильнее! Спасибо, что мы вместе!*
- комплимент: *Давайте перестанем извиняться, ну сколько можно уже. Мы прекрасные, умные, талантливые;*
- юмор: *Умрешь с сорока кошками! <...> Любой особе любого возраста хоть раз угрожали кошками;*
- похвала: *Я хочу вам опять напомнить, что женщины с детьми – супергероини!*
- проявление сочувствия: *Мне так горько за всех женщин, которым достается от других женщин, словами не передать;*
- предложение сотрудничества: *Необходимо проявить солидарность и выразить поддержку сестрам: устраивать различные акции, добиваться переквалификации обвинения, распространять информацию;*
- предложение решения: *Мужик начинает на тебя орать? Заткни его: «Я не могу продолжать общение, пока ты так эмоционален»;*
- обещание: *И обещаю никому никогда не говорить «ребенок все чувствует, так что возьми себя в руки, дорогая»;*
- запрос информации: *Сегодня я с вами поделюсь своим списком, а вы рассказывайте, что сейчас поддерживает вас;*
- прямой ответ: *Хорошая ли я хозяйка? Нет. Хочу ли я стать лучшей? Тоже нет;*
- информирование: *Сегодня наводка для девушек и поддерживающих равноправие юношей Владивостока: 7 марта в этом городе пройдет акция в поддержку жертв домашнего насилия;*
- генерализация: *Конечно, я отвечаю, что патриархат влияет на всех, что даже в самой благополучной стране нет ни одной женщины и ни одного мужчины, которые не испытали бы на себе его воздействия;*
- описание позитивной перспективы: *Женщина должна делать все, что ей удобно. <...> В мире победившего феминизма нет причин запрещать женщине обнажать грудь.*

Проведенный анализ текстовых единиц, представленных в интернет-ресурсах представительницами фем-движения, позволяет сформулировать некоторые общие положения, характеризующих феминистские блоги с точки зрения их идеолого-политического потенциала и влияния на аксиологические позиции их читателей.

Семасиологическим ядром феминистских дискурсивных практик является негативная оценка общественной рефлексии женской субъектности, поскольку «маскулинность» многих социальных институтов не просто ограничивает женщин в базовых правах, но ставит их в такие рамки, в которых

паттерн «вторичности» женщины закрепляется, подкрепляется, нормализуется и транслируется последующими поколениями. В этой связи феминистская ревизия существующего социального устройства осуществляется, с одной стороны, путем дискредитации «мужского взгляда» через конфронтационные/манипулятивные/аргументативные (с тематической акцентуацией) коммуникативные тактики, с другой стороны – конституированием нового статуса феминной субъектности, маркирующего особую, но всегда равную социальную роль женщины в обществе.

Все феминистские тексты отличает специфический набор знаковых (в широком смысле – лексических, фразеологических, синтаксических, стилистических) компонентов, обуславливающих интерперсональное и – что важнее – интердискурсивное развитие феминистских интеракций. Чрезвычайно значимыми в таком случае оказываются экспрессивность и эмоциональная окрашенность высказываний, что достигается амбивалентным совмещением ряда языковых средств (от феминитивов, феминистской терминологии, гендерных метафор, тематических фразеологизмов, дискурсивных и эмфатических единиц до сниженной просторечной лексики, дисфемизмов и иронического модуса – когда высказывания, обрамленные разнообразными фигурированными и тропеическими конструкциями (с умышленной гиперболизацией явления!), направлены в адрес оппонентов) и в совокупности способствует выражению ценностно-идеологической позиции автора.

Парадоксальным оказывается факт, что значительный политический эффект достигается *путем деполитизации феминизма*: в этом ключе фем-движение представлено скорее как образ жизни, нежели форма политического участия, что вызывает рост интереса общества к постулатам феминизма, способствует расширению числа сторонников фем-идей и, как результат, определяет «принятие» социумом новой общей гражданской позиции.

Заключение

Несмотря на свою «научную молодость» (конституирование и категоризация исследуемого феномена пока находится в стадии становления), сущностным признаком киберактивизма как социального явления считается факт использования цифровых коммуникаций с целью осуществления политических действий – распространения информации и трансляции своих идеологических взглядов. Развитие киберактивизма оказало значительное влияние на актуализацию идей феминизма в русскоязычном лингвокультурном универсуме и, как следствие, привело к появлению новых дискурсивных практик фем-движения. Наиболее продуктивной «средой» Интернет-активизма оказалась блогосфера, так как она, в отличие от иных электронных СМИ, дает возможность реализации различных форм деятельности: один ресурс может представлять собой одновременно площадку для размещения медиаконтента, обмена контактами, ведения авторских заметок и коллективного обсуждения.

В этой связи можно утверждать, что феминистский дискурс представляет собой новый тип социолингвокультурных интеракций – институционально-персональное взаимодействие, фокусом становления и видоизмене-

ния которого является осмысление женской субъектности через призму гендерных различий, представленных в языковой картине мира. Транслируясь в сетевой среде, современный фем-дискурс оказывается значительной составляющей медийных ресурсов (в том числе и социальных медиа), «вливается» в феномен киберактивизма и тем самым напрямую влияет как на аксиологические позиции пользователей Интернета, так и на вербальные компоненты логосферы, воплощающиеся в семантико-стилистической и структурной изменчивости знаковых единиц в коммуникативной практике языковой личности фем-активистки.

Дальнейшая дискурсопорождающая деятельность языковой личности, разделяющей идеологемы феминистских течений, может быть представлена как сложный «спиралевидный», автодетерминируемый процесс: по мере усвоения языковых конвенций расширяется «пространство» произвольного выбора и варьирования форм вербального (и не только!) поведения на основе субъективного плана действий, а наличие предлагаемой и усвоенной системы ценностей, задающей критерии рефлексии собственного коммуникативного опыта (равно как и принятие/непринятие дискурса другого), в дальнейшем обуславливает «выход» уже в сферу метакоммуникации – в уровень общественных отношений, а не содержания информации и тем самым детерминирует возможное преобразование всей социокультурной системы.

В настоящее время нет свидетельств того, что описанные коммуникативные события и фем-киберактивизм в целом могут привести к значительным институциональным изменениям, однако актуализация принципов феминизма и расширение аудитории, включающейся в идеологическое/политическое движение, налицо: даже информационные кампании, не несущие, как правило, эмоционального заряда, приводят к активным ответным действиям – массовым репостам (т.е. распространению информации) и добровольным пожертвованиям в пользу различных фем-организаций. Таким образом, практики киберактивизма оказывают значительное влияние на степень политической вовлеченности и участия (особенно представителей молодого поколения, где данный феномен находит наибольший отклик), что делает это направление дискурс-анализа перспективным для дальнейшего исследования.

Список литературы

- Боженкова Н.А., Катыхов П.А., Ионова С.В., Афанасьева Э.М., Саакян Л.Н. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 18. № 3. С. 76–92. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.6>
- Боженкова Н.А., Негушина А.А. Интерперсональные характеристики русскоязычного феминистского дискурса (на примере telegram-канала «Дочь разбойника») // Культура и текст. 2021. № 4 (47). С. 240–252. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-4-240-252>
- Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н. Цифровые сообщества гражданских и политических активистов в России : интегрированность, управление и мобилизационный потенциал // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 4. URL : www.vestnik-mgou.ru (дата обращения : 11.07.2022).

- Брюханова А.А.* Политический интернет-активизм : теоретический обзор основных форм и моделей исследования // Вестник Пермского университета. Серия : Политология. 2021. Т. 15. № 4. С. 121–130.
- Видинеева Н.Ю.* Средства имплицитности в жанре русскоязычных политических блогов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 733–744. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-733-744>
- Винник Н.В.* Женское движение и Рунет : найти друг друга // Женское движение в России : вчера, сегодня, завтра : материалы конференции (Москва, 26 февраля 2010 г.) / отв. ред. Г.М. Михалева. М. : РОДП «ЯБЛОКО» ; «КМК», 2010. С. 94–95.
- Генералова Л.М.* Жанровая специфика политического блога // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 500–503.
- Генералова Л.М., Ребрина Л.Н.* Блоггинг как форма публичной субъективности в протестной коммуникации // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 2–3. С. 157–176.
- Гнедаш А.А.* Четвертая волна феминизма : политический дискурс и лидеры мнений в социальной сети Твиттер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Политология. 2022. Т. 24. № 1. С. 64–89. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-64-89>
- Епишкин Н.Н.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. М. : ЭТС, 2010. 5140 с.
- Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ ; Астрель ; Харвест, 2006.
- Зеленовская А.В.* Понятия «компьютерный дискурс», «интернет-дискурс», «виртуальный дискурс» // Язык и культура. 2014. № 12. С. 17–21.
- Ильенков Э.В.* Философия и культура. М. : Политиздат, 1991. 462 с.
- Исмаилова Ф.Е.* Эволюция социального статуса женщины в мировой литературе // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 4–2. С. 612–616.
- Каверина Е.А., Декич Э.* Развитие феминистского дискурса в цифровых медиа (опыт России и США) // Медиаальманах. 2020. № 4. С. 26–36.
- Кирилина А.В.* Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 138–143.
- Кожемякин Е.А.* Массовая коммуникация и медиадискурс : к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. 2010. № 12 (83). С. 13–21.
- Нестеренок Ю.И.* Блоги – элементы политического поля // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 10 (30). С. 44.
- Парма Р.В.* Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 145–170. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042>
- Пикула Н.Н.* Интерактивные коммуникации и политическое сознание // *StudiaHumanitatis*. Рубрика: Политология. 2015. № 2. URL : <http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/pikula.pdf> (дата обращения : 11.07.2022).
- Походня А.В.* Подходы к исследованию возможностей и эффектов онлайн-активизма как части политической коммуникации // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 3. С. 37–46. <https://doi.org/10.31429/26190567-21-3-37-46>
- Рогачева Н.Б.* Речезанровая вторичность в политическом дискурсе (на материале жанра блога) // Политическая коммуникация : материалы Всероссийской научной школы для молодежи (Екатеринбург, 25 августа – 8 октября 2009) / гл. ред. А.П. Чудинов : в 2 т. Т. 2. Екатеринбург: УрГПУ, 2009. С. 97–100.
- Савельева И.В.* Непрофессиональный политический дискурс : интенциональный аспект (на материале интернет-комментариев к политическим новостям) // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2020. №. 4. С. 83–90. <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2020-83-90>

- Савицкая Л.С. Образ коммуникативного будущего в блогговом формате интернет-дискурса : модусная структура и языковое воплощение // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 597–601.
- Сахарова А.В. Формирование языковой личности : социально-философский аспект : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2017. 180 с.
- Сидорова И.Г. Коммуникативно-прагматические характеристики персональных и интерперсональных жанров интернет-дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. 2011. № 2 (14). С. 154–158.
- Солнцева Е.С. К вопросу о свойствах медиадискурса // Известия ВГПУ. 2019. № 8 (141). С. 147–153.
- Троицкая О.Г. Гендерные особенности коммуникации // Проблемы межкультурной коммуникации. Иваново : ИГХТУ, 2000. С. 374–380.
- Фокина М.А. Жанровые и языковые особенности блогов политиков // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 187–192.
- Шурухова З.С. Языковая специфика Интернет-коммуникации // Инновационные процессы в научной среде : сборник статей. Уфа : ООО «Омега Сайнс», 2016. С. 228–231.
- Bozhenkova N.A., Bozhenkova R.K., Bozhenkova A.M. Modern political discourse : verbal exemplification of tactical and strategic preferences // RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching. 2017. Vol. 15. Issue 3. Pp. 255–284. <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2017-15-3-255-284>
- Cabrera N.L., Matias C.E., Montoya R. Activism or slacktivism? The potential and pitfalls of social media in contemporary student activism // Journal of Diversity in Higher Education. 2017. Vol. 10. Pp. 400–415. <https://doi.org/10.1037/dhe0000061>
- Geisler C. The voices of #MeToo : from grassroots activism to a viral roar // International Communication Association. Prague, 2018. 184 p.
- Loney-Howes R. Beyond the spectacle of suffering : representations of rape in online anti-rape activism // Outskirts : Feminism along the Edge. 2015. No. 33. Pp. 1–17.
- Morozov E. From slacktivism to activism // Foreign Policy. 2009. URL : <http://foreignpolicy.com/2009/09/05/from-slacktivism-to-activism> (accessed : 10.07.2022).
- Ringrose J. Digital feminist activism : MeToo and the everyday experiences of challenging rape culture. 2019. URL : <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-15213-0> (дата обращения : 20.03.2022).

Сведения об авторах:

Боженкова Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. *Сфера научных интересов*: лингвистика текста, общая теория дискурса, психолингвистика, лингвокультурология, политическая лингвистика, социолингвистика и межкультурная коммуникация, стилистика, риторика, культура русской речи, лингвистические и методические аспекты русского языка в иноязычной аудитории (РКИ), русского языка и литературы в русской аудитории и др. Автор более 400 научных публикаций. ORCID: 0000-0002-2381-5865. E-mail: natalyach@mail.ru

Негушина Александра Алексеевна, аспирант, кафедра общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. *Сфера научных интересов*: лингвистика текста, лингвокультурология, политическая лингвистика, социолингвистика и межкультурная коммуникация. ORCID: 0000-0003-4540-3930. E-mail: sash.negusha@gmail.com

Боженкова Раиса Константиновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, Российская Федерация, 105005, Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5,

стр. 1. *Сфера научных интересов*: лингвокультурология, общая теория дискурса, лингвистическая герменевтика, семантика, межкультурная коммуникация, фонетика и акцентология, стилистика, риторика, культура русской речи, лингвистические и методические аспекты РКИ. Автор более 300 научных публикаций. ORCID: 0000-0003-4545-9387. E-mail: rkbozhenkova@mail.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4-414-433

Research article

Verbal explication of axiological constants of feminist discourse in the Russian language in the context of cyberactivism

Natalia A. Bozhenkova¹, Aleksandra A. Negushina¹,
Raisa K. Bozhenkova²

¹*Pushkin Russian Language State Institute,*

6 Akademika Volgina St, Moscow, 117485, Russian Federation

²*Bauman Moscow State Technical University,*

5 2-ya Baumanskaya St, bldg 1, Moscow, 105005, Russian Federation

 natalyach@mail.ru

Abstract. The authors focus on the interconnection between the basic constituents of two phenomena relevant to modern Russian studies – the phenomenon of cyberactivism and the linguistic personality of a feminist activist. The relevance is determined by the object of the study, which is a special form of social and linguo-cultural interactions – the discursive practices of feminist cyberactivism. Being transmitted in the network environment for promoting socio-political activities, feminist cyberactivism represents a substantial part of content nowadays and appears to be one of the most important factors in the formation of axiological determinants in the Russian society. The aim of the study is to identify and systematically characterize the specific linguistic features of actual feminist and pro-feminist blogs, demonstrating both the ideological views of the feminism and the peculiar linguistic representation of feminism as a thematic field in the aspect of idioethnic features of the linguistic personality of a feminist activist. Particular attention is paid to the methods of verbal definition of the problematic field of feminist cyberactivism (primarily, the definition of gender inequality index in Russia) as well as to the identification of basic semasiological mechanisms for “modifying” the pragmatic parameters of the Russian-speaking feminist blogosphere. The material was collected from online blogs of feminist activists, text units from thematic feminist communities in social networks, as well as text materials of public organizations whose activities are closely related to feminist ideology. The critical discourse analysis, functional analysis of media texts (blogs), complex structural and contextual analysis of the language system of the Russian blogosphere, stylistic analysis of visual resources of the Russian language, linguo-pragmatic analysis of communicative acts, and the method of linguo-culturological interpretations were applied. The authors discovered that blog activism has several characteristic features that are reflected in its verbal and communicative content. The main purpose of most blogs (especially those belonging to personal pro-feminist blogs) is an act of self-presentation. This is the reason why this type of activism often has an individual, rather than a collective nature, and the authors, as a rule, do not indicate their civil or political goals, which brings this framework of feminist discourse closer to non-political social practices. It is concluded that bloggers rarely use conventional language forms traditionally inherent to ideologized practices. This in turn leads to the evolvement of new communication strategies and, given the expansion pace of modern blogosphere, may have a major social effect in the future. The authors prove that by cultivating “at a certain angle,” the sense-forming component of feminist

discourse, which is a critical reflection of female subjectiveness, feminist cyberactivism demonstrates a high degree of civil society involvement in certain political processes since it essentially aims at fulfilling the socio-ethological function (organization of hyperdiscourse through optimizing the recipient's behavior and forming a need to share an actualized standpoint). Further consideration of feminist cyberactivism, which is both the primary method for the expansion of feminist community in Russia and its constitutive feature, can answer many questions on the linguo-cultural and, more broadly, civilizational structure of Russian society.

Keywords: cyberactivism, Russian feminist discourse, Russian blogosphere, communicative ideologized practices, expressive resources, Russian language, linguo-axiological dominants, linguo-pragmatic tools

Article history: received 16.04.2022; accepted 11.07.2022.

For citation: Bozhenkova, N.A., Negushina, A.A., Bozhenkova, R.K. (2022). Verbal explication of axiological constants of feminist discourse in the Russian language in the context of cyberactivism. *Russian Language Studies*, 20(4), 414–433. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-414-433>

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4-434-448

Научная статья

Лексические инновации с корнем *пополам* в русском гендерном интернет-дискурсе

Е.В. Каллистратидис^{ID}, С.В. Ильясова^{ID}✉

*Южный федеральный университет,
Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42*
✉ ilyasova_rnd@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена модификациями гендерных канонов российского общества, трансформациями русской гендерной картины мира, а также ростом значимости коммуникативного и лингвокультурного интернет-пространства, которое является полем стихийных социальных, психологических и языковых экспериментов и репрезентативным источником информации об актуальных речевых практиках мужчин и женщин, говорящих по-русски. Цель исследования состоит в выявлении и описании особенностей образования, значения и функционирования не зафиксированных в словарях 23 гендерно ориентированных лексических инноваций, мотивированных наречием «пополам», указывающим на внеязыковую ситуацию разделения финансовой ответственности в паре. Исследование проведено на материале авторского корпуса контекстов употребления указанных единиц, который включает в себя 1750 речевых произведений неформальной интернет-коммуникации, опубликованных в 2012–2022 годах. Контексты корпуса получены методом сплошной выборки с помощью поисковой программы российской социальной сети VK и поискового сервиса Google. Применены методы словообразовательного, семантического, контекстуального и дискурсивного анализа, а также статистический метод. Установлено, что конститuentы словообразовательного гнезда с мотивирующей основой *пополам*- используются для номинации, категоризации, характеристики и оценки лиц мужского и женского пола как участников романтических, интимных или семейных отношений, для обозначения и характеристики отношений в паре с точки зрения распределения финансовой ответственности между партнерами, а также обозначения действий и типов поведения участников таких отношений. Доказана устойчивая негативная оценочность инноваций и их преобладание в женской речи. Выявлено, что выполняемые единицами функции номинации, категоризации и негативной оценки субъектов и феноменов социального взаимодействия подчинены реализации основной идеологической функции, актуализированной в условиях борьбы традиционного патриархатного и нового эгалитарного гендерных контрактов. Установлено, что номинация лица мужского пола «пополамщик» не только является наиболее распространенным и значимым элементом словообразовательного гнезда, но и входит в число ключевых слов гендерного интернет-дискурса.

Ключевые слова: русский язык, гендерный интернет-дискурс, гендерно ориентированная лексика, лексические инновации

История статьи: поступила в редакцию 16.05.2022; принята к печати 03.08.2022.

Для цитирования: *Каллистратидис Е.В., Ильясова С.В.* Лексические инновации с корнем *пополам* в русском гендерном интернет-дискурсе // Русистика. 2022. Т. 20. № 4. С. 434–448. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-434-448>

Введение

В последние десятилетия в российском обществе все более заметными становятся модификации гендерных канонов и существенные изменения представлений русскоговорящих о роли мужчин и женщин в межличностных, семейных и социальных отношениях. Эти тенденции имеют ярко выраженный национально специфичный характер, однако возникают они на фоне масштабных процессов, к которым, по мнению Е.А. Здравомысловой и А.А. Тёмкиной, относятся «глобальные трансформации гендерного порядка, возрастающая общественная рефлексия в отношении гендерных границ и норм сексуальной жизни, явное противостояние патриархатных и эгалитарных идеологий, <...> нормативных моделей и поведенческих паттернов маскулинности и фемининности» (Здравомыслова, Тёмкина, 2018: 51). Естественная потребность носителей русского языка в вербальном обозначении новых явлений, категоризации, номинации и оценке мужчин и женщин, участвующих в социальном взаимодействии, а также стремление к наиболее точному выражению эмоций, – все это приводит к появлению и вхождению в узус неформальной коммуникации целого ряда гендерно ориентированных лексических инноваций. Коммуникативное и лингвокультурное интернет-пространство представляет собой наиболее информативный и репрезентативный источник данных социального взаимодействия и актуальных речевых практик. Интернет-коммуникация – это «лаборатория языковых инноваций» (Радбиль, 2021: 12), в целом ряде научных публикаций последних лет на обширном языковом материале показано, что в ее рамках происходит освоение и распространение лексических новообразований, способствующих выражению реакции языкового сообщества на актуальные события внеязыковой реальности (Ильясова, Пугачева, 2021; Радбиль и др., 2021; Григорян, Стрельчук, 2021).

Е.А. Горошко характеризует интернет-среду как «своеобразное речевое пространство, служащее испытательным полигоном для создания и испытания самых разнообразных речевых стратегий и приемов общения» (Горошко, 2008: 391). Т.Б. Радбиль рассматривает интернет как онтологический феномен, который «меняет интенциональную сферу людей и совокупность их жизненных установок, властно вторгается в систему ценностей и моделей поведения, трансформирует исходные принципы межличностных взаимоотношений и набор основных потребностей человека» (Радбиль, 2021: 12). В ранних работах западных ученых и в некоторых более поздних публикациях отечественных авторов интернет-пространство рассматривается как принципиально новая коммуникативная среда, с которой связаны надежды на преодоление гендерной асимметрии языкового кода и вхождение в узус лексем, позволяющих сделать зримой роль женщин в жизни общества (Секина, Захарова, 2017; Солтыс, 2020), а также на создание территории со-

циального взаимодействия, одинаково комфортной для всех коммуникантов вне зависимости от их пола и гендерной самоидентификации, и формирование новых норм гендерно нейтральной коммуникации (Graddol, Swann, 1989; Danet, 1998). Однако опыт наблюдения за конкретными практиками интернет-опосредованного социального взаимодействия заставляет исследователей расценивать подобные представления как «утопические» и определять киберпространство как «неэгалитарный виртуальный мир», либо исключаяющий женское участие, либо создающий враждебную для женщин среду (Yaniski-Ravid, Mittelman, 2016). В целом ряде научных публикаций последних лет на конкретном эмпирическом материале показано, что интернет-среда становится местом распространения речевых практик токсичной маскулинности и агрессии по отношению к женщинам (Kareithi, 2014; Wilhelm, 2021; Goodhew et al., 2021; Ze, Panneerselvam, 2021), неэтичного агрессивного навязывания гендерных стереотипов (Akalili, Sari, 2021; Alvarez et al., 2021) и даже их эксплуатации с преступными целями (Criezis, 2020). Все чаще и чаще исследователи говорят о необходимости разработки стратегий и принципов, которые могли бы способствовать усилению женского присутствия в Глобальной Сети, преодолению гендерного неравенства в киберпространстве, а также обеспечению информационной, коммуникативной и психологической безопасности пользователей женского пола (Yaniski-Ravid, Mittelman, 2016; Wilhelm, 2021; Macharia, Barata Mir, 2022), при этом в большинстве публикаций подчеркивается тот факт, что именно женская часть интернет-аудитории в наибольшей степени испытывает на себе пагубное влияние гендерных стереотипов, функционирующих в киберсреде и актуализируемых с ее помощью. Исследования, проведенные на материале русскоязычных гендеризированных интернет-текстов, не позволяют делать столь однозначные выводы (Каллистратидис. Гендерный аспект., 2021a; Каллистратидис. Игровые трансформы., 2021b). Так, было установлено, что юридически маркированные номинации лиц мужского пола с ярко выраженным экспрессивным компонентом и негативно оценочной коннотацией в значительно большей степени характерны для женских интернет-опосредованных речевых произведений, при этом в большинстве контекстов эксплицируется особое значение «финансовой составляющей» отношений между мужчинами и женщинами (Каллистратидис. Игровые трансформы., 2021b: 3038). Также выявлены и описаны процессы «возникновения и систематического использования лексем, относящихся одновременно к семантическим сферам „финансы“, „семья“ и „любовь“», характерных для женской речи и имеющих значительный конфликтогенный потенциал (Каллистратидис. Гендерный аспект., 2021a: 136).

В настоящем исследовании рассматриваются особенности образования и функционирования в интернет-коммуникации целого ряда отадвербиальных гендерно ориентированных лексических инноваций, входящих в словообразовательное гнездо с общим мотивирующим словом *пополам*, указывающим на внеязыковую ситуацию разделения финансовой ответственности в паре: *пополамщик*, *пополамщица*, *пополамский*, *пополамство*, *пополамствовать* и др. Эти инновации не фиксируются в словарях, однако активно упо-

требляются в неформальной интернет-коммуникации и проникают в публикации официальных СМИ.

Цель исследования состоит в выявлении и описании особенностей образования и лексической семантики указанных инноваций, а также в определении функций, которые они реализуют в структуре интернет-текстов. Подобное исследование поможет детализировать представления об актуальных трансформациях гендерной картины мира социально и медийно активных русскоговорящих и, в частности, выявить некоторые вербальные средства актуализации экономического аспекта отношений между полами.

Методы и материалы

Исследование проводится на материале речевых произведений неформальной интернет-коммуникации, составляющих пользовательский контент социальных медиа и развлекательных интернет-сайтов¹, а также публикаций официальных сетевых СМИ². Был составлен корпус контекстов употребления рассматриваемых инноваций, включающий в себя высказывания, полученные методом сплошной выборки в ходе непосредственного наблюдения за коммуникацией в Сети, а также с помощью встроенного поискового сервиса российской социальной сети VK и крупнейшей в мире поисковой системы Google, при этом поиск контекстов в Google осуществлялся при строгом запросе на конкретную словоформу (например, *пополамицик, *пополамицика, *пополамицику и т. д.) и ограничении времени публикации искомым контекстов (например, с 1 января по 31 декабря 2007 года, с 1 января по 31 декабря 2008 года и т. д. вплоть до 30 июня 2022 года). Таким образом были проверены все возможные падежные формы в единственном и множественном числе семнадцати существительных (формы одушевленного и неодушевленного субстантиватов *пополам* совпадают) и трех прилагательных, а также все формы времени и лица (в том числе и инфинитив) трех глаголов. Эта методика позволяет выявить наиболее релевантные (самые популярные, чаще всего запрашиваемые) для Google ресурсы, на которых были размещены тексты, содержащие искомые единицы, и собрать достаточно репрезентативную коллекцию контекстов употребления ограниченного числа лексических инноваций. В результате в корпус вошло 1750 контекстов объемом приблизительно от двух до тысячи слов, самое раннее из выявленных высказываний датировано 2012 годом, а самое позднее – 30 июня 2022 года³. Около 31 % контекстов (539 высказываний) было размещено в социальной сети VK на персональных страницах и в комментариях пользователей, особенно часто рассматриваемые единицы встречаются в материалах женских пабликов и в анонимных публикациях городских сообществ «Подслушано...» («Под-

¹ ВКонтакте. URL : <https://vk.com>; LiveJournal. URL : <https://livejournal.com>; Woman.ru. URL : <https://woman.ru>; Pikabu. URL : <https://pikabu.ru>; URL : <https://2ch.lk>

² Комсомольская правда. URL : <https://kp.ru>; Forbes. URL : <https://forbes.ru>; Лиза. URL : <https://lisa.ru/>; Life. URL : <https://life.ru>

³ Составление корпуса контекстов с целью его дальнейшего описания было завершено 30 июня 2022 г., рассматриваемые инновации продолжают активно употребляться и в более поздних речевых произведениях, манифестирующих интернет-коммуникацию.

слушано Москва», «Подслушано Брянск» и т. д.). Из 1211 контекстов, выявленных с помощью Google, 987 высказываний (56,4 % корпуса), извлечено из форумов женского журнала Woman.ru, 140 контекстов (8 %) – из систем анонимных форумов, организованных по принципу imageboard. Для исследования выявленных единиц используются методы словообразовательного и семантического анализа, а для изучения включенных в корпус контекстов – методы контекстуального и дискурсивного анализа, при этом статистический метод необходим для выявления закономерностей употребления инноваций.

Результаты

Были выявлены следующие инновации: *пополамщик, пополамчик, пополамец, пополамище, пополамёнок, пополамёныш, пополамуля, пополамуся, пополамусик, пополамщица, пополамиха, пополамский, пополамный, пополамистый, пополамность, пополамство, пополамщина, пополамничество*, а также два субстантивата *пополам* (одушевленный и неодушевленный) и три глагола *пополамить, пополамствовать* и *пополамничать*. Они представляют собой отадвербиальные дериваты, образованные с помощью продуктивных суффиксов, при этом производящая основа – наречие *пополам* – привносит в семантику единиц указание на максимально обобщенную внеязыковую ситуацию равного разделения чего-либо между субъектами или участниками каких-либо действий или отношений, а словообразовательные форманты – семы, указывающие на конкретную роль или функцию обозначаемого в названном основной паттерне.

Для инноваций с корнем *пополам* характерна устойчивая пейоративность. Однозначная ярко выраженная негативная оценка лица и/или явления присутствует в 96,5 % высказываний.

Наименование лица мужского пола *пополамщик* является самым употребительным элементом словообразовательного гнезда (1192 контекста, 68,1 % от общей выборки), а также одним из ключевых слов гендеризированных интернет-опосредованных дискурсивных практик.

Использование инноваций характерно для женской речи. Женщины (или пользователи с женской самоидентификацией) являются продуцентами 1397 высказываний (80 % от общей выборки), мужчины (или пользователи с мужской самоидентификацией) – 316 контекстов (18 %), в 37 случаях (2 %) установить пол говорящего невозможно. Единица *пополамщик* также наиболее употребительна в речи интернет-пользовательниц: из 1192 вхождений 1002 контекста (84 %) – женские высказывания, 175 (14,7 %) – мужские, в 15 (1,3 %) случаях пол продуцента не определен. Феминитив *пополамщица* чаще встречается в мужских речевых произведениях: из 121 вхождения 68 контекстов (56,2 %) – мужские высказывания, 48 (39,7 %) – женские, в 5 (4,1 %) случаях пол говорящего не установлен.

В текстах неформальной интернет-коммуникации инновации выполняют сразу несколько взаимосвязанных функций: номинации и категоризации (отнесения субъекта социальных отношений как части внеязыковой реальности к определенной категории и ее вербального обозначения) и нега-

тивной оценки, – при этом все они подчинены реализации основной идеологической функции. Активное использование рассматриваемых единиц в речи женщин способствует утверждению и распространению идеологии, основанной на традиционной патриархатной полоролевой модели социальных отношений, воплощенной в гендерном контракте «мужчина – кормилец, женщина – хранительница очага». В мужских высказываниях эти представления подвергаются резкой критике, им противопоставляется новый гендерный контракт «работающий взрослый», актуальный для стран Запада.

Появление и распространение гендерно ориентированных новообразований с корнем *пополам* и вхождение инновации *пополамщик* в узус неформальной интернет-коммуникации обусловлено такими социально-экономическими и психологическими факторами, как общее ухудшение экономической ситуации и снижение благосостояния русскоговорящих, ориентация на образ жизни и ценности развитых стран, неудовлетворенность семейным положением или романтическими отношениями.

Обсуждение

На основе анализа семантики высказываний, вошедших в корпус, было установлено, что инновации используются:

1) для номинации, категоризации и оценки лиц как реальных или потенциальных участников романтических, интимных или семейных отношений:

– наименования лиц мужского пола *пополамщик*, *пополамчик*, *пополамец*, *пополамёнок*, *пополамёныш*, *пополамуля*, *пополамуся*, *пополамусик*, *пополамище*, одушевленный субстантиват *пополам* в значениях ‘мужчина, предлагающий разделить счет пополам во время свидания’ и ‘мужчина, настаивающий на разделении бытовых расходов во время совместного проживания в паре’;

– наименования лиц женского пола *пополамищица*, *пополамиха* в значениях ‘женщина, согласная делить с партнером расходы пополам’ и ‘женщина, стремящаяся разделить пополам имущество супруга при разводе’ (значительно реже);

2) для характеристики отношений в паре с точки зрения распределения между партнерами материальной ответственности: прилагательные *пополамский* и *пополамный*, встречающиеся в таких сочетаниях, как *пополамский (пополамный) подход*, *пополамские (пополамные) отношения*, *пополамный бюджет*;

3) для характеристики лица мужского пола, предлагающего разделить счет с женщиной или настаивающего на ведении бюджета пополам с супругой или сожительницей: прилагательное *пополамистый*, употребляющееся в сочетаниях *пополамистый ухажер*, *пополамистый мужик*, *пополамистый парень*, *пополамистый муж*;

4) для обозначения романтических или семейных отношений, при которых обычным является разделение счета, бюджета, а также для обозначения специфического отношения к женщине со стороны мужчины, требующего равной финансовой ответственности: *пополамность*, *пополамство*, неодушевленный субстантиват *пополам* (в том числе в форме множественного числа);

5) для обозначения действий или типа поведения (чаще мужского): глаголы поведения *пополамить*, *пополамствовать*, *пополамничать* в значениях ‘предлагать разделить счет пополам во время свидания’ и ‘настаивать на разделении бытовых расходов пополам с супругой или сожительницей’, если в роли субъекта выступает лицо мужского пола, и ‘соглашаться на разделение расходов, бюджета с женщиной’, если субъектом действия является женщина (значительно реже).

Пейоративность большинства конstituентов словообразовательного гнезда с основой *пополам-* не имеет формальных показателей и становится очевидной только в контексте их употребления. Лишь отдельные инновации образованы с помощью формантов, привносящих значение негативной оценочности. Это аугментатив *пополамище*, феминитив *пополамиха*, а также инновации *пополамёнок*, *пополамёныш*, *пополамуля*, *пополамусик*, образованные с помощью суффиксов с семантикой ‘невзрослость’ и ‘ласкательность’, но использующиеся для указания на взрослое лицо мужского пола.

Распределение вошедших в корпус контекстов по дате публикации выглядит следующим образом: 2012 год – 6 (0,34 %); 2013 – 11 (0,63 %); 2014 – 8 (0,46 %); 2015 – 13 (0,74 %); 2016 – 37 (2,1 %); 2017 – 92 (5,3 %); 2018 – 170 (9,7 %); 2019 – 320 (18,3 %); 2020 – 483 (27,6 %); 2021 – 450 (25,7 %); 1 января – 30 июня 2022 года – 160 (9,1 %). До 2016 года фиксируются лишь отдельные контексты употребления инноваций с корнем *пополам*, далее наблюдается стабильный ежегодный рост количества высказываний и его резкое увеличение в 2019 году. Рекордное количество вхождений фиксируется в 2020 году, ознаменовавшемся серьезным социально-экономическим кризисом, затем следует небольшое снижение. В течение года наблюдается неравномерное распределение контекстов. В течение пяти последних лет около 35–40 % употреблений инноваций приходится на два временных периода: вторая половина февраля – начало марта и конец ноября – декабрь, – что связано с лингвокультурными и экономическими факторами (гендерно маркированные праздники, традиция делать подарки на Новый год, рост цен в предпраздничные периоды, окончание фискального года). Вероятно, именно в это время наиболее остро ощущается неудовлетворенность текущей экономической ситуацией и семейными отношениями.

Гендерно ориентированные инновации с корнем *пополам* тесно связаны с ключевым элементом словообразовательного ядра – новообразованием *пополамищик*, которое является наиболее распространенным (1192 контекста, 68,1 % от общей выборки). Остальные единицы встречаются значительно реже. Так, феминитив *пополамищица* присутствует в 138 высказываниях (7,9 %), другие инновации менее употребительны: *пополамство* – 108 (6,2 %), *пополамищина* – 78 (4,5 %), *пополамный* – 71 (4,1 %), *пополамность* – 41 (2,3 %). Остальные элементы словообразовательного гнезда фиксируются в единичных контекстах (менее 1 % контекстов для каждой единицы), что может быть связано с их недавним появлением. Высказывания, в которых содержатся номинации лица с суффиксами ласкательности *пополамуля*, *пополамуся*, *пополамусик* и невзрослости *пополамёныш*, феминитив *пополамиха*, аугментатив *пополамище*, датируются 2021–2022 гг. Именно неоагентив *пополамищик*, спо-

собствующий вербализации категории маскулинности, часто становится объектом метаязыковой рефлексии говорящих и входит в состав заголовков постов и наименований тредов форумов, что свойственно ключевым словам текущего момента. В общей сложности 42 % контекстов употребления этой единицы представляют собой заголовочные комплексы, из них 1,5 % – заголовки статей официальных СМИ, в том числе таких популярных, как «Комсомольская правда», «Лиза» и русскоязычная версия Forbes.

Лексическая семантика инновации *пополамщик* легко восстанавливается из контекста, однако при этом значение единицы регулярно раскрывается в многочисленных метаязыковых высказываниях, значительная часть вошедших в корпус контекстов (около 47 %) представляют собой метаязыковые комментарии или содержат какие-либо речевые средства экспликации метаязыковой рефлексии, например: «*Пополамщиком можно считать любого мужчину, который строит свою личную жизнь по принципу – женщина обязана вкладываться в совместный бюджет пары в равных долях с мужчиной, то есть пополам. Счета в ресторанах; стоимость совместного отдыха; если пара снимает жилье, то счет за аренду квартиры, за коммуналку и т. д. и т. п.*»⁴ (6 июня 2019 год) (здесь и далее сохранены авторская орфография и пунктуация. – Е.К., С.И.). Разделение бюджета определяется как нечто новое и чуждое: *новомодное (западное, европейское) пополамство, новомодные пополамные отношения*. На вербальном уровне отражается распространенность такого подхода к планированию бюджета: *еще один (типичный, очередной) пополамщик, кругом одни пополамщики*. Инновация часто используется в качестве одной из номинаций девиантной маскулинности в ряду других единиц с ярко выраженной негативной оценкой: «*Пополамщик это и есть халявщик, приживала, альфонс. Всем известные давно синонимы*»⁵ (12 декабря 2021 год). *Пополамщикам противопоставляют нормальных/настоящих/адекватных мужчин*. Частотны контексты, в которых эксплицируется представление о несоответствии лица мужского пола эталону маскулинности, *пополамщик* как бы исключается из числа мужчин.

Часто неоагентив используется совместно с вербальными средствами выражения концептуальной метафоры. Во-первых, это инфантильная метафора МУЖЧИНА – ЭТО РЕБЕНОК: «*А если вы захотите дом побольше, мафынку, отпуск и купите себе все это, ваш любимый пополамщик обидится что с ним не поделились, не дадут ему мафынку <...> Ведь если бы у него были денюшки, он бы обязательно поделился с вами*»⁶ (8 мая 2020 год). В приведенном контексте использование диминутивов *машинка* и *денежки*, указывающих на материальные блага, в сочетании с отражаемым на письме игровым искажением фонетического облика этих слов нацелено на создание

⁴ misscaprizz: блог. URL: <https://misscaprizzz.livejournal.com/21162.html> (дата обращения: 01.07.2022).

⁵ Женский журнал Woman.ru. Форум. Тред «Муж жрун». URL: <https://www.woman.ru/relations/family/thread/5549565> (дата обращения: 01.07.2022).

⁶ Женский журнал Woman.ru. Форум. Тред «Пополамщики это альфонсы?». URL: <https://www.woman.ru/relations/men/thread/5253461> (дата обращения: 01.07.2022).

эффекта детской речи. Людически утрированное свое – чужое слово, приписываемое партнеру, с одной стороны, в саркастической форме указывает на его ценности (*мафынка, денюшки*), а с другой – способствует вербализации метафорического образа. Инфантильная метафора является регулярной и может реализовываться не только за счет средств фонетической языковой игры, но и на словообразовательном уровне. Так, появляются новообразования *пополамёньш, пополамёнок, пополамусик, пополамуся*, например: «*А когда пополамуся открывает свой рот про доминирование, то это просто вызывает смех. Ты над своей жизнью подоминировать попробуй сначала*»⁷ (4 марта 2022 год). Их употребление носит окказиональный характер, однако факт их появления является признаком того, что ключевой неоагентив *пополамицик* воспринимается коммуникантками как недостаточно экспрессивный, что свидетельствует о вхождении этой единицы в узус неформального общения. Встречаются контексты употребления инновации, в которых присутствует морбиальная метафора ПОПОЛАМСТВО – ЭТО БОЛЕЗНЬ и ПОПОЛАМЩИК – ЭТО БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК. Пользовательницы говорят о *пополамстве головного мозга* как об особом болезненном состоянии, не позволяющем мыслить адекватно, называют мужчин, настаивающих на разделении финансовой ответственности, *инвалидами* и *психически больными* людьми. Инфантилизация маскулинного образа и метафора болезни способствуют не только выражению негативной оценки, но и подчеркивают отличие осмысливаемой позиции от нормы, нормального, приемлемого и общепринятого склада ума и типа поведения. *Пополамицик* исключается из социальной жизни, поскольку он не способен в ней участвовать так же, как не способен это делать ребенок или тяжело больной.

Анализ высказываний показывает, что в представлении обобщенного большинства интернет-пользовательниц эталон маскулинности предполагает большее финансовое участие мужчины в жизни пары или семьи. В основном массиве контекстов вербализуется установка на реализацию традиционной патриархатной модели «мужчина – добытчик, женщина – хранительница очага», отступление от которой резко осуждается и вербально маркируется, при этом негативно оцениваются не только мужчины, но и женщины, чье поведение отклоняется от эталона. В женских речевых произведениях устойчивым средством выражения негативной оценки женщины, не соответствующей традиционному гендерному контракту, является феминитив *пополамищица*. В контекстах его употребления последовательно вербализуется представление о том, что паритетные отношения невыгодны женщине, она *соглашается на пополамство* от безысходности, в силу особых причин, в частности, таких, как неуважение к себе, низкая самооценка и скромные внешние данные. В вошедших в корпус высказываниях очевидна репрезентация фемининности как пассивного начала, а маскулинности – как активного. Именно мужчина *предлагает, навязывает пополамство, настаивает* на нем, *заставляет* партнершу *пополамить*, в то время как женщина всего лишь вынужденно *соглашается* на него.

⁷ Двач. Тред «Пополамства тред». URL: <https://2ch.hk/dev/arch/2022-03-04/res/3924251.html> (дата обращения: 01.07.2022).

В высказываниях, продуцентами которых являются мужчины или пользователи с мужской самоидентификацией, отражаются совершенно иные представления. Употребление гендерно ориентированных инноваций с корнем *пополам* не характерно для мужской речи (мужские высказывания составляют менее пятой части корпуса), они практически не фиксируются в мужских интернет-текстах до 2018 года, однако в 2020–2022 годах пользователи мужского пола используют рассматриваемые единицы все чаще. В абсолютном большинстве мужских высказываний инновации присутствуют как свое – чужое слово, что является проявлением имплицитной метаязыковой рефлексии и результатом наблюдений над женскими речевыми практиками, или сопровождаются эксплицитным метаязыковым комментарием, в котором, как правило, осуждаются женщины, употребляющие в речи слово *пополамщик* и другие однокоренные гендерно ориентированные инновации. Так, типичным является следующий контекст: *«Я так понимаю не **пополамщик** это когда Он все делает, а она ничего. Максимум родила»*⁸ (10 августа 2021 год). Метаязыковая рефлексия нередко становится поводом к уточнению или даже исправлению лексической семантики инновации на основании внеязыкового социального опыта или собственного представления о положении дел: *«Много читаю в сети, как женщины извергают злобу на „**пополамщиков**“ <...> в Мире нет больших **пополамщиков**, чем бабы, которые при разводе пытаются поделить имущество мужика **пополам**»*⁹ (март 2021 год). В отдельных контекстах инновация *пополамщик* используется как самономинация, а глагол *пополамить* – как обозначение своих собственных действий, реальных или желаемых, либо поведения, ожидаемого от партнерши, при этом в высказывании вербализуется установка на эгалитарный гендерный контракт «работающий взрослый». В мужских контекстах регулярно озвучивается представление о том, что отношения с женщинами на условиях финансовых вложений не нужны и не интересны, а традиционная женская позиция осуждается и маркируется с помощью концептуальных метафор или других вербальных средств негативной оценки: *«Я за здоровое **пополамничество**. Конечно наша культура всё ещё сильно пропитана **бабским проститутским желанием** заработать на, но от этого можно и нужно избавляться. Баба должна быть самостоятельна в быту и финансах, мне **паразит-нахлебник** не нужен»*¹⁰ (14.03.2021). Однако значительно чаще мужчины предпочитают более оригинальные способы выразить свое отношение к подобным женским речевым практикам. Публикации, типичные для женских форумов и анонимных городских пабликов в социальных сетях, переосмысливаются в игровом ключе, пародируются и высмеиваются, например: *«А знаете, какие самые **неприятные девушки**? – Это **пополамщицы**! Вот откуда они взялись? Всегда же было принято, что **настоящая девушка** по факту обязана **платить за парня, содержать его и обеспечивать всем необходимым**, иначе она не достойна мужского внимания. А сейчас даже не знаешь, с кем отношения начать строить, ведь кругом од-*

⁸ Советчица Кидстафф. Форум. Тред «Вопросы к женам **пополамщиков**». URL: <https://sovnet.kidstaff.com.ua/question-2958632-1> (дата обращения: 01.07.2022).

⁹ Pikabu. Пост «**Пополамщики**». URL: https://pikabu.ru/story/popolamshchiki_8116785 (дата обращения: 01.07.2022).

¹⁰ Двач. Тред «Секс и отношения». URL: <https://2ch.hk/sex/arch/2021-03-16/res/7367866.html> (дата обращения: 01.07.2022).

*ни нищобродки и альфонсихи. Стыд и позор современным девушкам!»*¹¹ (11 апреля 2021 год). Так появляются посты, обозначаемые пользователями как *зеркалки* или *ответки*, игровые по своей природе вторичные тексты, в которых утрируются типичные женские речевые практики и подвергаются карнавальному «опрокидыванию» характерные для них речевые феномены, в комичной форме воссоздаются традиционные представления о распределении обязанностей между мужчинами и женщинами и высвечивается нелогичность и несправедливость патриархатного канона. Подобные публикации особенно характерны для коммуникативных субпространств мужских гомогендерных социальных объединений маскулинистов, противопоставляющих себя как феминизму, так и традиционным общественным представлениям, якобы, защищающим интересы женщин в ущерб мужчинам.

Заключение

Неформальная интернет-коммуникация с ее свободой самовыражения и установкой на искренность и задушевность дает возможность рядовым носителям языка высказаться, поделиться наболевшим с другими пользователями, попросить у них совета. Коммуникативное пространство форумов и сообществ с возможностью комментирования в социальных медиа становится площадкой обсуждения проблем в отношениях между полами, а характерная для Рунета легкость перехода от бытового дискурса к бытийному способствует обобщению частного опыта, выявлению тенденций и закономерностей, при этом конкретные текстовые манифестации наивной гендерологии характеризуются яркой эмоциональной тональностью и очевидной конфликтогенностью. Если традиционный выполняющий терапевтическую функцию дружеский разговор ограничен во времени, пространстве и количестве участников и не имеет сторонних наблюдателей, то интернет-опосредованный полилог остается зафиксированным и потенциально доступным широкой аудитории, что способствует тиражированию негативных образов маскулинности и феминности, оформлению гендерного социального конфликта в виртуальной среде и активному распространению и вхождению в узус неформальной коммуникации наиболее удачных, по мнению говорящих, новообразований. Это постоянно пополняющееся, видоизменяющееся и усложняющееся множество текстов, разнообразных по типу, жанру, авторским интенциям и лингвостилистическому оформлению, но при этом имеющих общую гендерную тематику и проблематику, складывается в единый гендерный интернет-дискурс, который, с одной стороны, отражает, ретранслирует и поддерживает традиционные стереотипы, а с другой – предоставляет пользователям возможность речевого сопротивления им. Именно в этой среде распространяются и функционируют многочисленные гендерно ориентированные инновации, при этом некоторые из них проникают в дискурс официальных СМИ.

Проведенный анализ показывает важность дальнейшего изучения гендерного дискурса Рунета. Его результаты и материалы могут быть использованы при составлении словаря гендерно ориентированной лексики и в процессе преподавания таких курсов, как «Гендерная лингвистика», «Медиалингвистика», «Интернет-лингвистика», «Актуальные процессы в русском языке новейшего

¹¹ Ивацевичская берлога: городское сообщество. URL: https://vk.com/berloga_ivatsevi4i (дата обращения: 01.07.2022).

периода», «Русское словообразование», а также стать основой для дальнейших исследований в области социологии и социальной психологии. Что касается перспектив настоящего исследования, то представляется необходимым комплексное исследование и осмысление гендерно ориентированной лексики, функционирующей в неформальной интернет-коммуникации, а также выявление других средств экспликации базовых гендерных категорий и вербализации гендерной картины мира в интернет-тексте.

Список литературы

- Горошко Е.И. Гендерные аспекты коммуникаций на примере образовательных практик Интернета // Образовательные технологии и общество. 2008. Т. 11. № 2. С. 388–411.
- Григорян А.А., Стрельчук Е.Н. Русскоязычные диминутивы в социальной сети «Инстаграм»¹² // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 981–995. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-981-995>
- Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 48–73. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>
- Ильясова С.В., Пугачева Е.В. Феминизация феминитивов // Филология и культура. 2021. № 3 (65). С. 12–17. <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2021-65-3-12-17>
- Каллистратидис Е.В. Гендерный аспект функционирования неосемантов нищеврод и нищевродка в неформальной интернет-коммуникации // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. 2021. № 12. С. 132–137. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.12.09>
- Каллистратидис Е.В. Игровые трансформы узуальных обозначений лиц мужского пола как средства репрезентации категории маскулинности в неформальной интернет-коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 10. С. 3034–3039. <https://doi.org/10.30853/phil210512>
- Радбиль Т.Б. Лингвокультурологическая и когнитивно-дискурсивная интерпретация активных процессов на базе иноязычных элементов в русском языке Интернета // Русский язык в интернет-коммуникации : лингвокогнитивный и прагматический аспекты : коллективная монография. М. : Флинта, 2021. С. 10–92.
- Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Палоши И.В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса : лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. 2021. № 1. С. 63–79. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-63-79>
- Секерина М.Е., Захарова Ю.Г. Феминитивы в языке блогов // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 4. <https://human.snauka.ru/2017/04/23665>
- Солтыс В.К. Язык блогосферы Рунета : гендерный аспект // Русистика. 2020. Т. 18. № 4. С. 454–468. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-4-454-468>
- Akalili A., Sari I.O. Women and gender stereotyping in media from the point of view of structuration theory // Journal of Social Studies. 2021. Vol. 17. No. 2. Pp. 165–178. <https://doi.org/10.21831/jss.v17i2.40326.165-178>
- Álvarez D., González A., Ubani C. The portrayal of men and women in digital communication : content analysis of gender roles and gender display in reaction GIFs // International Journal of Communication. 2021. No. 15. Pp. 462–292.
- Criezis M. ‘Many Sisters Wish They Were Men’ : gendered discourse and themes in pro-ISIS online communities // Journal for Deradicalization. 2020. No. 25. Pp. 35–74.

¹² Социальная сеть «Инстаграм» признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

- Danet B. Text as mask : gender and identity on the Internet // *Cybersociety 2.0 : revisiting computer-mediated communication and community*. Thousand Oaks : Sage, 1998. Pp. 129–158. <https://doi.org/10.4135/9781452243689.n5>
- Goodhew S.C., Reynolds K., Edwards M., Kidd E. The content of gender stereotypes embedded in language use // *Journal of Language and Social Psychology*. 2021. Vol. 41. No. 2. Pp. 219–231. <https://doi.org/doi:10.1177/0261927X211033930>
- Graddol D., Swann J. Gender voices. London : Basil Blackwell, 1989. 214 p.
- Kareithi P.J. Hegemonic masculinity in media contents // *Media and gender : a scholarly agenda for the global alliance on media and gender*. Paris : CLD / UNESCO, 2014. Pp. 26–29.
- Macharia S., Barata Mir J. Gender equality and media regulation. Kalmar : Fojo, Linnaeus University, 2022. 39 p.
- Wilhelm C. Gendered (in)visibility in digital media contexts // *Studies in Communication Sciences*. 2021. Vol. 21. Issue 1. Pp. 99–113. <https://doi.org/10.24434/j.scoms.2021.01.007>
- Yaniski-Ravid S., Mittelman A. Gender biases in cyberspace : a two-stage model, the new arena of Wikipedia and other websites // *Fordham Intellectual Property, Media and Entertainment Law Journal*. 2016. Vol. XXVI. No. 2. B. 2. P. 381–416.
- Ze T.K., Pannerselvam I.B. Reinforcing or resisting? A study on the influence of Internet memes on sexism among university students in Penang // *Journal of Contemporary Issues in Media and Communication*. 2021. No. 1. Pp. 1–31.

Сведения об авторах:

Каллистратидис Евгения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42. *Сфера научных интересов*: лингвокреативность, языковая игра, интернет-коммуникация, дискурс новых медиа, гендерные исследования. ORCID: 0000-0003-2521-1026. E-mail: evakallas@sfedu.ru

Ильясова Светлана Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42. *Сфера научных интересов*: активные процессы в русском языке новейшего периода, словообразование, языковая игра, язык СМИ и массовой коммуникации. Автор свыше 100 публикаций, среди которых научные монографии, статьи и учебные пособия. ORCID: 0000-0003-2386-6512. E-mail: ilyasova_rnd@mail.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4-434-448

Research article

Lexical innovations with the root *popolam* ('in half') in the Russian gendered Internet discourse

Evgeniia V. Kallistratidis , Svetlana V. Ilyasova

*Southern Federal University,
105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation*
 ilyasova_rnd@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is underpinned by the modifications of the Russian society gender canon, the Russian gender worldview transformations and by the growth of importance of the communicative and linguocultural Internet space that constitutes the field of spontaneous social, psychological and linguistic experiments and also representative sources of information on the Russian-speaking men and women's speech practices. The re-

search is aimed at revealing and describing derivational, semantic and functional features of the 23 lexicographically undefined, engendered lexical units motivated by the adverb *popolam* ('in half') pointing at the extralinguistic situation of the financial responsibility dividing in a couple. The research is conducted on the material of the authors' contexts corpus including 1750 speech products manifesting informal Internet communication that were published in the period from 2012 to 2022. The corpus contexts were obtained by continuous sampling method with the help of the Russian social network VK search engine and Google web search engine. The authors used methods of word-formation, semantic interpretation, contextual and discursive analyses and statistical method. The analysis has diagnosed that the constituents of the derivational nest with *popolam-* as the basis are used to nominate, categorize, characterize and evaluate masculine and feminine persons as participants in romantic, sexual and family relations. The innovations are also used to denote and characterize relationships in a couple from the point of view of financial responsibility division between partners. They are also used to designate actions and behavior types of participants in such relationships. The analysis proves that the innovations contain stable negative evaluation and are prevalent in woman's language. The analysis revealed that the functions of denomination, categorization and negative evaluation of the social interaction subjects and phenomena depend on the main ideological function of the innovations. The ideological function is increasingly important under the circumstances of the conflict between patriarchal and new egalitarian gender contacts. It is determined that *popolamshchik* ('slammer') as a male denomination is not only the most widespread and important constituent but also a key word of the gendered Internet discourse.

Keywords: Russian language, gendered Internet discourse, gendered vocabulary, lexical innovations

Article history: received 16.05.2022; accepted 03.08.2022.

For citation: Kallistratidis, E.V., & Ilyasova, S.V. (2022). Lexical innovations with the root *popolam* ('in half') in the Russian gendered Internet discourse. *Russian Language Studies*, 20(4), 434–448. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-434-448>

References

- Akalili, A., & Sari, I.O. (2021). Women and gender stereotyping in media from the point of view of structuration theory. *Journal of Social Studies*, 17(2), 165–178. <https://doi.org/10.21831/jss.v17i2.40326.165-178>
- Álvarez, D., González, A., & Ubani, C. (2021). The portrayal of men and women in digital communication : Content analysis of gender roles and gender display in reaction GIFs. *International Journal of Communication*, (15), 462–292.
- Criezis, M. (2020). 'Many Sisters Wish They Were Men': Gendered discourse and themes in pro-ISIS Online Communities. *Journal for Deradicalization*, (25), 35–74.
- Danet, B. (1998). Text as mask : Gender and identity on the Internet. *Cybersociety 2.0 : Revisiting Computer-Mediated Communication and Community* (pp. 129–158). Thousand Oaks: Sage. <https://doi.org/10.4135/9781452243689.n5>
- Goodhew, S.C., Reynolds, K., Edwards, M., & Kidd, E. (2021). The content of gender stereotypes embedded in language use. *Journal of Language and Social Psychology*, 41(2), 219–231. <https://doi.org/doi:10.1177/0261927X2111033930>
- Goroshko, E.I. (2008). Gender aspects of communication on the example of educational Internet practices. *Obrazovatel'nye Tekhnologii i Obshchestvo*, 11(2), 388–411. (In Russ.)
- Graddol, D., & Swann, J. (1989). *Gender voices*. London : Basil Blackwell.
- Grigoryan, A.A., & Strelchuk, E. N. (2021). Russian diminutives on the social network Instagram¹³. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 981–995. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-981-995>

¹³ The social network "Instagram" is recognized as an extremist and is banned in the territory of the Russian Federation.

- Ilyasova, S.V., & Pugacheva, E.V. (2021). Feminization of feminitives. *Philology and Culture*, (3), 12–17. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2021-65-3-12-17>
- Kallistratidis, E.V. (2021a). Gender aspects of functioning of the neosemants nishchebrod and nishchebrodka in informal Internet communication. *Modern Science : Actual Problems of Theory and Practise. Series : Humanities*, (12), 132–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.12.09>
- Kallistratidis, E.V. (2021b). Game transforms of usual designations of males as a means of representing the category of masculinity in informal Internet communication. *Philological Sciences. The Questions of Theory and Practice*, 14(10), 3034–3039. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil210512>
- Kareithi, P.J. (2014). Hegemonic masculinity in media contents. *Media and Gender : A Scholarly Agenda for the Global Alliance on Media and Gender* (pp. 26–29). Paris : CLD / UNESCO.
- Macharia, S., & Barata Mir, J. (2022). *Gender equality and media regulation*. Kalmar : Fojo, Linnaeus University.
- Radbil, T.B. (2021). Linguo-cultural and cognitive-discursive interpretation of active processes on the basis of foreign-language elements in the Russian language of Internet. *The Russian language in the Internet communication : linguo-cognitive and pragmatic aspects : collective monography* (pp. 10–92). Moscow: FLINTA. (In Russ.)
- Radbil, T.B., Ratsiburskaya, L.V., & Paloshi, I.V. (2021). Active processes in the vocabulary and word formation of the Russian language in the Era of Coronavirus : Linguo-cognitive aspect. *Nauchnyi Dialog*, (1), 63–79. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-63-79>
- Sekerina, M.E., & Zacharova, U.G. (2017). Feminitives in the language of blogs. *Gumanitarnye Nauchnye Issledovaniya*, (4). (In Russ.) Available July 5, 2022, from <http://human.snauka.ru/2017/04/23665>
- Soltys, V.K. (2020). Gender issue in the Runet blogosphere language. *Russian Language Studies*, 18(4), 454–468. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-4-454-468>
- Wilhelm, C. (2021). Gendered (in)visibility in digital media contexts. *Studies in Communication Sciences*, 21(1), 99–113. <https://doi.org/10.24434/j.scoms.2021.01.007>
- Yaniski-Ravid, S., & Mittelman, A. (2016). Gender biases in cyberspace : A two-stage model, the new arena of Wikipedia and other websites. *Fordham Intellectual Property, Media and Entertainment Law Journal*, XXVI(2)(B. 2), 381–416.
- Zdravomyslova, E.A., & Temkina, A.A. (2018). What is “masculinity”? Conceptual keys to critical studies in men and masculinities. *Monitoring of Public Opinion : Economic and Social Changes*, (6), 48–73. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>
- Ze, T.K., & Pannerselvam, I.B. (2021). Reinforcing or resisting? A study on the influence of Internet memes on sexism among university students in Penang. *Journal of Contemporary Issues in Media and Communication*, (1), 1–31.

Bio notes:

Evgeniia V. Kallistratidis, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of the Russian Language for Foreign Students, Institution of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation. *Research interests*: language creativity, language play, internet-mediated communication, new media discourse, gender studies. ORCID: 0000-0003-2521-1026. E-mail: evakallas@sfdedu.ru

Svetlana V. Ilyasova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of the Russian Language for Foreign Students, Institution of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation. *Research interests*: active processes in the modern Russian language, word formation, language play, the language of mass media and mass communication. The author of more than 100 scientific publications, including monographs, articles and manuals. ORCID: 0000-0003-2386-6512. E-mail: ilyasova_rnd@mail.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4-449-466

Научная статья

Семантические доминанты новообразований 2020 года в аспекте кодирования действительности в русском языке

Е.В. Маринова

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова,
Российская Федерация, 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А

 marinova@list.ru

Аннотация. Актуальность исследования объясняется недостаточной изученностью феномена сквозных сем в новообразованиях одного временного среза с точки зрения интерпретирующей функции русского языка. Цель – проанализировать такие семы, выявленные в семантической структуре неологизмов коронавирусной эпохи, и охарактеризовать фрагмент языковой картины мира в кризисный для него период. Материалом исследования является окказиональная лексика, зафиксированная в российской медиасфере и тематически связанная одной предметной областью – пандемией 2020 года. Источник исследования – «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» (проект ИЛИ РАН). Исследование выполнено в русле социолингвистики с использованием методики компонентного анализа семантики, словообразовательного и контекстного анализов. В ходе исследования выделялись тематические подгруппы; в каждой подгруппе выявлялись номинации окказионального характера; определялись средства выражения оценки (производящие основы – для сложных слов, словообразовательные форманты – для аффиксальных дериватов) и устанавливалась общая интерпретирующая сема (с учетом контекстного значения слова). На последнем этапе определялось общее количество лексем, связанных той или иной семантической доминантой. Данные представлены в обобщающей таблице, демонстрирующей в процентном соотношении долю представленности и в то же время степень значимости самой семантической доминанты в процессе языкового кодирования фрагмента действительности. В результате выявлены семантические доминанты, объединяющие окказионализмы разных авторов и демонстрирующие типовые оценки ситуации, связанной с COVID-19; определена степень частотности семантических доминант. Новизна исследования обусловлена спецификой проведенного семантического анализа: впервые на значительном гомогенном массиве словообразовательных дериватов выявляются общие семы, отражающие особенности эмоционального и психологического состояния русскоязычного общества.

Ключевые слова: массовое словотворчество, семантические доминанты новообразований, интерпретирующая функция языка, языковое кодирование, языковая картина мира, кризисный период, русский язык

История статьи: поступила в редакцию 16.01.2022; принята к печати 18.04.2022.

Для цитирования: Маринова Е.В. Семантические доминанты новообразований 2020 года в аспекте кодирования действительности в русском языке // Русистика. 2022. Т. 20. № 4. С. 449–466. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-449-466>

© Маринова Е.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

В 2020 году стремительно, за нескольких месяцев, сформировалась лексика новой предметной области (обозначим эту область как «COVID-19»), что само по себе является свидетельством высокой степени ее актуальности. Феномен беспрецедентного массового словотворчества, сопровождавший период пандемии 2020 года, безусловно, не остается незамеченным лингвистами, в особенности специалистами, изучающими современные языковые процессы.

В центре внимания исследователей оказываются прежде всего формальные, структурные признаки словообразовательных неологизмов (по сути, окказионализмов), появившихся в указанный период. К таким признакам относят характерные для новых слов того времени: словообразовательные модели и способы (подавляющее большинство слов образованы сложением – *коронабоязнь*, *ковидоистерия* и т.п.) (Минеева, 2020); наиболее частотные производящие основы («системные компоненты»), представляющие собой основы ключевых слов «коронавирусной эпохи»: *ковид*, (*корона*)*вирус*, *карантин* и др. (Громенко и др., 2020); наиболее востребованные словообразовательные форманты, как то: *-бесия*, *-фобия* и др. (Ридецкая, 2021).

Отмечается также интернациональный характер «пандемии словотворчества» (Н.А. Прокофьева, Е.А. Щеглова), основной функцией которого выступает людическая функция (Янурик, 2020). «Эпидемии страха», по мнению исследователей, противостояла «эпидемия смеха» (Kosmalska, 2020; Wolfer et al., 2020). В огромном массиве игровых номинаций исследователи выявляют как типичные для языковой игры деривационные модели и средства, так и нетипичные (образование глагола от топонима: *уханькатся*; новые аффиксоиды: *-демия*, *-демик*, *-френия* и др.) (Маринова, 2021: 326, 335). Предпринимаются попытки системно представить результат коллективного словотворчества в виде смысловых оппозиций (Зеленин, Буцева, 2021), тематических групп дериватов с общей производящей основой (Геккина, Кожевников, 2021) и т. п.

На наш взгляд, анализ всех этих важнейших лингвистических особенностей, объединяющих «короналексику», следует дополнить исследованием семантики входящих в нее слов, формируемой как особенностями их словообразовательной структуры, так и смысловой стороной порождающего их контекста в целом. При всем количественном и структурном многообразии неологизмов, созданных в 2020 году, их лексические значения содержат общие смысловые компоненты, связанные не только с пандемией и ее последствиями в жизни общества, что вполне естественно, но и с некоторыми типовыми оценками происходивших тогда событий.

Цель исследования – проанализировать общие семы (*семантические доминанты*), выявленные в содержательной структуре новообразований коронавирусной эпохи, и охарактеризовать фрагмент языковой картины мира в кризисный для него период.

Методы и материалы

Исследование выполнено в русле функциональной социолингвистики с использованием методики компонентного анализа семантики, словообразовательного и контекстного анализов, проводимых с опорой на толкование

лексического значения новообразований в лексикографическом издании «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» (далее – Словарь)¹. Всего проанализировано свыше 3500 единиц, зафиксированных в рамках одного временного среза в российской медиасфере и тематически связанных одной предметной областью – пандемией 2020 года. Источник исследования – данные Словаря и личная коллекция автора.

В структурном отношении «коронавирусные» окказионализмы представляют собой словообразовательные дериваты: композиты, включая аналитические номинации типа *ковид-опасность*; монокорневые аффиксальные производные (*ковидиада*, *псевдокарантин*); контаминанты (*коронотика*), в том числе интернационального характера (*коронагеддон*). В некоторых случаях привлекались составные развернутые номинации, синонимичные однословным (как напр. *коронавирусный Армагеддон*). Подавляющее большинство новообразований выражают расчлененное понятие, имеют легко считываемую бинарную структуру; заметна мотивированность семантики неологизма особенностями его состава. Так проявляется стремление говорящих (авторов слов) к более точному, однозначному выражению своего отношения к ситуации, исключающему двусмысленность: расчлененная, двухчастная структура окказионализма репрезентирует сразу и объект оценивания, и саму оценку, являющуюся, как правило, следствием интерпретации этого объекта².

Элемент структуры окказиональной номинации, именуемый объектом оценки, представляет собой одно из ключевых слов вирусного периода: *ковид*, *коронавирус* (*корона*), *карантин*. Второй, *интерпретирующий элемент* – имя существительное, как правило с отрицательной коннотацией. Количественный состав таких интерпретирующих элементов – более 100 лексических единиц, в системе языка соотносящихся с денотатами разных предметных областей (ср. *афера*, *баран*, *бульон*, *качели*, *ловушка*, *макароны*, *мафия*, *миф*, *пугало*, *пепел*, *Харон*, *фейк* и др.); тем не менее можно говорить о некоторых общих смыслах этих интерпретирующих элементов, которые, с одной стороны, передают все разнообразные настроения россиян в сложившейся в 2020 году эпидситуации, с другой – отражают в этом «многоголосии» определенные *типовые* ее оценки.

В ходе исследования поэтапно проводились следующие исследовательские процедуры:

1) среди новой лексики ковидного периода выделялись тематические подгруппы; в каждой подгруппе выявлялись номинации (и их удельный вес) окказионального характера;

2) в словообразовательной структуре окказиональных новообразований определялись средства выражения оценки (производящие основы – для сложных слов и контаминантов; словообразовательные форманты – для аффиксальных дериватов);

3) устанавливалась общая оценочная, интерпретирующая сема (с учетом контекстного значения слова);

¹ Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М.Н. Приёмывшева. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.

² Эта структурно-семантическая особенность окказионализмов ковидного периода на материале контаминантов (блендинга) в польском языке отмечается в (Kuligowska, 2020: 118).

4) определялось общее количество лексем, связанных той или иной семантической доминантой, что нашло отражение в обобщающей таблице, демонстрирующей в процентном соотношении долю представленности, а значит, и степень значимости самой семантической доминанты в процессе языкового кодирования фрагмента действительности в кризисный период.

Результаты

Представляем основные итоги исследования.

I. Выявлено 5 основных тематических групп (ТГ) «ковид»-лексики, включающих различные подгруппы (ТП)³.

II. В процессе анализа словообразовательной структуры обследуемых новообразований определены средства выражения семантических доминант, их «материальные носители».

Степень частотности семантических доминант в новообразованиях «ковидного» периода

№	Сема	Объем номинаций, %
1.	‘обман’	17
2.	‘ограничение свобод’	15
3.	‘психическое расстройство’	14
4.	‘испытание’	10
5.	‘чрезмерное осуждение’	9,7
6.	‘гибельность’	7
7.	‘война’	6,6
8.	‘страх’	5,2
9.	‘искусственный характер’	5
10.	‘беспорядок’	4
11.	‘отсутствие здравого смысла’	3,5
12.	‘неопределенность’	3

III. На основе семантического сходства различных строевых элементов (производящих основ, словообразовательных аффиксов и аффиксоидов), с учетом целостного контекстного значения неологизмов, были выявлены *семантические доминанты* (всего 12), объединяющие окказионализмы разных авторов и демонстрирующие типовые оценки ситуации, связанной с COVID-19. Такими доминантами являются: ‘беспорядок’, ‘война’, ‘гибельность’, ‘искусственный характер’, ‘испытание’, ‘неопределенность’, ‘обман’, ‘ограничение свобод’, ‘отсутствие здравого смысла’, ‘психическое расстройство’, ‘страх’, ‘чрезмерное осуждение’.

IV. На последнем этапе исследования на основе количественных данных была определена степень частотности семантических доминант (таблица).

Обсуждение

I. Рассмотрим тематический состав новообразований 2020 года. Ниже приводится список ТГ, который включает, наряду с подгруппами, количественные данные, необходимые для проведения исследования, а именно: ко-

³ Безусловно, классификация «ковид»-лексики, предложенная нами, не претендует на абсолютный характер, однако в основных чертах согласуется с тематической классификацией подобной лексики в других языках, например французском, польском, чешском (Belhaj, 2020; Cierpich-Kozielef, 2020; Поляков, 2021).

личество единиц в каждой ТП (в процентах) и количество неофициальных, окказиональных номинаций в каждой ТП (в процентах от общего количества единиц в данной ТП). Последний показатель представляется нам релевантным, поскольку та или иная подгруппа может содержать и новообразования, являющиеся вполне официальными лексическими единицами, вошедшими в узус (*ковид*, *ковидный*, *антиковидный*, *антикоронавирусный* и т. п.). В то же время отдельные ТП преимущественно или полностью состоят из неузуальных лексем, которые и стали объектом настоящего исследования. См.:

ТГ 1. **«Вирус, вызвавший пандемию. Заболевание»**. В эту группу входят: номинации вируса (ТП 1.1 – 2,8 %), обозначения заболевания, его разновидностей и последствий (ТП 1.2 – 5,1 %), номинации действий, обозначающих заражение вирусом и болезнь (ТП 1.3 – 1,7 %), номинации лиц (больных, зараженных) (ТП 1.4 – 1,7 %).

Количество окказионализмов: ТП 1.1 – 94 %, ТП 1.2 – 81,5 %, ТП 1.3 – 100 %, ТП 1.4 – 70 %.

ТГ 2. **«Медицинские меры по борьбе с болезнью и заражением»**. Эта ТГ включает: названия профилактических и терапевтических мер (ТП 2.1 – 3 %), наименования медицинских учреждений (ТП 2.2 – 3,4 %), наименования профилактических средств защиты (ТП 2.3 – 1,5 %), наименования вакцины и вакцинации (ТП 2.4 – 1,1 %), наименования лечебных средств и методик диагностики (ТП 2.5 – 2,8 %), номинации лиц по их участию/неучастию в борьбе с болезнью и заражением (ТП 2.6 – 2,1 %).

Количество окказионализмов: ТП 2.1 – 72 %, ТП 2.2 – 28 %, ТП 2.3 – 20 %, ТП 2.4 – 64 %, ТП 2.5 – 27 %, ТП 2.6 – 84 %.

ТГ 3. **«Пандемия»**. Эта ТГ представлена следующими подгруппами: общие наименования явления (ТП 3.1 – 2 %), обозначения понятий, связанных с распространением инфекции (ТП 3.2 – 5,3 %), обозначения периода, связанного/не связанного с пандемией (ТП 3.3 – 2,8 %), наименования лиц с точки зрения распространения инфекции (ТП 3.4 – 0,6 %).

Количество окказионализмов: ТП 3.1 – 89 %, ТП 3.2 – 80 %, ТП 3.3 – 88 %, ТП 3.4 – 67 %.

ТГ 4. **«Режим ограничений»**. В эту группу входят: общие наименования режима самоизоляции и ограничений (ТП 4.1 – 10,8 %), номинации действий, обозначающих соблюдение/нарушение режима (ТП 4.2 – 1,1 %), обозначения оценки ситуации в целом (ТП 4.3 – 8,4 %), обозначения идеологических расхождений сторонников ограничительных мер и их противников (ТП 4.4 – 0,9 %), обозначения последствий режима в жизни общества (ТП 4.5 – 2,8 %), номинации лиц по их отношению к режиму (ТП 4.6 – 7,4 %).

Количество окказионализмов: ТП 4.1 – 88 %, ТП 4.2 – 100 %, ТП 4.3 – 100 %, ТП 4.4 – 83 %, ТП 4.5 – 88 %, ТП 4.6 – 100 %.

ТГ 5. **«Образ жизни в коронавирусный период»**. К этой ТГ относятся: обозначения явлений, вызванных режимом ограничения, в быту (ТП 5.1 – 8,7 %), обозначения новых явлений в сфере бизнеса и экономики (ТП 5.2 – 6,7 %), обозначения новых явлений в политической сфере (ТП 5.3 – 1,1 %), обозначения новых явлений в сфере образования (ТП 5.4 – 3 %), обозначение

ния реалий и условий «жизни онлайн» (ТП 5.5 – 10,5 %), наименования лиц по их образу жизни, поведению в вирусный период (ТП 5.6 – 2 %).

Количество окказионализмов: ТП 5.1 – 99 %, ТП 5.2 – 93 %, ТП 5.3 – 100 %, ТП 5.4 – 36 %, ТП 5.5 – 78 %, ТП 5.6 – 100 %.

В целом количество неофициальных номинаций (80 %) превышает количество официальных примерно в 4 раза (подробнее об интерпретации такого соотношения см. в (Маринова, 2021: 335)), причем некоторые ТП полностью представлены номинациями, не имеющими официального характера, окказиональными по природе – в частности подгруппа, включающая обозначения обшей *оценки ситуации*, связанной с COVID-19 и эпидограничениями (ТП 4.3).

II. С точки зрения словообразовательной структуры обследованные новообразования, как же говорилось, представляют собой как монокорневые, так и поликорневые дериваты. В составе последних (это композиты, контаминанты и другие игровые номинации, образованные от двух производящих основ) средством выражения смысловой доминанты является одна из основ, причем та, которая семантически не связана с пандемией напрямую; ср., например, *фейк* и *фейковир*, *инфейкция* (сема ‘обман’); *Харон* и *хароновир* (сема ‘гибельность’); *качели* и *карантин-качели* (сема ‘неопределенность’) т. п. В составе окказионализма такая основа (интерпретирующий элемент) реализует либо прямое значение производящего слова, как напр. *Катастрофа* в составе оценочной номинации *ковид-катастрофа*, либо переносное. Так, в новообразованиях *коронапокалипсис*, *Коронаармагеддон*, *коронаЧернобыль* производящие основы, следующие за начальным компонентом, отсылают к переносным, символическим значениям лексем, выражающих ту же идею, что и слово *катастрофа* (*Апокалипсис*, *Армагеддон*, *Чернобыль*).

В некоторых случаях связь между основной идеей, заложенной в окказионализме, и выбором интерпретирующего элемента для его создания оказывается ассоциативной. К примеру, композит *ковид-пепел* выражает ту же эсхатологическую идею, что и приведенные выше новообразования, что стало возможным, видимо, благодаря метонимическому переносу (действие → результат действия). В основе образа – ассоциация с тем, что разрушительные процессы во время пандемии коронавирусной инфекции мало что оставят после себя, подобно тому, как после катастрофы остается только пепел.

Возможны и не столь мрачные ассоциации. Напр., зафиксированное в Словаре наименование *макароновир* ‘о коронавирусе как о чем-то вымышленном, уловке’ отсылает к устойчивому выражению *лапшу на уши вешать*; путем так называемого семантического вовлечения (Ю.С. Сорокин) слово *макароны*, относящееся к той же тематической группе, что и *лапша*, осмысливается в том же самом смысловом поле – обмана. Ср. также ряд пренебрежительных слов *барановир*, *барановирник*, *барановирусный*, в которых сему обмана выражает грубая зоометафора *баран* ‘глупый человек, который помыкают’ (синоним этого слова в арго – *лох*, отсюда *лохопандемия*).

Наряду с производящими основами разнообразных в тематическом отношении лексем русского языка, средством выражения семантической доминанты могут быть словообразовательные аффиксы и аффиксоиды. Так, сема ‘обман, ненастоящность’, выражаемая основами таких слов, как *фейк*, *фудло*,

шарлатанство и т. п., содержится в семантике префиксов *квази-*, *псевдо-* (*псевдокоронавирус*, *квазикарантин*); сему ‘испытание’ выражает суффикс *-иад(а)* – ср. тот же смысл в композите *ковид-эпопея*; сему ‘неопределенность’ – морфемы *недо-*, *полу-* (*недокарантин*, *полукарантин*); сему ‘ограничение свобод’ – аффиксоиды *-крати(я)* (*ковидократия*), *-цид* (< *геноцид*) – *карантинцид*. Семантикой аффиксоидов: *-френи(я)*, *-френик*, *психо-* задана одна из часто реализуемых в «ковид»-неологизмах сем – ‘психическое расстройство’ (*ковидофрения*, *коронафреник*, *психовирус*) – ср. ту же сему в производящих словах (*ковид-паника*, *коронапсихоз*, *коронашизофрения* и др.).

III. Во всем массиве новообразований 2020 г. семантические доминанты имеют характер *сквозных, общих сем*, организующих «ковид»-лексику наряду с ее ключевыми словами, служащими производящей базой для дериватов всех без исключения ТП (*ковид*, *корона*, *карантин*, *пандемия*, *вирус*, *вакцина* и др.).

Об этом можно судить по тому, что одна и та же смысловая доминанта объединяет окказионализмы разных ТП. Так, сема ‘психическое расстройство’ содержится в семантике номинаций вируса (ТП 1.1) и самой болезни (ТП 1.2) – *зомбовирус*, *психовирус*, *ковидо-невроз*, *паникодемия*, *психопандемия*, а также в семантике номинаций лиц (ТП 1.4): *короназомби*, *коронапаникер* и др. «Эсхатологическая» сема актуализируется в неофициальных номинациях пандемии (ТП 3.1): *корона-катастрофа*, *ковид-трагедия*, *коронавирус-трагедия*; экономического кризиса, вызванного пандемией (ТП 5.2): *ковидо-коллапс*; ернически обыгрывается в выражении *тележка апокалипсиса* (о продуктовой тележке) (ТП 5.1); см. также одно из неофициальных названий самого вируса (ТП 1.1): *хароновирус*.

IV. Обратимся к анализу выявленных семантических доминант.

Наиболее частотная сема – (1) ‘**обман**’ – содержится в значениях индивидуально-авторских слов, выражающих общую оценку ситуации 2020 года и ее разнообразным последствиям (ТП 4.3): *ковидафера*, *корона-афера*, *корона-ловушка*, *ковидомафия*, *ковид-миф*, *корона-миф*, *фуфло-карантин*, *коронашуглерство*, *QR-шарлатанство* и др. В зоне толкования этих и подобных слов в Словаре содержится ремарка «в речи ковид-диссидентов». Однако, как показывают наши наблюдения, сфера употребления некоторых из этих лексем шире: ее можно охарактеризовать как любой медийный дискурс, содержащий анализ, интерпретацию или/и оценку событий. См., напр., заголовок статьи, размещенной на портале агентства аналитической информации «Русь православная»: *Разоблачение ковидаферы: глава Росздравнадзора подтвердила ложность стат. данных по смертности от COVID-19⁴* (здесь и далее орфография и пунктуация источника сохранена. – Е.М.).

Номинации с семой ‘обман’, помимо ТП «Общая оценка ситуации», зафиксированы и в других группах, что свидетельствует о ее «сквозном» характере: как ситуация с пандемией в целом, так и отдельные реалии, понятия, объекты, связанные с ней, воспринимались нередко с недоверием или даже полным неверием, с ощущением массового обмана, дезинформации и т.п. Отсюда смысловая доминанта ‘обман’ в таких ТП, как наименования

⁴ Rusprav.tv. 2020, 9 сентября.

вируса (ТП 1.1): *фейковирус, коронафейк, фуфлоковид, фуфловирус, фуфловир, макаронвирус, псевдокоронавирус, барановирус*; обозначение заболевания (ТП 1.2): *коронавирусная инфекция*; наименование вакцины (ТП 2.4): *фуфло-прививка, фуфло-вакцина*; наименования лечебных средств (ТП 2.5): *фуфлофероны, фуфлофалиновая мазь, фуфло-таблетки, фуфломицин, фуфломицинка*; номинации лиц по их участию/неучастию в борьбе с болезнью и заражением (ТП 2.6): *фуфломицицик, фуфлодемик*; наименования пандемии (ТП 3.1): *фейкопидемия, фейкодемия, фуфлопандемия, фуфлопидемия, фуфлоэпидемия, фуфлодемия, псевдоэпидемия, псевдопандемия, псевдоэпидемическая вакханалия, лохопандемия*; номинации лиц по их отношению к режиму ограничений (ТП 4.6): *барановирусник*⁵.

Идея «намеренного обмана населения в корыстных целях», активно муссируемая в 2020 году в различных СМИ и еще активнее – в неформальной сетевой коммуникации, несмотря на предупреждение со стороны высших органов власти России наказывать лиц, распространяющих подобное⁶, передается и составными наименованиями, см.: **Ковидная мафия: кто зарабатывает на нашем нездоровье**⁷; **О ковидной афере (почему нас держат за дурачков)** (название форума⁸) и т.п. Можно заметить, что опорные компоненты составных наименований и интерпретирующие элементы однословных наименований совпадают – ср. *ковидная мафия* и *ковид-мафия*; *ковидная афера* – ср. *ковидафера, корона-афера* и под. Именно за счет семантики этих лексем, имеющих сему ‘обман’ в своих прямых значениях (*афера, фейк, шарлатанство, шулерство* и др.) или вторичных, производных, нередко некодифицированных значениях (*ловушка, мафия, миф, фуфло* – в арго ‘обман’), передается отношение автора текста к ситуации и ее участникам (недоверие, скепсис и под.).

Наибольшую активность в качестве «строительных» элементов новых номинаций проявили слова *фуфло* (в составе 16 окказионализмов) и *фейк* (в составе семи окказионализмов). Активность этих лексем в качестве производящих баз («системных компонентов сложных слов») отмечается и в (Козырев, Черняк, 2021: 217). Первое из них – вулгаризм, довольно сильно заряженный отрицательной энергией из-за своего низкого происхождения – выражают идею обмана в составе окказионализмов в резкой, агрессивной форме. Пренебрежительно, хотя и не так грубо звучат новообразования с компонентом *фейк*. Когда-то узко сетевое слово, в последние приблизительно пять лет *фейк* и его производное *фейковый* вышли за пределы среды, их породившей, в медийный, в том числе политический дискурс. По-видимому, объясняется это не только постоянным «запросом» публичной сферы коммуникации на новые слова и экспрессивные средства, но и востребованностью в номинациях, имеющих такие черты эпохи постправды, как искажение факта, неискренность,

⁵ Далее (в анализе других сем) для компактности изложения мы будем ограничиваться только указанием на номер ТП.

⁶ Подробнее об этом см.: Верховный суд разъяснил порядок привлечения к уголовной ответственности за фейки о коронавирусе // Стопкоронавирус.рф. 2020, 27 апреля.

⁷ Tsargrad.tv. 2021, 13 июля.

⁸ Yaplakal.com. 2021, 25 октября.

неподлинность, подмена понятий, симуляция, дефицит правды и т. п. Неслучайно в современной общественно-политической лексике сформировался богатый пласт слов с семантикой обмана (более 50 из них зафиксировано нами в печатных СМИ в качестве синонимов к *фейк* (Маринова, 2022: 110)). Ковид-неологизмы с семантикой неправды вписываются в общее семантическое поле, выражающее идею массового информационного обмана.

Сема (2) **‘ограничение свобод’**, по нашим данным, следующая после лидирующей семы обмана. Она содержится в семантике таких новообразований, как *ковид-бюрократизм, ковид-геноцид, карантин-заточение, карантин-концлагерь, ковидо-гетто, корона-диктатура, корона-коммунизм, коронаперегиб, коронаслежка, ковид-террор, ковид-тоталитаризм, корона-тоталитаризм, ковид-фашизм, корона-фашизм, коронафедерализм, карантинно-хунта, коронацарство, коронаэкстремизм* (ТП 4.3), *корона-диктатор* (ТП 2.6), *корона-джихад* (ТП 3.1), *ковид-терроризм* (ТП 3.2), *COVID-террорист, корона-террорист* (ТП 3.4), *коронаэкстремист* (ТП 4.6) и др.

Как видим, сема **‘ограничение свобод’** объединяет лексемы разных ТП – от характеристики ситуации в целом (прежде всего имеются в виду официальные ограничительные меры) до обозначений лиц. Средством выражения этой семантической доминанты служит преимущественно политическая лексика – слова, именующие различные, чаще тоталитарные, режимы, репрессивные меры, массовые насильственные действия и т.п. См.: *бюрократизм, геноцид, гетто, диктатура, заточение, концлагерь, перегиб(ы), слежка, террор, тоталитаризм, фашизм, федерализм, хунта, экстремизм* и др. Кроме того, средством выражения семы в некоторых лексемах являются суффиксоиды, как в словах *ковидоцид, карантиноцид* (ср. *геноцид*), *коронакост, карантинкост, пфайзеркост*⁹ (ср. *холокост*), а также *ковидократия, пандемиократия* и т. п.

Сема (3) **‘психическое расстройство’** является общей для множества созданных в ковидный период сложений на базе существительных, именующих нездоровое, неустойчивое психическое состояние или даже заболевание (*бред, безумие, депрессия, истерика, истерия, невроз, паранойя, психоз, стресс, шизофрения, шок* и др.). Семантика этих медицинских терминов в составе новообразований детерминологизируется; на первый план выдвигается такой семантический компонент, как отклонение от нормального психического поведения, состояния в период пандемии и режима ограничений; отсутствие трезвого, взвешенного подхода к создавшейся проблеме вследствие страха, неопределенности и т.п. См.: *ковидо-невроз, коронастресс, ковидошок, коронашок* (ТП 1.2), *ковид-безумие, ковидло-безумие, корона-безумие, ковид-бред, коронобред, корона-депрессия, корона-истерика, ковид-истерика, корона-истерия, ковид-истерия, коронавирус-истерия, карантиноистерия, коронойя, ковидопсихоз, коронапсихоз, карантинопсихоз, коронашизофрения, коронашиза* (ТП 4.3).

Средствами выражения рассматриваемой семантической доминанты выступают и аффиксоиды: префиксоид *психо-*, напр., использован в обозначения самого вируса COVID-19 и пандемии – *психовирус, психокоронавирус,*

⁹ От названия вакцины американской компании Pfizer.

психопандемия; суффиксоиды *-френия* и *френик* («осколки» от *шизофрения*, *шизофреник*) – в словах *коронафрения*, *ковидофрения* (ТП 4.3), *коронафреник*, *ковидофреник* (ТП 4.6).

Наряду с терминами психиатрии, в качестве производящих используются слова близкой семантики: *ковид-тревога* (ТП 1.2), *ковид-настороженность* (ТП 4.3), также передающие идею беспокойного эмоционального состояния. Актуальной становится и сема, отражающая болезненную привязанность к чему-либо (напр. к обсуждению тем, связанных с пандемией), подверженность влиянию (массовой панике и т.п.), что передается такими новообразованиями, как *зомбовирус* (ТП 1.1), *ковидомания*, *коронамания* (ТП 4.3), *ковидозависимость* (ТП 4.5), *гречкомания* (ТП 5.1), *короназомби* (ТП 4.6), *зумби* – о людях, одержимых общением через Zoom (ТП 5.6) и др.

Сема (4) **‘испытание’** – так мы назвали следующую семантическую доминанту, отражающую особенности восприятия событий 2020 года россиянами. Один из неологизмов содержит слово, ставшее названием семы (*ковид-испытание*); оно представляет собой обозначение родового понятия, объединяющего различные виды жизненных трудностей, невзгод, тяжелых переживаний и потерь (ср. также *коронабедствие*, *мировая корона-напасть*).

Так, трудности в экономическо-финансовой сфере интерпретировались как кризис, форс-мажор; отсюда (*финансовый*) *коронакризис*, *коронавирус-кризис*, *вирусокризис* *вирусмажорные обстоятельства*, *коронамический* (ср. *экономический*) *кризис*, *пандемийно-нефтяной кризис*, *ковидно-валютный кризис* (ТП 5.2). Некоторые семантически близкие к приведенным словам окказионализмы уточняют специфику кризиса: застой, сокращение товарно-денежного оборота, отсутствие перспектив для бизнеса и т. п. – с помощью метафорически переосмысленных узуальных слов: *корона-блокировка*, *ковид-спячка*, *карантиностояние*, *корона-тоннель* и др.

Подобным образом характеризовались и вся ситуация с пандемией в целом – *ковид-кризис*, *ковидло-кризис*, *карантинокризис*, *карантино-экстрим* (ТП 4.3) – и ее различные *карантинно-экстремальные* последствия. Один из образов, связанных с осмыслением происходящих тогда событий, – образ тяжелейших длительных испытаний, наподобие тех, которые стали предметом изображения в мировом эпосе. Так появились *ковид-эпопея*, *коронаэпопея*, *коронавирусно-кризисная эпопея*; ср. также: *ковидиада* (аллюзия на эпос Гомера «Илиада»). Актуальной также оказалась метафора природной стихии; см., например, заголовок: *В воронке коронашторма*¹⁰, а также *коронастихия*, *корона-ураган*, *коронатрясение* (ср. *землетрясение*) и др.

Сема (5) **‘чрезмерное обсуждение’** реализуется в «ковид»-словах, семантика которых – своеобразное отражение идеи излишнего, избыточного информационного «шума», захватившего почти полностью медийный дискурс, в связи с кризисными событиями в мире. В романе В. Пелевина, вышедшем летом 2020 года, эта идея иронично подана в толковании ковида одним из героев: «Это плохой грипп с хорошим пиаром»¹¹. И действительно,

¹⁰ Interfax.Ru. 2020, 13 апреля.

¹¹ Пелевин В.О. Непобедимое солнце. М. : Эксмо, 2020. С. 695. Подобное ироничное отношение к новой инфекции отражает и английское сленговое выражение, ставшее мемом:

медийный дискурс «ковидного» периода отмечен своего рода «одержимостью» этой темой в материалах журналистов и блогеров, да и массовое сознание в основном было захвачено размышлениями и переживаниями по поводу пандемии коронавируса COVID-19 и ее последствий. И то и другое проявление чрезмерного интереса к пандемии становится объектом рефлексии самих журналистов: *Маховик пандемииобесия раскручивается и растет как раковая опухоль. Пропаганда сейчас включила посев паники и нетерпимости...*¹²; *СМИ раздувают ковидоманию...*¹³ и под.

Негативная реакция на своего рода одержимость ковидной темой нашла отражение во множестве неологизмов. В их создании был использован арсенал как давно устоявшихся в языке средств (*ажитаж, бум, лихорадка, сенсация, скандал, шум* и др.), так и средств новых (*хайп*). Вот далеко не полный список самих новообразований: *корона-ажитаж, корона-бум, карантинный бум, локдаун-бум, корона-лихорадка, ковид-сенсация, ковид-скандал, коронаскандал, коронахайп, коронашум* (ТП 4.3), *ZOOM-бум* (ТП 5.5) и т. п. См. также неологизм-заимствование *инфодемия* (< англ. *infodemic*), используемый, как правило, с определением *массовая, – о чрезмерно активном* распространении информации о коронавирусной инфекции, нередко непроверенной, недостоверной.

Конкуренцию названным интерпретирующим лексемам (от *ажитажа* до *хайпа*) составил, однако, аффиксоид *-беси(е)* (и его пара *-бес* в личных существительных), присоединяемый к основам ключевых слов «текущего момента»: *ковидобесие, коронавирусобесие, вирусобесие, коронабесие, карантинобесие* (ТП 4.3), *карантинобес, корона-бес(ик), ковидобесы, вирусобес* (ТП 4.6), *вакцинобесие* (ТП 2.4) и др. В составе слов ковидной тематики аффиксоид *-беси(е)* может подчеркивать разные смысловые оттенки: от чрезмерной увлеченности обсуждением новостей, слухов и т. п., связанных с пандемией (*вертолетобесие* – о шумихе вокруг так наз. «вертолетных» выплат), до почти агрессивной, фанатичной одержимости по отношению к различного рода профилактическим мерам и средствам (*перчаткобесие, маскобесие*). Синкретичность семантики форманта *-бесие* отмечается также в (Дягилева, 2021: 317–318).

Сема (б) **‘гибельность’** сформировалась как устойчивая смысловая доминанта в результате восприятия ситуации, связанной с распространением ковида и введением ограничений, как трагически опасной для человечества, грозящей масштабной катастрофой, что реализуется с помощью производящих лексем *апокалипсис, постапокалипсис, Армагеддон, катастрофа, коллапс* ‘тяжелый кризис, грозящий крахом государства’ (БТС¹⁴), *крах, пепел, трагедия* и др., использованных в качестве строевых элементов неологизмов, и поддерживается общим контекстом фразы. См.: *Нужно, чтобы мир, словно Феникс, восстал*

It's just the flu bro (Thorne, 2020) – «Это всего лишь грипп, братан» (Thorne T. #CORONASPEAK – the language of Covid-19 goes viral. URL : <https://language-and-innovation.com/2020/04/15/coronaspeak-part-2-the-language-of-covid-goes-viral> (accessed : 10.11.2020)).

¹² Яблоко. Волгоградская область. 2020, 17 октября.

¹³ Смоленская правда. 2020, 16 мая.

¹⁴ Большой толковый словарь. URL : <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B0%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%B3%D0%B5%D0%B4%D0%B4%D0%BE%D0%BD&all=x> (дата обращения : 19.08.2021).

из «**ковид-пепла**», и политики снова открыли границы¹⁵. Вот список самих номинаций, объединенных этой «эсхатологической» семьей: *ковид-апокалипсис*, *коронавирус-апокалипсис*, *карантиноапокалипсис*, *коронаармагеддон*, *ковид-катастрофа*, *корона-крах* (ТП 4.3), *хароноввирус*, *апокалиптический вирус* (ТП 1.1), *коронаопасность* (ТП 1.2), *корона-катастрофа*, *ковид-трагедия*, *коронаЧернобыль*¹⁶ (ТП 3.1), *ковидоопасность* (ТП 3.2), *пост-COVID-апокалипсис*, *постковидный зомби-апокалипсис* (ТП 3.3), *ковид-коллапс* (ТП 5.2) и др. Следует отметить интернациональный характер некоторых лексем, напр. *коронаапокалипсис* (< англ. *coronapocalypse*), *коронакалипсис* (< англ. *coronacalypse*), *коронагеддон* (< англ. *coronageddon*) (Alyeksyeyeva et al., 2020: 205). На русской почве эти контаминанты становятся своеобразным образцом для различных структурных вариаций наименования (ср.: *коронаапокалипсис* и *корона-апокалипсис/коронаапокалипсис*; *коронакалипсис* и *ковидокалипсис*).

Сема (7) '**война**' объединяет группу окказионализмов, передающих отношение говорящих к сложившимся в пандемию обстоятельствам как к столкновению с опасным, смертельным врагом, от которого надо защищаться и которому нужно дать отпор. Отсюда такие номинации, как *корона-война*, *ковидоносная война* (ср. *победоносная*), *ковид-осада*, *ковид-фронт*, *коронафронт* (ТП 4.3), *ковид-враг*, *коронаобразный враг*, *ковид-войска*, *корона-разрушитель* (ТП 1.1), *корона-Гитлер* (ТП 1.2), *COVID-маршал*, *корона-генерал*, *ковид-солдаты* (ТП 2.6), *ковид-угроза*, *коронаугроза*, *коронавирус-угроза*, *коронаатака*, *ковид-удар*, *коронаудар* (ТП 3.1), *ковид-бастион*, *ковид-войска*, *коронапобеда*, *ковид-подкрепление*, *ковид-сопротивление* (ТП 3.2), *ковид-подполье* (ТП 4.4) и др. В этих и подобных обозначениях реализуется метафора войны, без которой не обходится ни один политический дискурс (Баранов, Караулов, 1994; Flusberg et al., 2018; Чудинов, 2001), однако на этот раз образ врага связан не с какой-то политической силой, которой нужно противостоять, а с болезнью, инфекцией¹⁷ (Балашова, 2020; Козловская, 2021). В то же время сфера реализации метафоры войны расширяется за счет контекстов, отражающих противостояние внутри общества (между «скептиками» и «сидидомовцами», «антимасочниками-бесперчаточниками» и «маскерами» и т. п.). Отсюда выражение *масочные войны* (*битвы*, *баталии*). Но, пожалуй, самым неожиданным оказывается этот же образ – жесткого столкновения и противоборства – в дискурсе, посвященном разработкам вакцины в разных странах, например: *Война вакцин ведется все больше на фронтах политических, информационных...*¹⁸. См. также *вакцинная война*, *гонка вакцин* (ср. *гонка вооружения*).

Сема (8) '**страх**' в неологизмах ковидного периода, если говорить о сложениях, задана семантикой таких интерпретирующих элементов, которые в системе языка являются прямыми обозначениями этого состояния че-

¹⁵ Tilzit.info. 2020, 13 октября.

¹⁶ Ср. тот же образ в метафорической номинации *China's Chernobyl*, использованной в британской прессе (Nerlich В. Metaphors in the time of coronavirus. URL : <https://blogs.nottingham.ac.uk/makingsciencepublic/2020/03/17/metaphors-in-the-time-of-coronavirus> (дата обращения : 10.10.2020)).

¹⁷ Pong В. How we experience pandemic time. URL : <https://blog.oup.com/2020/07/how-to-experience-pandemic-time/> (дата обращения : 19.11.2020).

¹⁸ Новости России. 2020, 29 ноября.

ловека: *боязнь, кошмар, паника, страсть* (разг. ‘ужас, страх’ (БТС)), *ужас*. В это же семантическое поле входят слова *триллер* (*перен.* – о том, что вызывает чувство страха), *старуха* (*перен.* – о смерти как источнике страха), а также аффиксоид *-фобия*, вновь оказавшийся востребованным в ситуации с инфекционной эпидемией (сложение *холерофобия* исследователи отмечают уже в XIX в. (Дягилева, 2021: 310)).

В большинстве случаев названные средства активно использовались для обозначения (и характеристики) ситуации с пандемией в целом, см.: *карантинобоязнь, ковид-кошмар, коронакошмар, паникодемия* (*фейковируса*), *ковид-паника, ковид-паникерство, коронапаника, карантинопаника, ковид-старуха, ковид-страсти, коронастрасти, ковид-триллер, коронатриллер, ковид-ужас, корона-ужас, ковидофобия, коронафобия, пандемиифобия* и др. (ТП 4.3). Для обозначения лиц, подверженных разного рода страхам и фобиям (от боязни не носить маски до боязни носить ее), активизировалось слово *паникер(ы)*, см.: *коронапаникеры* (ср. также *коронабесные паникеры*), *ковид-паникеры* (ТП 4.6), *набор паникера* (ТП 5.1); частотным оказался и формант *-фоб(ы)*: *вакцинофоб, маскофоб* (ТП 2.6), *коронафобы, ковидофоб* (ТП 4.6) и т. п.

Окказиональные лексемы с рассматриваемой семантической доминантой обнаружены также среди многочисленных (более 60) обозначений самого коронавируса COVID-19, причем средства выражения семы-доминанты иные по сравнению с новообразованиями в других ТП: *пугаловирус, коронамонстр, короначудовище, коронадьявол*. Эти номинации демонстрируют своеобразную, имеющую несколько преувеличенный характер персонификацию и даже демонизацию внушающего страх вируса.

Сема (9) **‘искусственный характер’** содержательно близка самой частотной семантической доминанте – семе обмана. Во всяком случае, номинации, содержащие сему ‘искусственность’, отражают представления, вполне логично вытекающие из убеждений определенной части россиян в массовом обмане, масштабной манипуляции посредством всего, что связано с пандемией – от появления самого коронавируса COVID-19 (*корона-игра, коронаквест, коронаспектакль, коронашоу, коронавирус-шоу*) до введения режима ограничений (*карантиноцирк*) и разработки антиковидной вакцины (*заговор вакцинаторов*). Интерпретирующие элементы в составе композитов в большинстве своем тематически однородны – это термины сферы искусства, имеющие, однако, давнюю традицию использования их в общественно-политическом дискурсе переносно и неодобрительно (см. *спектакль, цирк, шоу* и под. – так наз. театральные метафоры или, шире, метафоры игры).

К этой же группе окказионализмов мы отнесли номинации *ковид-заговор, короназаговор, коронакоалиция* и под., отражающие весьма популярную интерпретацию событий 2020 года в духе теории заговора. Кроме того, стоит упомянуть здесь интернационализм *пандемия* (< англ. *Plandemic* – название документального фильма Д. Мартина и Дж. Миковитса). В русскоязычном и других дискурсах слово, обозначая пандемию, за счет интерпретирующего элемента *план-/plan-* («пандемия согласно плану, запланированная») выражает ее отрицательную оценку, объясняя происходящее мировым заговором заинтересованных бизнес-элит. См., напр.: *Все это происходит на фоне*

*фальшивой пандемии Covid-19 и во время борьбы между фракциями, которые просто хотят контролировать человечество, с фракциями, которые хотят убить большинство из нас...*¹⁹ (выделенное словосочетание – один из многочисленных примеров связи двух семантических доминант: ‘искусственный характер’ и ‘обман’).

Сема (10) ‘**беспорядок**’ выражена прежде всего в тех номинациях, в составе которых есть узуальные обозначения отсутствия порядка. Это сниженное *бардак* и, напротив, книжное слово *хаос*, вторичное значение которого – ‘крайний беспорядок’ (БТС). Ощущение того, что в период пандемии нарушился естественный, привычный порядок вещей, породило такие номинации, как *ковид-хаос*, *ковидло-хаос*, *коронахаос*, *коронавирус-хаос*, *ковид-бардак* (ТП 4.3), *карантинно-экономический бардак* (ТП 5.2); *пандемийно-расовый хаос* (ТП 5.3); ср. также *коронавасия* (от *катавасия* – разг. ‘суматоха, суета, беспорядок’ (БТС)).

Для передачи этой идеи в качестве производящих использовались и другие существительные, семантика и особенности употребления которых ассоциировались у авторов новых слов с ситуацией массового общественного беспорядка – см.: *бульон*, *Майдан*, *революция*, *турбулентность* (от *турбулентный* ‘характеризующийся неупорядоченным, хаотическим движением’ (БТС)) и др. Их значения метафорически переосмыслены в составе композитов *COVID-бульон*, *коронавирус-майдан*, *коронатурбулентность*. См., напр.: *Washington Post* пишет о возможном голоде, напоминая результаты эпидемии 1918 г.; об этом же говорит *The Guardian*, добавляя в *Covid-бульон* еще и безработицу...²⁰; **Корона-революция**: *офисный планктон дрейфует на дом. Однако многомесячный опыт карантина... может полностью перевернуть представления об офисной работе*²¹.

Сема (11) ‘**отсутствие здравого смысла**’ наиболее отчетливо проявляется в композитах и составных номинациях, включающих слова *абсурд*, *глупость*, *маразм* (перен. о глупости, абсурдности чего-л.): *ковидоабсурд*, *коронаглупость*, *карантинобесные глупости*, *коронамаразм* (ТП 4.3). Эти окказионализмы передают в довольно экспрессивной форме (см. также *коронадурка* с арготическим словом в составе) неприятие ситуации с пандемией, характерное, скорее, для ковид-диссидентства. Эта же идея в некоторых контекстах выражалась и соответствующими узуальными лексемами, самым популярным из которых было, пожалуй, слово *идиотизм*. Например: *Зачем нам нащупывать сценарии будущего, когда нам надо просто остановить этот идиотизм сейчас и жить дальше, так, как это было еще месяц назад... Боимся умереть от коронавируса и не боимся коронадурки*²². Оно же, наряду с однокоренными *идиот* и *идиотство*, вошло в состав многочисленных образований, негативно характеризующих особенности поведения людей в период пандемии (*ковид-идиотизм*, *корона-идиотизм*, *ковидиотство* и др.), а также самих лиц, отличающихся неадекватным, безрассудным поведением с пози-

¹⁹ Континенталисть. 2020, 18 мая.

²⁰ Континенталисть. 2020, 27 апреля.

²¹ Newsbot.press. 2020, 16 марта.

²² Russia24.pro. 2020, 18 апреля.

ции говорящего (*ковидоидиоты, коронаидиоты, ковидоидиёты* и самое распространенное, интернациональное *ковидиоты* (< англ. *covidiot*).

Встречаются и менее экспрессивные обозначения, содержащие рассматриваемую сему, – напр. слово *карантинологика*, иронично обозначающее отсутствие того, что выражено одним из производящих слов (*логика*). Неожиданная сочетаемость производящих основ в этом окказионализме, тем не менее, оказалась возможной: так передается восприятие непоследовательного, противоречивого характера ряда мер, введенных в марте 2020 года в связи с пандемией.

В то же время в отсутствии здравого смысла, если вспомнить ситуацию введения режима ограничения весной 2020 года, обвиняли нередко самих ковид-диссидентов, антимасочников и других ковид-скептиков, подвергающих и себя, и окружающих смертельной опасности из-за отказа выполнять элементарные эпидтребования. Окказионализм *антикорона-безумцы* ‘о корона-скептиках’ относится именно к этому, направленному против ковид-диссидентства дискурсу. Следует отметить также, что словом *ковидиоты* обозначали представителей обоих противоположных «лагерей» того времени: и тех, кто послушно выполнял все необходимые в условиях пандемии меры защиты и поддерживал режим ограничений, и тех, кто отказывался следовать любым требованиям борьбы с коронавирусной инфекцией. То есть слово оказалось в лексиконе и ковид-диссидентов, и ковид-верующих.

Сему (12) ‘**неопределенность**’ мы выделили в таких новообразованиях, как *недокарантин, полукарантин* (ТП 4.1), *карантин-качели, ковид-неопределенность* (ТП 4.3), *недоковид* и *недокоронавирус* ‘о болезни, не подтвержденной тестом’ (ТП 1.2). Эта же сема реализуется в развернутых номинациях *антиковидно-кризисная неопределенность* и *недокарантинные меры* (ТП 4.1). Средствами выражения семы являются: префикс *недо-* (в составе слова *недокарантин* он подчеркивает идею о том, что введенный в связи с пандемией режим ограничений, получивший неофициальное название *карантин*, по сути таковым не являлся, что широко обсуждалось в период с марта по июнь 2020 года); префиксоид *полу-* (выражают ту же идею – см. *полукарантин*); производящие слова (в составе композитов) – *качели* (*перен.* – о каком-л. неустойчивом жизненном положении или нестабильной, меняющейся ситуации), и *неопределенность* (название самой семы). Среди игровых номинаций выделяются *карантикулы* и *короникулы* – гибридный характер этих слов изоморфен обозначаемому, а именно гибриднему характеру режима самоизоляции, сочетающего и карантинные меры, и отдых наподобие каникул. См. также: *карантин-который-некарантин, гибридный карантин*.

Можно заметить, что в номинациях, реализующих данную смысловую доминанту, отсутствует резкая негативная оценочность, речевая агрессия, что присуще новообразованиям некоторых рассмотренных выше групп (например, с семами 1, 3). И даже номинация *режим ХЗ* (о том же периоде ограничений) воспринимается как остроумная шутка, включающая аббревиатуру – «эмблему воинствующего агностицизма»²³, в сетевой культуре давно уже ставшую мемом.

²³ Пелевин В.О. Числа. СПб. : Азбука, 2017. С. 30.

Заключение

Для завершающих выводов значение имеет как сам состав выявленных сем (все они отражают реакцию неприятия ситуации, ее интерпретацию и оценку с позиции отрицания), так и данные о самых частотных семантических доминантах, позволяющие представить, какие настроения преобладали в российском обществе в ковидный период. Однако не следует исключать, что негативные идеи и эмоции, отразившиеся и в «ковид»-лексике, отчасти вызывали и поддерживали сами СМИ, обычной практикой которых в последние десятилетия стало, к сожалению, пристальное внимание именно к плохим новостям, их муссирование и тиражирование. В случае с ковидом плохие новости были обеспечены представителям СМИ ежедневно. В то же время среди многочисленных тревожных, пугающих и нередко противоречивых сообщений выделялся позитивный дискурс – здоровый народный юмор, проявившийся в том числе во множестве шуточных, остроумных номинаций, отражающих новые реалии и условия жизни человека (*безЗУМие, тележка апокалипсиса, набор паникера* и др.).

В целом проведенное исследование выявляет специфику функционирования языка в кризисный период в жизни общества. С одной стороны, актуализируется процесс номинирования наиболее актуальных понятий и реалий, заметен рост как узуальных, так и окказиональных новообразований; с другой – активизируется интерпретирующая функция языка, отвечающая за осмысление и осознание происходящего. В потоке лексических новаций выражаемые ими наиболее актуальные смыслы становятся способом, формой языкового кодирования действительности. Поскольку этот процесс имеет национальную специфику, в дальнейшем представляется целесообразным определить состав сквозных семантических доминант на материале новых слов других языков, а также сопоставить полученные результаты с результатами подобных исследований, проведенных по итогам неологического процесса последующего периода – периода вакцинации и жизни по QR-коду.

Список литературы

- Балашова Л.В.* Милитарная метафора как способ формирования концепта COVID-19 в речи В.В. Путина // Коммуникативные исследования. Тематический выпуск. Язык и коммуникация. 2020. Т. 7. № 4. С. 777–800. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(4\).777-800](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(4).777-800)
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Словарь русских политических метафор. М. : Помовский и партнеры, 1994. 330 с.
- Геккина Е.Н., Кожневников А.Ю.* Тенденции лексического обновления в отражении «коронавирусных» слов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 3. С. 95–108. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-3-102-7>
- Громенко Е.С., Павлова А.С., Приёмшьева М.Н.* О «ковидно-коронавирусных» процессах в русском языке 2020 года // *Studia Slavica Hung.* 2020. № 65 (1). <https://doi.org/10.1556/0602020.0005>
- Дяглева И.Б.* Исторические параллели : от холеры XXI века к коронабесию // Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М.Н. Приёмшьева. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. С. 307–321.
- Зеленин А.В., Буцева Т.Н.* Лексико-семантические и словообразовательные особенности наименований лиц в период пандемии коронавируса // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. № 1. С. 74–85. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-1-74-85>

- Козловская Н.В. Военная метафора в медиадискурсе коронавирусной эпохи : от слова к тексту // Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М.Н. Приёмывшева. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. С. 224–234.
- Козырев В.А., Черняк В.Д. Пандемийный год : ракурсы картины мира в зеркале словаря // Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М.Н. Приёмывшева. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. С. 214–223.
- Маринова Е.В. «Ковид»-лексика как микросистема и особенности ее состава (семантико-структурный аспект процесса номинации) // Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М.Н. Приёмывшева. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. С. 322–337.
- Маринова Е.В. Язык Рунета в Сети и за ее пределами : от вербализации ключевых идей интернет-пространства до обновления художественного дискурса. М. : Ленанд, 2022. 304 с.
- Минеева З.И. Неодериваты в русском языке эпохи пандемии // Новые слова и словари новых слов 2020 : сборник научных статей / отв. ред. Н.В. Козловская. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. С. 166–176.
- Поляков Д.К. Чешские коронавирусные неологизмы на фоне русских : номинативный и словообразовательный аспекты // Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М.Н. Приёмывшева. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. С. 508–523.
- Ридецкая Ю.С. Суффиксоиды пандемийного времени : семантика, переходные морфемные явления // Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М.Н. Приёмывшева. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. С. 378–387.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : УрГПУ, 2001. 238 с.
- Янурик С. Неологизмы коронавирусной эпохи в русском и венгерском языках (сопоставительный аспект) // Новые слова и словари новых слов 2020 : сборник научных статей / отв. ред. Н.В. Козловская. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. С. 210–219.
- Alyeksyeyeva L.O., Chaiuk T.A., Galitska E.A. Coronaspeak as a key to coronaculture: studying new cultural through neologisms // International Journal of English Linguistic. 2020. Vol. 10. No 6. Pp. 202–212. <https://doi.org/10.5539/ijel.v10n6p202>
- Belhaj S. La pandémie Covid-19 et l'émergence d'un nouveau technoloect // Revue Langues, cultures et sociétés. 2020. Vol. 6. No. 1. Pp. 28–38. <https://doi.org/10.48384/IMIST.PRSM/lcs-v6i1.21528>
- Cierpich-Kozieł A. Koronarzewczość – o nowych złożeniach z członem korona- w dobie pandemii // Język Polski. 2020. No. 7. S. 102–117. <https://doi.org/10.31286/JP.100.4.7>
- Flusberg S.J., Matlock T., Thibodeau P.H. War metaphors in public discourse // Metaphor and Symbol. 2018. Vol. 33. Issue 1. Pp. 1–18. <https://doi.org/10.1080/10926488.2018.1407992>
- Kosmalska W. Język w czasie epidemii, epidemia w języku // Polonistyka. Innowacje. 2020. No. 12. S. 209–220. <https://doi.org/10.14746/pi.2020.12.13>
- Kuligowska K. Język w czasie zarazy. O wliwie pandemii na system leksikalny języka polskiego i rosyjskiego // Acta Polono-Ruthenica. 2020. No. XXV/3. S. 109–125. <https://doi.org/10.31648/apr.5893>
- Wolfer S., Koplening A., Michaelis F., Müller-Spitzer C. Tracking and analyzing recent development in German-language online press in the face of the coronavirus crisis // International Journal of Corpus Linguistics. 2020. No. 25. Pp. 347–359. <https://doi.org/10.1075/ijcl.20078.wol>

Сведения об авторе:

Маринова Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра преподавания русского языка как родного и иностранного, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, Российская Федерация, 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а. *Сфера научных интересов:* социолингвистика, неология, теория языковых изменений, лексикология и лексикография. Автор более 250 научных работ. ORCID: 0000-0003-3860-5606. E-mail: marinova@list.ru

Semantic dominants of 2020 neologisms as a means of coding reality in the Russian language

Elena V. Marinova

*Linguistics University of Nizhny Novgorod,
31A Minina St, Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation*

✉ marinova@list.ru

Abstract. The relevance of the research is explained by the insufficient studying of the phenomenon of repeating semes in neologisms of a certain time period in the aspect of the interpretative function of language. The purpose of the study is to analyze the semes in the semantic structure of the neologisms of the coronavirus era and to characterize the part of linguistic worldview in the crisis period. The research material included occasional words recorded in Russian media and thematically connected with one theme – the 2020 pandemic. The source of the research is “The Dictionary of Russian Language of Coronavirus Epoch.” The research was conducted within the framework of sociolinguistics with the method of componential analysis of semantics, word-building and context analyzes. In the process of the research, the thematic subgroups were identified; in each subgroup, the occasional nominations were revealed; the means of evaluation were determined (some productive bases – for compounds; word-building formants – for affixal derivatives), and a general interpretive seme was determined (based on the contextual meaning). Finally, the total number of the words connected with a semantic dominant was determined. These data are presented in the summary table which demonstrates the percentage of representation, and hence the degree of significance of each dominant in the process of language coding of reality. As a result of the study, the semantic dominants uniting the occasional words of different authors and demonstrating the typical assessments of COVID-19 are revealed; the degree of frequency of semantic dominants is determined. The novelty of the research is explained by the specifics of the conducted semantic analysis: for the first time, common semes reflecting the peculiarities of the emotional and mental state of the society are revealed on a significant homogeneous array of word-building derivatives.

Keywords: mass word creation, semantic dominants, neologisms, interpretive function, language, language coding, linguistic worldview, crisis period, Russian language

Article history: received 16.01.2022; accepted 18.04.2022.

For citation: Marinova, E.V. (2022). Semantic dominants of 2020 neologisms as a means of coding reality in the Russian language. *Russian Language Studies*, 20(4), 449–466. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-449-466>

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
CULTURAL LINGUISTICS:
THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4-467-482

Научная статья

**Изменение семантики слова «дом»
в русском языке первых десятилетий XX века**

В.В. Шмелькова^{ID}, Е.В. Макарова^{ID}

*Пензенский государственный университет,
Российская Федерация, 440026, Пенза, ул. Красная, д. 40*

 makelvita@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью выявления изменений в семантике слова «дом» в языковом сознании общества, связанных с историческими, культурными, социально-политическими и экономическими преобразованиями. Описываются и анализируются изменения в семантике слова «дом» в языковом сознании общества Советской России и русского зарубежья в первые три десятилетия XX века. Цель исследования заключается в раскрытии семантики слова «дом» в первые три десятилетия XX века посредством анализа текстов художественных произведений писателей этого времени. Для достижения поставленной цели использовалась комплексная методика анализа лексического материала, включающая описательный метод, основанный на анализе словарных дефиниций, метод лингвостилистического анализа текстов художественной литературы. Материалом послужили статьи, содержащие определения слов «дом», «домашний очаг», представленные в основных толковых словарях русского языка XIX–XX веков и словарях новейшего времени, тексты художественной и мемуарной литературы. Новизна представленных материалов состоит в том, что впервые производится анализ изменения семантики слова «дом» с целью сопоставления отдельных участков языковой картины мира носителей русского языка в России и в эмиграции на фоне революции и в первые послереволюционные десятилетия. Языковое отражение такого ключевого понятия, как дом, на стыке двух исторических эпох – дореволюционной и постреволюционной – социально обусловлено и представлено как переломный момент в художественной прозе и мемуарной литературе первой половины XX века. Предполагается, что дальнейшее исследование семантики слова «дом» может быть связано с наблюдением над языком конца XX – начала XXI века.

Ключевые слова: русский язык, лексема дом, домашний очаг, семантические изменения

История статьи: поступила в редакцию 05.03.2022; принята к печати 12.07.2022.

© Шмелькова В.В., Макарова Е.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Шмелькова В.В., Макарова Е.В. Изменение семантики слова «дом» в русском языке первых десятилетий XX века // Русистика. 2022. Т. 20. № 4. С. 467–482. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-467-482>

Введение

Дом и семья – базовые ценности духовной культуры народа и языкового общественного сознания. Перемены в социально-политической жизни неизменно приводят к изменению семантической структуры слова. Как фрагмент языковой картины мира *дом* отражается в языковом сознании общества в форме ассоциаций, формируемых в процессе практической, когнитивной и коммуникативной деятельности носителей языка. Подобные ассоциации проникают в повседневный речевой обиход, отражаются в текстах художественной литературы в виде образов и мотивов. Настоящая работа посвящена исследованию семантических изменений слова *дом* (*домашний очаг*) в русском языке на основе анализа художественных мотивов, отраженных в прозе русских писателей, живших в России и за рубежом, в эмиграции.

Дом занимает важное место в структуре ментально значимых понятий русской лингвокультуры, поскольку соединяет индивидуальное (человек как личность) и общественное (семья, народ), материальное (жилище, быт, собственное пространство) и духовное (радость, любовь, святость, душа). В многообразии своих значений *дом* может как противопоставляться, так и отождествляться с феноменами *мир*, *свои* – *чужие*.

В значении «место жизни человека» *дом* сближается со словом «родина». Отсутствие дома представляет собой семантическую основу понятий *бездомье*, *странничество* и *изгнание*.

Взаимосвязь слов *дом*, *свет*, *тепло*, *уют* наиболее полно отражается в русской художественной литературе конца XIX – начала XX в.

В филологической науке неоднократно исследовались вопросы семантики понятия «дом»: проблема концептуализации «эстетики» быта (Корнейчук, Скнар, 2018), рассматривался образ дома в русской литературе первой половины XX в. (Жулькова, 2019), исследовалась проблема изменения семантики понятия «дом» в аспекте словесного воплощения концепта «дом/родина» в поэзии и прозе русского зарубежья первой волны (Габдуллина, 2004; Polechina, 2012; Морараш, 2017); на материалах русской эмигрантской прессы (Зеленин, 2007), в аспекте семантической трансформации «квартира-дом» в русской литературе 1920–1930-х годов (Кувшинов, 2016). Дом как концепт-артефакт изучался в работах В.А. Масловой¹, история изучения этого концепта представлена в исследованиях Р.М. Потпот (Потпот, 2013). Концепт «Дом» рассматривался в национально-культурном контексте его развития (Соколова, 2008), в смысловой организации Петербургского текста русской литературы (Шурупова, 2010), в индивидуально-авторской картине мира Л.Н. Толстого (Ланская, 2005), М.И. Цветаевой (Фещенко, 2005), А.А. Ахматовой (Базылова, 2009), в прозе А.И. Куприна периода эмиграции как маркер оппозиции «свои-чужие» (Иконникова, 2012).

¹ Маслова А.В. Когнитивная лингвистика : учебное пособие. Минск. : ТетраСистемс, 2004. 256 с.

Актуальность исследования определяется необходимостью выявления изменений в семантике слова *дом* в языковом сознании общества, связанных с историческими, культурными, социально-политическими и экономическими преобразованиями, вызывают необходимость их изучения, описания и всестороннего анализа. В этом свете данное исследование исполняет диагностическую роль, выявляя изменения в семантике слова *дом* в языковом сознании общества Советской России и русского зарубежья в период с 1917 по 30-е годы XX века в сравнении с дореволюционным временем.

Цель исследования заключается в раскрытии семантики слова *дом* в первые три десятилетия XX века посредством анализа текстов художественных произведений писателей этого времени.

Методы и материалы

Материалом для исследования послужили статьи, содержащие определения слов *дом*, *домашний очаг*, представленные в основных толковых словарях русского языка В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, в лингвоэнциклопедическом словаре «Язык старой Москвы» В.С. Елистратова, в «Толковом словаре языка Совдепии» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, тексты художественной (Л.Н. Толстой, А.Н. Толстой, И.А. Бунин, А.И. Куприн, И.С. Шмелев, М.А. Булгаков, Б.Л. Пастернак, М.А. Алданов, Г. Газданов) и мемуарной литературы (А.Б. Мариенгоф, И.В. Одоевцева, Л.Е. Белозерская-Булгакова).

Для решения поставленных задач использовалась комплексная методика анализа лексического материала, включающая описательный метод, основанный на анализе словарных дефиниций, метод лингвистического анализа художественного текста.

Результаты

Исследование дефиниций основных толковых словарей В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, новейших словарей В.С. Елистратова, В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной позволило установить, что слово *дом* претерпело значительные семантические и лингвокультурные изменения в период общественно-политических потрясений в России в первые три десятилетия XX века. *Дом* был ключевым понятием для русской ментальности дореволюционного времени. Семантика этого слова включала следующие значения: *жилище, замкнутое пространство, огражденное от внешнего мира, защищенное убежище, родина, центр семейного очага, тепла, комфорта и красоты; династия, торговое предприятие, увеселительное учреждение, благотворительная организация, учреждение предпринимательства.*

В 1920–1930-е годы в слове *дом* существенно ослабло значение домашнего очага, оплота семейственности, к которому человек эмоционально привязан. Из языковой картины мира того времени исчезли ассоциации дома с теплом и светом, уютом, благополучием, красотой и постоянством. На языковую и культурную периферию были вытеснены следующие значения слова *дом*: обозначение правящей династии, торговых предприятий, увесели-

тельных учреждений, благотворительных организаций и учреждений предпринимательства, утрачивается ассоциативная связь дом – храм.

После 1917 года исследуемое понятие разделяется на частные составляющие: культурно-просветительские учреждения, органы самоуправления, места постоянного пребывания определенных социальных групп. Лексема *дом* архаизировалась, ей на смену пришли новые бытовые понятия революционной эпохи: «жилплощадь», «квартира», «уплотнение», «самоуплотнение».

Напротив, в русском зарубежье активно продолжали функционировать утраченные в речевой практике Советской России значения слова *дом*, его ассоциативно-эмотивная составляющая усиливалась в связи с изгнанием и вынужденным проживанием вдали от родины. В лексическом значении слова *дом* в речевой практике русского зарубежья на переднем плане оказались следующие ассоциации: *отсутствие дома, бездомье, семья, страна, религия, история, возрождение России*.

В художественной литературе русского зарубежья идея чистоты домашнего очага, актуализируемая белым цветом как символом аккуратности, уюта и красоты внешней и внутренней, преумножает свою значимость на фоне беспорядка во внешнем мире и бытовой необустроенности. При вербализации понятия дом в художественной литературе русского зарубежья световые ассоциации не теряют своей значимости: *лампа, светильник, горящие свечи, пылающий камин* противопоставляются *мраку и неизвестности* внешнего мира. *Закрытые окна, запертые двери и каменные стены* выступают символами защиты от враждебной действительности на чужбине и потери связи с Родиной.

В описании дома дореволюционного времени центральной становится идея благополучия, реализуемая следующими символами: *белоснежная скатерть, круглая, затянутая атласом гостиная, дружеская беседа, праздничное застолье, рождественская елка*; идея преемственности поколений, поддержанная такими символами, как *старинные часы, изразцовая печь, самовар, абажур, шкафы с книгами, семейные портреты*. При этом писатели-эмигранты были склонны к ностальгическому репродуцированию культурно-бытовых явлений царской эпохи.

Обсуждение

Являясь одним из базовых ментальных понятий, *дом* неразрывно связан и с другими константами русской культуры с положительной семантикой: *семья, любовь, радость и счастье, тепло и свет, душа и святость* (Воробьев, 2008; Маслова, Данич, 2021; Исаева, Васильева, 2021; Дмитриева, Чулкина, 2022; Wierzbiska, 1992). Дом неотделим от таких значимых социокультурных оппозиций как *внешнее и внутреннее, свои и чужие* (Степанов, 2001; Shacklein, 2013; Шаклеин и др., 2017; Schiffer & Steel, 1988; Jackendoff, 1993).

В толковых словарях Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой *дом* определяется как свое жилье, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство; место, где живут люди, объединенные общими интересами².

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : ООО «А ТЕМП», 2016. С. 167.

В таком понимании слово *дом* тесно связано со словосочетанием *домашний очаг*, под которым подразумевается «родной дом, семья»³. В лингвокультурологии *дом* рассматривается как внутреннее, обжитое человеком пространство, как двойник человека, как организующий центр мира. Пространство дома может расширяться до размеров города, страны⁴. Традиционно в русской культуре *дом* непосредственным образом был связан с понятиями *святость, храм*.

В художественной литературе второй половины XIX века описание дома представлено следующим образом:

• *Система устойчивых межличностных взаимоотношений*: «Когда я стараюсь вспомнить матушку, ...мне представляются только ее карие глаза, выражающие всегда одинаковую доброту и любовь»⁵.

• *Семейные традиции*: «В церкви никого, кроме мужиков и дворников и их баб, не было. Но Дарья Александровна видела, или ей казалось, что видела, восхищение, возбуждаемое ее детьми и ею»⁶.

• *Просторное и уютное жилое пространство*: «Дом был большой, старинный, и Левин хотя жил один, но топил и занимал весь дом»⁷.

• *Благополучный быт, его эстетизация*: «В углу столовой на четырехугольном столе, покрытом чистой белой скатертью, уже находились... небольшие образа»⁸.

• *Незыблемые нравственные ценности, преемственность поколений*: «Детское чувство безусловного уважения ко всем старшим, и в особенности к папа, было так сильно во мне»⁹.

Идея чистоты домашнего очага подчеркивается белым цветом как символом аккуратности, уюта и красоты внешней и внутренней. Понятие *дом* вербализуется в литературе этого периода и световыми ассоциациями: *лампа, светильник, горящие свечи, пылающий камин*. Огонь и свет – важнейшие символы уюта домашнего очага, олицетворяющие душу его обитателей, божественное начало в человеке, саму жизнь. Окно символизирует связь мира внутреннего и внешнего.

Наполнены ностальгическим любованием описанием дома в ранней прозе И.А. Бунина: «Войдешь в дом, и прежде всего услышишь запах яблок, а потом уже другие: старой мебели красного дерева, сушеного липового цвета... Во всех комнатах... прохладно и сумрачно...Всюду тишина и чистота» (Антоновские яблоки), но при этом ключевые лексемы меняются: *тепло – прохлада, свет – сумрак*. В русской художественной литературе начала XX века (до 1917 г.) традиционно положительный образ дома как символа благополучия дополняется тревожными штрихами грядущего разрушения и разорения: «Князь Шеин... едва сводил концы с концами. Огромное родовое име-

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка... С. 167.

⁴ Маслова А.В. Когнитивная лингвистика... С. 235.

⁵ Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. М. : Детская литература, 2020. С. 21.

⁶ Толстой Л.Н. Анна Каренина. М. : Дрофа: Вече, 2002.

⁷ Там же. С. 217.

⁸ Тургенев И.С. Дворянское гнездо. М. : АСТ, 2018. С. 79.

⁹ Толстой Л.Н. Детство. Отрочество... С. 193.

ние было почти совсем расстроено.., а жить приходилось выше средств: делать приемы, благотворить, хорошо одеваться»¹⁰.

Образ цветущего вишневого сада в пьесе А.П. Чехова парадоксально символизирует грядущую утрату дома и дезориентацию личности в эпоху перемен. Судьба вишневого сада как символа дома предкризисного времени ассоциативно связана с судьбой как отдельных личностей, так и всей страны, что станет центральной проблемой в раскрытии образа дома в русской художественной литературе XX века.

Святость дома наполняет даже простые будничные занятия, направленные на поддержание чистоты и уюта домашнего очага духовным смыслом (Шкуран, 2019). Подобная ритуализация семейно-бытового уклада любое будничное действие, даже уборку, превращает в праздник для домочадцев: «Белят ризы на образах ... Вешают на окна свежие накрахмаленные шторы, подтягивают пышными сборками, – и это напоминает чистый, морозный снег... Зеркально блестят паркетные полы, пахнущие мастикой с медовым воском, – запахом Праздника»¹¹. Восприятие родного дома как святого пространства вербализуется лексемами с общей семантикой «чистота»: *чистый, зеркально блестеть, белишь, морозный снег*. Ассоциации с запахом медового воска, традиционно связанного с церковными свечами, объединяет в сознании понятия «дом» и «храм», отождествляя их. Семья, духовность, родная земля – основа традиционного дореволюционного дома.

Триединство дома, семьи и родной страны ярко представлено в повести А.Н. Толстого «Детство Никиты», которая продолжает традиции русской классической литературы и перекликается с циклом «Детство», «Отрочество», «Юность» Л.Н. Толстого: повествование, в центре которого традиционная усадьба помещиков, ведется от лица ребенка – мальчика девяти лет. Дом в этом произведении дуален: разделен на зимнюю половину – колыбель уюта, тепла, покоя, родительской защиты, радостей дружбы и нежной детской любви – и летнюю половину – загадочную цитадель пространства и времени, над которыми главный герой не властен. В наполненной радостью зимней половине предметы и вещи живут жизнью Никиты, перемещаясь и изменяясь вместе с ним. Напротив, «старый дом» (летняя половина) статичен, постоянен, независим от внешних условий, и оттого кажется Никите чужим и зловещим. Предметы внутреннего убранства этой части символически представляют вечность и беспристрастность времени (часы с маятником), преемственность поколений (бронзовая вазочка, таинственные портреты). Эти противоположные миры – две половины родительского дома Никиты, символизирующие прошлое и настоящее – неправильно было бы считать параллельными, их объединяют сами домочадцы: родители Никиты, его учитель, прислуга, дворовые ребята, даже домашние животные – семья главного героя, его мир.

Особый интерес в повести представляет пространственно-временное взаимодействие символов дома: летняя половина – безучастное прошлое, зимняя половина – радужное настоящее, город – тревожное враждебное будущее.

¹⁰ Куприн А.И. Гранатовый браслет. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. С. 6.

¹¹ Шмелев И.С. Лето Господне. М. : АСТ, 2019. С. 282.

Зимний дом – дворец радужного настоящего. Все в нем ассоциируется с праздником Рождества: чемодан «интересных вещей», таящий в себе чудеса: «листы золотой бумаги, гладкой и с тиснением, листы серебряной, синей, зеленой и оранжевой бумаги, бристолевский картон, коробочки со свечками, с елочными подсвечниками, с золотыми рыбками и петушками, коробку с дутыми стеклянными шариками... коробку с хлопучками, пучки золотой и серебряной канители, фонарики с цветными слюдяными окошечками и большую звезду»¹². Перечисление красочных разностей и лексический повтор традиционных цветосимволов святости – «золотой» и «серебряный» – усиливает ощущение радостного предчувствия и создает образ дома как сакрального пространства. Из всех этих чудесных мелочей домашние мастерят свой праздник, они – создатели личного счастья, активные творцы радостей своей жизни вне пространства и времени. Рождественские приготовления олицетворяют связь поколений через сохранение и передачу традиций.

Главный рождественский символ дома – елка – объединяет вокруг себя домочадцев, приносит радость всем: «В гостиной от пола до потолка сияла елка множеством, множеством свечей. Она стояла, как огненное дерево, переливаясь золотом, искрами, длинными лучами. Свет от нее шел густой, теплый, пахнувший хвоей, воском, мандаринами, медовыми пряниками»¹³. Свет – важный символ радости и счастья в русской культуре, олицетворение самой жизни – становится в этом описании осязаемым и наделяется свойствами конкретный природных и бытовых объектов: леса (густота, запах хвои), сладкими запахами мандаринов и меда. Лексема *свет* определяется эпитетами, связанными с теплом и уютом: «Теплый уютный свет лился из окон дома, из столовой»¹⁴.

Важное значение в повествовании имеет символика цвета в природе: белый, лунный свет, ассоциируемый с чистотой и поддерживающий ощущение таинственности и волшебства: «Деревья на плотине и в саду стояли огромные и белые и, казалось, выросли, вытянулись под лунным светом»¹⁵. Небесный свод с мерцающими звездами также пробуждает в мальчишке ассоциации с домом, расширяя его пространство до огромных масштабов: «Разостлался светящимся туманом Млечный Путь. На возу, как в колыбели, Никита плыл под звездами, покойно глядел на далекие миры. <...> Все это – мое, думал он, – когда-нибудь сяду воздушный корабль и улечу»¹⁶. Весь мир представлен как безграничный уютный дом, природные просторы родной страны – наполненная спокойствием колыбель для ребенка.

Как уютная, теплая, светлая зимняя половина дома выступает в оппозиции к беспристрастной, наполненной тайнами, будничной летней, так и раздольная деревня с ее торжеством природных сил и бескрайним звездным небом противопоставляется суевому городу: «Так начался первый день новой жизни. Вместо спокойного, радостного деревенского раздолья – семь

¹² Толстой А.Н. Детство Никиты. М. : Омега, 2020. С. 43–44.

¹³ Там же. С. 53.

¹⁴ Там же. С. 164.

¹⁵ Там же. С. 56.

¹⁶ Там же. С. 164

тесноватых, необжитых комнат, за окном – громыхающие по булыжнику ломовики. <...> Суета, шум, взволнованные разговоры. Даже часы шли здесь иначе, – летели»¹⁷, Дом, до этого вмещавший весь мир, и землю, и небо, теперь сузился до семи тесных комнат.

Дом в повести «Детство Никиты» А.Н. Толстого обладает не только пространственными характеристиками, но и временными: летняя половина деревенского дома – непостижимое неизменное прошлое, зимняя – счастливое настоящее, городской дом – тревожное будущее.

Общественно-политические события революционных и постреволюционных десятилетий привели к изменению семантики слова «дом»: *дом* утратил свое значение домашнего очага, личного пространства, к которому человек эмоционально привязан. Из языковой картины мира того времени исчезли ассоциации дома с теплом и светом, уютом, благополучием, духовностью и святостью. На языковую и культурную периферию были вытеснены следующие группы семантических моделей понятия *дом*: обозначение правящей династии (дом Рюриковичей, дом Романовых), торговых предприятий (торговый дом, банкирский дом, дом купцов Елисеевых), увеселительных учреждений (питейный дом, картежный дом, игорный дом), благотворительных организаций (сиротский дом, странноприимный дом, дом призрения), и учреждений предпринимательства (доходный дом) (Елистратов, 1997), утрачивается ассоциативная связь дом – храм.

После 1917 года исследуемое понятие разделяется на частные составляющие: культурно-просветительские учреждения, органы самоуправления, места постоянного пребывания определенных социальных групп. Лексема *дом* архаизировалась, ей на смену пришли новые бытовые понятия революционной эпохи: «жилплощадь», «квартира», «уплотнение», «самоуплотнение». Появляются новые значения слова *дом*: здание, строение, предназначенное для размещения различных учреждений, часто профессионального типа (*дом архитектора, дом литератора, дом композиторов, дом инженера и техника*), воспитательное государственное учреждение (*детдом, дом пионеров, дом детского творчества*), государственное учреждение культурно-просветительского характера и здание, в котором оно располагается (*дом боевой и трудовой славы, дом политпросвещения, дом народного творчества*). Патетически слово «дом» для номинации крупных учреждений, занимавших обширные здания часто заменяла лексема «дворец»: *дворец бракосочетаний, дворец культуры, дворец пионеров, дворец молодежи, дворец труда, дворец профсоюзов, дворец здоровья, дворец книги* (библиотека), *ледовый дворец* (спортивный комплекс с крытой ледяной площадкой), *подземный дворец* (подземный вестибюль станции метрополитена).

Семантическим изменениям подверглась и лексика, ассоциативно связанная с понятием *дом*:

- места – провинциальные пункты, провинция;
- хозяйчик (вместо дореволюционного «хозяин») – частный владелец, кулак. Основное значение слова *хозяин* (собственник, владелец) уходит на периферию. После революции эта лексема употребляется метафорически

¹⁷ Толстой А.Н. Детство Никиты... С. 170.

для патетического наименования советского человека: «подлинный хозяин своей страны»¹⁸;

– уголок – место отдыха. Цветовая ассоциация понятия *дом* с белым цветом, символизирующим свет, заменилась в языковом сознании на красный, который теперь обозначал «относящийся к революционной деятельности, к советскому социалистическому строю: *красный угол (уголок)* – помещение, предназначенное для проведения пропагандистской и культурно-просветительской деятельности»¹⁹. Синонимичными можно считать сочетания *Ленинский уголок* (Ленинская комната, ленкомната), пионерский уголок, уголок боевой славы;

– слово «очаг», ранее входившее с семантическое поле «дом», утрачивает связь с этим понятием, на передний план выходят следующие значения: источник распространения чего-либо, центр, средоточие (*очаг культуры, очаг здравоохранения*).

С радикальной сменой социально-политического устройства в России коренным образом трансформируется семантика слова *дом*: архаизируется лексика из семантических полей «бытовое устройство» (*помпадур*²⁰, *дульет*²¹, *чайная*, и др.), «питание» (*калья, антре, обед для разных*²² и пр.). Истолкование понятия *дом* как личного пространства нивелируется, индивидуальное вытесняется общественным. Отныне для обозначения жилища используются лексемы квартира, жилплощадь, коммуналка. Словами дом, дворец обозначают общественные учреждения. Обобществление собственности ведет к утрате личного в пользу общественного в семантике понятия *дом*. Исчезает семантическое поле «дом – храм», «дом – воплощение самого человека».

Изменение роли и места понятия *дом* в языковой картине мира революционного времени иллюстрирует мемуарная проза. А.Б. Мариенгоф об изменившемся в революционные годы домашнем укладе отзывался иронично: «Когда садились за стихи, запирали комнату... и с видом преступников ставили на стол грелку. Радовались, что в чернильнице у нас не замерзали чернила и писать можно было без перчаток»²³. Дом как домашний очаг вытесняется из сознания, мир сужается до размеров комнаты, больше похожей на тюремную камеру. Будничные действия по наполнению дома теплом становятся преступными в новое революционное время. Лишенные базовых атрибутов уюта – тепла и света, – жильцы чувствуют себя заключенными. Радости теперь другие, более приземленные и отвечающие базовым человеческим потребностям: перчатки, грелка. Однако и они оказались вне закона: «Электрическими грелками строго-настрого было запрещено пользоваться,

¹⁸ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. С. 641.

¹⁹ Там же. С. 664.

²⁰ Елистратов В.С. Язык старой Москвы : лингвоэнциклопедический словарь. М. : Русские словари, 1997. С. 396.

²¹ Там же. С. 153.

²² Там же. С. 330.

²³ Мариенгоф А.Б. Бессмертная трилогия. М. : Вагриус, 2006. С. 41.

и мы совершали преступление против революции»²⁴. Страх, тревога, ожидание неизбежного возмездия и мрачные предчувствия прочно укореняются в общественном сознании: «Тайна электрической грелки была раскрыта... Часами обсуждали – какие кары обрушит революционная законность на наши головы. По ночам снилась Лубянка, следовательно с ястребиными глазами, черная железная решетка»²⁵. Лексика с общей семантикой «правонарушение» доминирует в описании дома в прозе А.Б. Мариенгофа (*преступление, следовательно, амнистировать, Лубянка, решетка*). Святость покидает то, что раньше называлось домом, а отныне именуется жилплощадью. Духовным приходится жертвовать в пользу материального (топить печь книгами), чистота отныне не является приоритетом, предметы гигиены меняют свое функциональное назначение: «Ванну мы закрыли матрасом – ложе; умывальник досками – письменный стол; колонку для согревания воды топили книгами». И если олицетворение дореволюционного дома – лад и мир, то в революционную эпоху синонимом жилья становятся вражда и борьба: «приходилось зубами и тяжелым замком отстаивать открытую нами «ванну обетованную»... «ванны обетованной» мы все-таки не отстояли. Пришлось отступить в ледяные просторы нашей комнаты»²⁶.

Подобное гротескное описание жилища революционного образца ярко иллюстрирует все изменения, произошедшие за короткое время в быту и сознании. Дом как ментальное понятие, обозначающее личную собственность, семейно-бытовой уклад, систему межличностного взаимодействия людей с общими интересами, исчезает из языковой картины мира, ему на смену приходит «жилплощадь», в которой индивидуальное обобществляется.

О кощунственном жертвоприношении книг на алтарь домашнего тепла вспоминает и И.В. Одоевцева: «кое-как отогрев Мандельштама и напоив его чаем, на что потребовалось спалить два тома какого-то классика, повел его в Дом искусств искать пристанища»²⁷. Бытовая необустроенность приводит к обесцениванию образцов классической литературы, а вместе с ней и традиционной русской духовности.

Новые «пристанища» кажутся своим «обитателям» нереальными, страшной сказкой: «Холод волчий. Окно все в узорах, заледенело, ничего сквозь не видно. Я подышал на стекло и стал смотреть в оттаявшую дырку на серое небо, на белый снег и черные деревья. Как, помните, у Андерсена Кай в сказке «Снежная королева»²⁸. Старый мир исчез, новый скрыт за покрытым инеем окном, туманно не только будущее, но и настоящее. Мрачные изменения отражены и в символике цвета: небо более не голубое, ясное, чистое, а серое, черный в описании деревьев рождает мрачные ощущения. И только снег остается белым, как и в старые времена, но теперь уже не ассоциируется с чистотой, а скорее с холодом и безразличием.

²⁴ Мариенгоф А.Б. Бессмертная трилогия... С. 42.

²⁵ Там же. С. 53.

²⁶ Там же. С. 55.

²⁷ Одоевцева И.В. На берегах Невы : литературные мемуары. М. : Художественная литература, 1988. С. 121.

²⁸ Там же. С. 215.

Как и А.Б. Мариенгоф, И.В. Одоевцева в своих воспоминаниях подробно описывает такую реалию революционной жизни как уплотнение и сопутствующую ему вражду между соседями, подчеркнув при этом, что подобная трансформация дома в разных городах была неодинакова: «Лето 1921 года. Москва. Я гощу у брата и, как здесь полагается, живу с ним и его женой в одной комнате, в «уплотненной» квартире на Басманной. У нас в Петербурге ни о каких «жилплощадях» и «уплотнениях» и речи нет. <...> Здесь же в квартире из шести комнат двадцать один жилец – всех возрастов и всех полов – живут в тесноте и обиде»²⁹.

Лексема *дом* заменяется словом *пристанище* и в мемуарной прозе Л.Е. Белозерской-Булгаковой: «Теперь, в 1924 году, я решила направиться к ней и спросить, не поможет ли она нам в поисках пристанища»³⁰. При этом Л.Е. Белозерская-Булгакова одна из немногих авторов, оставивших воспоминания о жизни в России в революционные годы, продолжает при описании жилья использовать слова «дом» и «очаг»: счастливая семейная жизнь помогает сохранить в сознании эти значимые для личности понятия: «Дом свой мы зовем голубятней. Это наш первый совместный очаг»³¹. Несмотря на бытовые трудности, автору удается в условиях резкой трансформации окружающей действительности создать новый, пусть и весьма скромный домашний очаг, поддерживать в нем уют и перенести в революционный быт атрибуты прежнего благополучного образа жизни – абажур, рояль, музыку, песни и танцы, дружескую беседу: «По вечерам все сходились в гостиной. Уютно под абажуром горела керосиновая лампа – электричества не было. Здесь центром служил рояль, за который садилась хорошая музыкантша Женя или композитор Николай Иванович Сизов»³².

В доме переломного времени традиционное соседствует с новым и злободневным: неизменные атрибуты царского интерьера – предметы искусства – по-прежнему украшают дом, но предстают уже с революционным содержанием: «У нас осталась только подаренная им (С. Топлениновым) картина маслом, подписанная: «Софоново, 17 г.». это натюрморт, оформленный в темных рембрандтовских тонах, а по содержанию сильно революционный: на почетном месте, в серебряной вазе, – картошка, на переднем плане, на куске бархата, – луковица; рядом с яблоками соседствует репа»³³. Порой гротескные, наивные и смешные, эти элементы новой социальной реальности все же привносят в дом уют.

В относящихся к революционным событиям эпизодах романов «Белая гвардия» М.А. Булгакова, «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака, «Самоубийство» М.А. Алданова, «Вечер у Клэр» Г. Газданова *дом* и *домашний очаг* доминируют противоположные идеи: утраты и сожаления об утраченном, обреченности, разрушения, что выражается в символах, объединенных семантикой «разбитая посуда», «нарушенный быт»: *содранный со стен шелк*³⁴, *жир-*

²⁹ Одоевцева И.В. На берегах Невы... С. 245.

³⁰ Белозерская-Булгакова Л.Е. Воспоминания. М. : Художественная литература, 1990. С 93.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 126.

³³ Там же. С. 136.

³⁴ Алданов М.А. Самоубийство. М. : Эксмо, 2011. 640 с.

ная утка – невиданная роскошь, неприлично теперь пить шампанское³⁵, сервиз безумно жаль, метафорами трещина в вазе турбинской жизни³⁶, из эвклидова мира в мир геометрии Лобачевского, по всему дому сухим ветром пронеслась тревога, неударжимые воспоминания, падающие как дождь³⁷.

Заключение

Языковое отражение такого ключевого понятия русской лингвокультуры как *дом* на стыке двух исторических эпох – дореволюционной и революционной – социально обусловлено и представлено в поэзии, прозе и мемуарной литературе первой половины XX века как переломный момент. Этот период отразился на состоянии лексической системы русского языка.

Описания дома в дореволюционную и революционную эпоху основано на противопоставлении «внешнее – внутреннее», «мы – они», «свет – темнота». Эти оппозиции поддерживают архетипический *мотив потери дома*, последующего за ним *бездомья, одиночества, изгнания*.

На фоне реальной ситуации изгнания и неопределенности *дом* наполняется новым смыслом и расширяет свое значение, охватывая не только конкретное жилище, очаг, бытовое устройство и систему внутрисемейных отношений, но и родную страну и ее историческое наследие.

Идея чистоты домашнего очага подчеркивается белым цветом как символом аккуратности, уюта и красоты внешней и внутренней. Понятие *дом* вербализуется в литературе этого периода и световыми ассоциациями: лампа, светильник, горящие свечи, пылающий камин. Огонь и свет – важнейшие символы уюта домашнего очага, олицетворяющие душу его обитателей, божественное начало в человеке, саму жизнь. Окно символизирует связь мира внутреннего и внешнего.

В художественной литературе, изданной в России в первой половине XX века, «дом (домашний очаг)» выходит из активного употребления, уступая место политически маркированным лексемам, обозначающим новые бытовые и социальные реалии революционного времени «жилплощадь», «коммуна», «коммуналка». В описании дома как ментального понятия преобладают идеи разрушения, утраты и сожаления об утраченном. Перспективы дальнейшего исследования семантики слова *дом* быть связано с наблюдением над языком конца XX – начала XXI века и отражением рассматриваемой лексемы в современной русской художественной литературе.

Список литературы

- Базылова Л.А. Концепт «Дом» в индивидуально-авторской картине мира А. Ахматовой // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 6. С. 202–209.
- Воробьев В.В. Лингвокультурология : монография. М. : РУДН, 2008. 336 с.

³⁵ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. М. : Изд-во «Э», 2017. 624 с.

³⁶ Булгаков М.А. Белая гвардия. М. : Эксмо, 2018. 480 с.

³⁷ Газданов Г.И. Вечер у Клэр // С того берега : писатели русского зарубежья о России. Произведения 20–30 гг. : в 2 кн. Кн. 2. М. : Водолей, 1992. 427 с.

- Габдуллина С.Р. Концепт ДОМ/РОДИНА и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны (сопоставительный аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 24 с.
- Дмитриева Н.М., Чулкина Н.Л. Трансформации в семантике вербализаторов этических концептов «Любовь» – «Милосердие» – «Целомудрие» – «Добродетель» // Русистика. 2022. Т. 20. № 1. С. 52–67. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-52-67>
- Жулькова К.А. Образ дома в русской литературе первой половины XX в. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7 : Литературоведение. 2019. № 1. С. 194–202.
- Зеленин А.В. Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). СПб. : Златоуст, 2007. 380 с.
- Иконникова Я.В. Концепт «Дом» как маркер оппозиции «свой – чужие» в прозе А.И. Куприна периода эмиграции (на материале повести «Купол Св. Исаакия Далматского») // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2012. № 9. С. 257–261.
- Исаева Э.С., Васильева Э.Г. Ассоциативное поле концепта «огонь» в языковом сознании носителей русского языка на фоне латышской лингвокультуры // Русистика. 2021. Т. 19. № 3. С. 241–252. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-241-252>
- Корнейчук С.П., Скнар Г.Д. Концептуализация «Эстетики быта» в произведениях И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. № 6. С. 325–330.
- Кувшинов Ф.Н. Квартира-дом в русской литературе 1920–1930-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1–2 (55). С. 23–25.
- Ланская О.В. Концепт «Дом» в языковой картине мира (на материале повести Л.Н. Толстого «Детство» и рассказа «Утро помещика») : дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2005. 199 с.
- Маслова В.А., Данич О.В. Духовная энергия русского слова как проблема гуманитарной мысли // Русистика. 2021. Т. 19. № 2. С. 125–137. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-125-137>
- Морараш М.М. Семантико-когнитивное исследование концепта ДОМ в романе В.В. Набокова «Машенька» // Научный диалог. 2017. № 8. С. 104–115.
- Потпот Р.М. История изучения концепта «Дом» в отечественном языкознании // Вестник угроредения. 2013. № 2. С. 54–66.
- Соколова Е.Н. Концепт «Дом» и его развитие в национально-культурном контексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. № 543. С. 177–188.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М. : Академический Проект, 2001. 990 с.
- Фещенко О.А. Концепт «Дом» в художественной картине мира М.И. Цветаевой (на материале прозаических текстов) : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 216 с.
- Шаклеин В.М., Цуй Л., Микова С.С. Лингвокультурные образы России и Китая в художественных произведениях представителей русской дальневосточной эмиграции : монография. Воронеж : ВГПУ, 2017. 170 с.
- Шкурин О.В. Языковые единицы с сакральной семантикой : лингвокультурологический и лексикографический аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 336–352. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-336-352>
- Шурупова О.С. Концепт «Дом» в смысловой организации Петербургского текста русской литературы // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 4. С. 1183–1185.
- Jackendoff R. Semantics and cognition. Cambridge : MIT Press, 1993. 283 p.
- Polechina M. Репрезентация концепта в поэтическом творчестве Марины Цветаевой // Polilog. Studia Neofilologiczne. 2012. № 2. С. 107–115.
- Schiffer S., Steel S. Cognition and representation. Boulder : Ridgeview, 1988. 257 p.

Shaklein V.M. Cultural linguistics : past, present, future. San Francisco : B&M, 2013. 200 p.
Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition. Universal human concepts in culture – specific configuration. Oxford – New York : Oxford University Press, 1992. 496 p.

Сведения об авторах:

Шмелькова Вера Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного, Институт международного сотрудничества, Пензенский государственный университет, Российская Федерация, 440026, Пенза, ул. Красная, д. 40. *Сфера научных интересов:* лексикология, стилистика. Автор более 80 работ, из них 3 монографии и 6 учебных пособий. ORCID: 0000-0002-5248-2860. E-mail: vshmelkova@rambler.ru

Макарова Елена Витальевна, старший преподаватель, кафедра русского языка как иностранного, Институт международного сотрудничества, Пензенский государственный университет, Российская Федерация, 440026, Пенза, ул. Красная, д. 40. *Сфера научных интересов:* лексикология, лингвокультурология. Автор более 40 работ, из них 3 учебных пособия. ORCID: 0000-0002-5787-5209. E-mail: makelvita@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4-467-482

Research article

Semantic changes of the word “home” in the Russian language of the first decades of the 20th century

Vera V. Shmelkova , **Yelena V. Makarova**

*Penza State University,
40 Krasnaya St, Penza, 440026, Russian Federation*
 makelvita@yandex.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the necessity to identify semantic changes of the word “home” in the social consciousness associated with historical, cultural, social, political and economic transformations. This authors describe and analyze the semantic changes of the word “home” in the social consciousness of the Soviet Russia and the Russian diaspora abroad in the first three decades of the 20th century. The purpose of the study is to reveal the semantics of the word “home” in the first three decades of the 20th century through the analysis of fiction texts of that time. For this purpose, a complex methodology for analyzing vocabulary was used, including the descriptive method based on the analysis of dictionary definitions, linguo-stylistic analysis of fiction texts. The research material includes dictionary definitions of the word “home”, represented in the basic explanatory dictionaries of the 19–20th centuries and dictionaries of modern times, fiction and memoir texts. The novelty of the presented data lies in the fact that the analysis of the semantic changes of the word “home” is for the first time carried out in order to compare individual sections of the linguistic picture of the world of Russian speakers in Russia and in emigration against the backdrop of the revolution and in the first post-revolutionary decades. The linguistic reflection of this key concept of Russian linguistic culture at the junction of the two historical eras – pre-revolutionary and post-revolutionary – is socially conditioned and presented as a turning point in fiction and memoirs of the first half of the 20th century. Further study of the semantics of the word “home” is supposed to be connected with the observation of the language of the late 20th – early 21st centuries.

Keywords: Russian language, home, house lexical units, semantic changes

Article history: received 05.03.2022; accepted 12.07.2022.

For citation: Shmelkova, V.V., & Makarova, Y.V. (2022). Semantic changes of the word “home” in the Russian language of the first decades of the 20th century. *Russian Language Studies*, 20(4), 467–482. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-467-482>

References

- Bazylova, L.A. (2009). The concept of House/Home in the individual world model of A. Ahmatova. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*, (6), 202–209. (In Russ.)
- Dmitriyeva, N.M., & Chulkina, N.L. (2022). The transformed semantics of the verbalizers of the ethical concepts “Love” – “Mercy” – “Chastity” – “Virtue”. *Russian Language Studies*, 20(1), 52–67. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-52-67>
- Feshchenko, O.A. (2005). *The concept “House” in the M.I. Tsvetaeva’s worldview* (Candidate dissertation, Novosibirsk). (In Russ.)
- Gabdullina, S.R. (2004). *The concept of HOUSE/HOMELAND and its verbal embodiment in the individual style of M. Tsvetaeva and the poetry of the Russian abroad of the first wave (comparative aspect)* (Candidate dissertation, Moscow). (In Russ.)
- Ikonnikova, Ya.V. (2012). Concept “Home” as opposition mark own-others in A.I. Kuprin’s prose of emigration period (on material of the dome of St. Isaakiy Dalmatskiy story). *Tambov University Review: Series Humanities*, (9), 257–261. (In Russ.)
- Isajeva, E.S., & Vasiljeva, E.G. (2021). Associative field of the concept “fire” in the linguistic consciousness of native Russian speakers at the background of the Latvian linguistic culture. *Russian Language Studies*, 19(3), 241–252. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-241-252>
- Jackendoff, R. (1993). *Semantics and cognition*. Cambridge: MIT Press.
- Korneichuk, S.P., & Sclar, G.D. (2018). Conceptualization of the aesthetics of everyday life in the works by Ivan Turgenev and Leo Tolstoy. *Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Modern Russia*, (6), 325–330. (In Russ.)
- Kuvshinov, F.N. (2016). Flat-home in the Russian literature of the 1920–1930s. *Philology. Theory & Practice*, (1–2), 23–25. (In Russ.)
- Lanskaya, O.V. (2005). *The concept “House” in the language picture of the world (based on the material of L.N. Tolstoy’s novel “Childhood” and the story “The Morning of the Landowner”)* (Candidate dissertation, Kaliningrad). (In Russ.)
- Maslova, V.A., & Danich, O.V. (2021). Spiritual energy of the Russian word as a scientific challenge of humanitarian thought. *Russian Language Studies*, 19(2), 125–137. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-2-125-137>
- Morarash, M.M. (2017). Semantic-cognitive study of house concept in Vladimir Nabokov’s novel “Mashen’ka”. *Nauchnyi Dialog*, (8), 104–115. (In Russ.)
- Polechina, M. (2012). Representation of the concept in the poetic work of Marina Tsvetaeva. *Polilog. Studia Neofilologiczne*, (2), 107–115.
- Potpot, R.M. (2013). History of the concept “Home” in national philology. *Bulletin of Ugric Studies*, (2), 54–66. (In Russ.)
- Schiffer, S., & Steel, S. (1988). *Cognition and representation*. Boulder: Ridgeview.
- Shaklein, V.M. (2013). *Cultural linguistics: Past, present, future*. San Francisco: B&M.
- Shaklein, V.M., Cui, L., & Mikova, S.S. (2017). *Linguocultural images of Russia and China in the works of representatives of the Russian Far Eastern emigration*. Voronezh: VSPU Publ. (In Russ.)
- Shkuran, O.V. (2019). Language units with sacred semantics: Linguoculturological and lexicographic aspects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(2), 336–352. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-336-352>
- Shurupova, O.S. (2010). Concept “House” in the semantic organization of the St. Petersburg text of Russian literature. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 15(4), 1183–1185. (In Russ.)

- Sokolova, E.N. (2008). Concept “House” and its development in a national-cultural context. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, (543), 177–188. (In Russ.)
- Stepanov, Yu.S. (2001). *Constants: Dictionary of Russian culture*. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ. (In Russ.)
- Vorobev, V. V. (2008). *Cultural linguistics*. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.)
- Wierzbicka, A. (1992) *Semantics, culture and cognition. Universal human concepts in culture – specific configuration*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Zelenin, A.V. (2007). *Language of the Russian emigrant press (1919–1939)*. St. Petersburg: Zlatoust Publ. (In Russ.)
- Zhulkova, K.A. (2019). The image of the house in Russian literature of the first half of the 20th century. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literature Studies*, (1), 194–202. (In Russ.)

Bio notes:

Vera V. Shmelkova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian as a Foreign Language Department, International Office, Penza State University, 40 Krasnaya St, Penza, 440026, Russian Federation. *Research interests*: lexicology, stylistics. The author of over 80 scientific papers. ORCID: 0000-0002-5248-2860. E-mail: vshmelkova@rambler.ru

Yelena V. Makarova, senior lecturer, Russian as a Foreign Language Department, International Office, Penza State University, 40 Krasnaya St, Penza, 440026, Russian Federation. *Research interests*: lexicology, cultural linguistics. The author of over 40 scientific papers. ORCID: 0000-0002-5787-5209. E-mail: makelvita@yandex.ru

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК РОДНОГО, НЕРОДНОГО, ИНОСТРАННОГО
METHODS OF TEACHING RUSSIAN
AS A NATIVE, NON-NATIVE, FOREIGN LANGUAGE

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4-483-499

Научная статья

**Аутентичные видеоматериалы как средство
формирования русскоязычной коммуникативной
компетенции испанских и нидерландских инофонов**

Т.Н. Горожанкина¹, В.В. Гречухина²

¹Гранадский университет,
Королевство Испания, 18002, Гранада, ул. Пас, д. 18

²Университет Лейдена,
Нидерланды, 2311, Лейден, Клеверинггаплатс, д. 1

 gorozhankina.tamara@gmail.com

Аннотация. Преподавание русского языка как иностранного (РКИ) вне языковой среды представляет особую сложность и требует внедрения современных методов в образовательный процесс для формирования необходимых коммуникативных и языковых компетенций студентов. При обучении аудированию на начальном этапе изучения иностранного языка большую роль играет активное использование аутентичных материалов как одного из основных требований коммуникативного подхода. Актуальность темы заключается в необходимости активного формирования навыков аудирования уже на начальном этапе изучения РКИ и оптимизации процесса самостоятельной работы. Цель исследования состоит в разработке комплекса видеоматериалов для учащихся нулевого уровня, направленных на развитие коммуникативной компетенции студентов. Для достижения данной цели использовался ряд методов: метод моделирования заданий, сравнительно-сопоставительный метод и метод наблюдения. Комплекс разработанных заданий апробирован в группах инофонов в возрасте от 20 до 45 лет в двух языковых центрах в Испании и Нидерландах на протяжении первого триместра. Упражнения с видеоматериалами разделены на шесть модулей и включают усвоенные на занятиях лексико-грамматические структуры (глаголы первого и второго спряжения, предлоги в/на, винительный и предложный падежи существительных). Результаты исследования показывают, что применение аутентичных материалов позволяет улучшить навыки аудирования, максимально приблизить образовательный процесс к ситуации живого речевого общения, мотивирует обучающихся и способствует усвоению новых грамматических и лексических единиц. Значительных различий по итогам выполнения итогового задания по аудированию в испанской и нидерландской группах не выявлено. Полученный негативный языковой материал связан с повышенным темпом речи, наложением

© Горожанкина Т.Н., Гречухина В.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

голосов, детской речью, что будет учтено для дальнейшей разработки заданий по аудированию для учащихся начального уровня и публикации полного комплекса заданий для использования на занятиях РКИ.

Ключевые слова: аутентичные материалы, аудирование, русский язык как иностранный, преподавание, видеоматериалы, коммуникативная компетенция

История статьи: поступила в редакцию 06.02.2022; принята к печати 17.06.2022.

Для цитирования: Горозжанкина Т.Н., Гречухина В.В. Аутентичные видеоматериалы как средство формирования русскоязычной коммуникативной компетенции испанских и нидерландских инофонов // Русистика. 2022. Т. 20. № 4. С. 483–499. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-483-499>

Введение

Говоря об аутентичности в методике обучения иностранных учащихся, И.И. Халеева понимает под аутентичными (с греч. *authenticos* «настоящий, подлинный, естественный») такие тексты, «которые носители языка продуцируют для носителей языка, то есть собственно оригинальные тексты, созданные для реальных условий, а не для учебной ситуации» (Халеева, 1989: 193). Согласно определению Э.Г. Азимова и А.Н. Щукина (Азимов, Щукин, 2009: 34), аутентичный текст – это «реальный продукт носителей языка, не предназначенный для учебных целей и не адаптированный для нужд учащихся, <...> характеризуется естественностью лексического наполнения и грамматических форм, ситуативной адекватностью языковых средств, отражает национальные особенности и традиции построения и функционирования текстов». В рамках данного исследования под аутентичными мы будем понимать такие материалы, которые были созданы носителями языка для носителей и отражают языковые средства, приближенные к реальной речевой ситуации. В этом заключается их принципиальное отличие от учебных материалов, разработанных специально для учащихся определенного уровня владения языком.

Слуховое восприятие речи осуществляется с помощью ряда механизмов аудирования (восприятия, внутреннего проговаривания, осмысления, кратковременной памяти, вероятностного прогнозирования, долговременной памяти и механизма эквивалентных замен) и во многом сопряжено с рядом трудностей, которые необходимо учитывать преподавателем в ходе занятий¹. Для преодоления трудностей, возникающих в процессе аудирования, А.Н. Щукин предлагает использовать динамические средства наглядности (видеоматериалы), которые предоставляют некую визуальную опору, позволяют учащимся познакомиться с культурой страны изучаемого языка, невербальными средствами общения, нормами этикета, что, в свою очередь, обеспечивает наилучшие условия для понимания содержания и повышения мотивации у учащихся.

¹ Щукин А.Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном: учебно-методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. М. : Русский язык. Курсы, 2012. С. 348–353; Шибко Н.Л. Общие вопросы методики преподавания русского языка как иностранного : учебное пособие для иностранных студентов филологических специальностей (электронное издание). СПб. : Златоуст, 2015. С. 157–162.

Необходимость использования аутентичных материалов при обучении иностранным языкам утверждалась многими исследователями² (Зимняя, 1991; Климова, Светова, 2012; Лапуцкая, 2014; Ревина, 2015; Артамонова, 2016; Гриднева, Владимирова, 2018; Чукавина, 2020; Romanova et al., 2021). В нескольких работах были эмпирически доказаны положительные результаты применения аутентичных материалов в преподавании иностранных языков: совершенствование навыков устной речи, слушания и понимания аудиоматериалов, повышение мотивации и улучшение коммуникативных навыков у инофонов (Herron, Seay, 1991; Thanajaro, 2000; Dornyei, Csizer, 2002; Miller, 2005; Otte, 2006; Akbari, Razavi, 2016). Ряд методистов уверенно заявляют о необходимости использования аутентичных материалов на занятиях с учащимися начального уровня³ (Авдеева и др., 2001; Гриднева, Владимирова, 2018). Актуальность применения аутентичных видеоматериалов на уроках РКИ обусловлена, с одной стороны, их функциональностью, ориентированностью на практическое использование в реальной жизненной ситуации, а, с другой, большим потенциалом по силе эмоционального воздействия аудиовизуальных средств обучения для повышения мотивации и вовлеченности учащихся в процесс обучения. Сами учащиеся отмечают большой мотивационный потенциал аутентичного материала (Мирзоева, 2014). Тем не менее стоит отметить, что использование аутентичных материалов на начальном этапе обучения сопряжено с рядом трудностей, как малая языковая доступность для большинства учащихся (Гриднева, Владимирова, 2018) и большая подготовительная работа преподавателя (Лапуцкая, 2014).

В процессе обучения учащиеся нулевого уровня владения РКИ должны не только ознакомиться с фонетическим и лексико-грамматическим строем языка, но также освоить некоторые социокультурные правила его использования в конкретных повседневных ситуациях реального общения. Согласно Государственному стандарту по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень (Владимирова и др., 2001: 8), материалы должны быть актуальными для бытовой, социокультурной и учебной сферы общения. Овладеть этими знаниями, не проживая в стране изучаемого языка, довольно непросто. Учитывая ограниченное количество часов аудиторных занятий, отводимых на изучение русского языка в Русском центре Гранадского университета (Испания) и в Академическом языковом центре при университете Лейдена (Нидерланды), не представлялось возможным познакомить учащихся в полном объеме с социокультурным компонентом во время классной работы. Недостаток учебно-методических пособий для учащихся нулевого уровня владения РКИ с применением аутентичных видеоматериалов и необходимость внедрения аутентичных видеоматериалов в образовательный процесс как элемент внеклассной работы послужили стимулом для разработки комплекса заданий, направленных на формирование механизмов аудирования у инофонов в процессе обучения русскому языку.

Ввиду вышеизложенного, авторами настоящего исследования была поставлена **цель**: разработать комплекс заданий по аудированию с использованием аутентичных видеоматериалов для инофонов нулевого уровня владения

² Щукин А.Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном...

³ Там же. С. 388.

РКИ и выявить особенности освоения данного материала носителями нидерландского и испанского языков. Научная новизна работы заключается в разработке тренировочных упражнений на основе аутентичных материалов для студентов с «нулевым» уровнем владения языком, а также в формировании навыков аудирования и выявлении возможных трудностей при восприятии видеоматериалов на слух среди представителей обеих групп языков.

Методы и материалы

Для достижения указанной цели использовались следующие методы:

- статистический метод – количественный анализ ошибок учащихся каждой группы;

- метод сравнительно-сопоставительного анализа – для определения и анализа трудностей, с которыми сталкиваются носители испанского и нидерландского языков; для выявления закономерностей в освоении материала и ряда причин, влияющих на возникновение того или иного типа ошибок;

- метод наблюдения.

Для реализации исследования были также определены следующие задачи:

1. Отбор аутентичных видеоматериалов, исходя их осваиваемого на занятиях лексического и грамматического материала среди учащихся нулевого уровня владения РКИ.

2. Разработка заданий, направленных на формирование, помимо аудирования, видов речевой деятельности, как чтения, письма и говорения.

3. Апробация комплекса заданий в группах испаноязычных и нидерландских инофонов нулевого уровня владения (в первом триместре).

Согласно перечню сформулированных задач были разработаны этапы работы: отбор аутентичных видеоматериалов и их деление на тематические блоки и с учетом определенных лексико-грамматических структур, подготовка заданий к проведению аудирования как самостоятельной работы и подведение итогов.

В процессе разработки комплекса упражнений и при отборе аутентичных видеоматериалов авторы исходили из необходимости оптимального сочетания визуального ряда и текстовой информации, а также опирались на ряд параметров:

- аутентичность материалов;

- тематический и лексико-грамматический принцип (диалоги содержат лексико-грамматические конструкции на бытовую, социокультурную и учебную сферу общения «Приветствие», «Прощание», «Семья», «Работа», др.);

- лингводидактическая и методическая ценность (Нарочка, 1978), способствующая формированию всех видов речевых умений – аудирования, письма, чтения и устной речи.

Принципы отбора видеоматериалов зависят в первую очередь от цели, которую ставит перед собой преподаватель. В данном исследовании фокус внимания направлен на использование и отработку встречающихся в отобранных видеоматериалах лексических и грамматических единиц, изучаемых учащимися на нулевом уровне владения РКИ. Таким образом, выборка материала производилась с учетом данной цели и следуя «принципу умест-

ности» (Голуб, 2015), чтобы каждый модуль конечного комплекса упражнений соответствовал целям образовательного процесса, а именно: усвоению этикетных формул приветствия, прощания и особенностей обращения *Вы/ты*, знакомству с ситуациями в бытовой, социо-культурной и учебной сфере общения – в семье, школе, на работе и при разговоре по телефону. В каждый из шести модулей включены усвоенные на занятиях лексико-грамматические единицы (спряжения глаголов в настоящем времени, формы винительного и предложного падежа имен существительных, предлоги *в/на*).

Материалом для разработки комплексных заданий послужили короткие аутентичные видеоматериалы из Мультимедийного русского корпуса (МУРКО) Национального корпуса русского языка⁴, фрагменты из отечественных фильмов и фрагменты из современных короткометражных фильмов.

Отбор видеоматериалов проходил с учетом возможных трудностей аудирования⁵ и на основе ряда критериев:

- небольшие по размеру речевого сообщения видеоматериалы, актуальные для бытовой, социокультурной и учебной сферы общения (согласно Государственному стандарту по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень (Владиминова и др., 2001: 8));
- последовательно нарастающее усложнение лексико-грамматического материала и наличие новых лексических единиц;
- разный темп речи говорящих;
- не только взрослая, но и детская диалогическая речь.

При разработке заданий не было ограничено количество предъявлений аутентичных материалов, поскольку аудирование учащиеся проводили в качестве внеклассной работы (за исключением заключительного этапа контроля, чтения и обсуждения видеоматериалов на занятии).

В данном исследовании приняли участие инофоны начального уровня, изучающие РКИ в двух языковых центрах: в Русском центре Гранадского университета (Испания) и в Академическом языковом центре при университете Лейдена (Нидерланды) в возрасте от 20 до 45 лет. В рамках исследования работа с носителями романской и германской группы языков поможет выявить наличие возможных трудностей при формировании навыков аудирования на начальном этапе обучения РКИ.

Для отбора языковых групп было принято решение установить ряд параметров для обоих языковых центров в Гранаде и Лейдене:

- курс нефилологического направления;
- нулевой уровень владения РКИ;
- срок проведения исследования (первый триместр);
- коммуникативный подход в преподавании РКИ;
- параллельное освоение лексико-грамматического материала в обоих языковых центрах.

⁴ Мультимедийный русский корпус (МУРКО) Национального корпуса русского языка. URL : <https://ruscorpora.ru/new/search-murco.html>

⁵ Шибко Н.Л. Общие вопросы методики преподавания русского языка как иностранного... С. 157–161; Шукин А.Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном... С. 348–353

Каждая из выбранных групп (одна испанская и одна нидерландская группа) состояла из семи учащихся вечерней формы обучения и нулевого уровня владения РКИ. Продолжительность курса составляет 3 месяца. Достигаемый после обучения на первом триместре уровень приравнивается к А0+ (для владения РКИ на элементарном уровне необходимо обучаться в указанных центрах два триместра). Учитывая ограниченность во времени и большой объем изучаемого материала, важным аспектом является самостоятельная работа студентов во внеклассное время.

Результаты

Проведенный анализ полученных в обеих группах итоговых баллов и метод наблюдения позволяют прийти к следующим результатам. Использование аутентичных материалов способствует:

- 1) улучшению восприятия устной спонтанной речи на иностранном языке;
- 2) знакомству с невербальными средствами общения, присущими культуре страны изучаемого языка;
- 3) знакомству с интонационными конструкциями русского языка;
- 4) формированию других навыков речевой деятельности (чтения, письма и говорения);
- 5) повышению мотивации к обучению (как показал метод наблюдения);
- 6) отсутствию ярко выраженных различий в восприятии аутентичных видеоматериалов и работы с ними в испанской и нидерландской аудиториях на начальном этапе изучения РКИ.

Стоит отметить, что сравнительно-сопоставительный анализ полученных данных в обеих группах (правильных и неправильных ответов учащихся испанской и нидерландской групп) не выявили ярко выраженных различий в восприятии речи носителей языка на слух.

Метод наблюдения показал, что основные сложности при аудировании возникли в отношении тех диалогов, которые отличались рядом факторов: темп речи, тембр голоса, дикция, посторонние шумы, громкость и эхо. Затруднения с ответом и допущенные при выполнении заданий ошибки могут быть обусловлены индивидуальными особенностями восприятия речи на слух инофона, невнимательностью, утомляемостью при повторном прослушивании аудиотекста, недостаточно развитыми компенсаторными умениями и трудностями в делении аудиотекста на смысловые синтагмы.

Обсуждение

Для данного исследования был отобран 31 видеоматериал: шесть блоков по четыре видеоматериала и итоговое задание, состоящее из семи видеороликов. Каждый блок объединен общей тематикой («Приветствие», «Прощание», «Семья», «Школа», «Работа», «Разговор по телефону») для отработки определенных лексико-грамматических единиц (этикетные формулы приветствия и прощания, обращение на *Вы/ты*, глаголы первого и второго спряжения, предлоги *в/на*, существительные в винительном и предложном падежах). В итоговом задании по аудированию включены видеоматериалы, включающие в себя все вышеуказанные темы.

На протяжении первого семестра 2020–2021 учебного года учащимся предлагалось выполнить внеклассную работу по аудированию (шесть блоков по четыре задания и один контрольный из семи заданий). Подготовительный и основной этапы проводились учащимися самостоятельно, заключительный этап как этап контроля и активизации лексико-грамматических конструкций, представленных в видеоматериалах, осуществлялся на занятии с преподавателем. Работа с каждым видеоматериалом проходила по следующей схеме:

- 1) подготовительный этап (чтение и просмотр видеоматериала без аудио самостоятельно);
- 2) основной этап (просмотр и заполнение пропусков самостоятельно);
- 3) заключительный этап (чтение по ролям на уроке, анализ лексико-грамматических конструкций и обсуждение ситуации).

В качестве примера рассмотрим фрагмент из короткометражного фильма *Memorio* (2020). В выбранном для задания видеоматериале (00:01:08 – 00:01:36) представлен диалог между отцом и дочерью (рис. 1).

Учащиеся получают к видеоматериалу диалог с пропусками (рис. 2).

Рис. 1. Видеоматериал из короткометражного фильма *Memorio* (2020)

Figure 1. Video material from the short film *Memorio* (2020)
(URL: <https://www.youtube.com/watch?v=o9IL2KRRvWo>)

- <u>Привет!</u>	- _____!
- <u>Привет!</u>	- _____!
- Ну, <u>что?</u> <u>Тебя</u> можно поздравить?	- Ну, _____? _____ можно поздравить?
- <u>Говорят</u> , можно.	- _____, можно.
- <u>Извини</u> , я в этот раз без подарка. Впрочем, как и в прошлый.	- _____, я в этот раз без подарка. Впрочем, как и в прошлый.
- <u>Ничего, пап</u> , всё нормально. <u>Правда</u> .	- _____, _____, всё нормально. _____.
- <u>Hi!</u>	- _____
- <u>Hi!</u>	- _____
- So <u>what?</u> Can I congratulate <u>you</u> ?	- So _____? Can I congratulate _____?
- <u>They say</u> , yes.	- _____, yes.
- <u>I am sorry</u> , today I don't have a present, like last time.	- _____, today I don't have a present, like last time.
- <u>Never mind</u> , daddy, it's ok. <u>Really</u> .	- _____, _____, it's ok. _____.

Рис. 2. Диалог видеоматериала для аудирования для преподавателя (слева) и вариант для учащихся с пропусками (справа)

Figure 2. The dialogue from the video material for the teacher (on the left) and a fill in the blanks activity for the student (on the right)

На подготовительном этапе работы инофонам предлагается самостоятельно прочитать каждый диалог с пропусками (рис. 2, *справа*) и просмотреть видеоматериал без звукового сопровождения. Такое задание способствует, с одной стороны, психологическому настрою инофона на аудирование и, с другой стороны, активизации когнитивных процессов и, в частности, механизма языковой догадки непосредственно перед прослушиванием. На этом этапе активизируется речевой навык чтения. На основном этапе учащиеся просматривают видеоматериал и заполняют пропуски (активизация навыков аудирования и письма). Количество предъявлений не ограничено. Заключительный этап проходит на занятии: чтение по ролям и обсуждение фрагмента (формирование навыка чтения и говорения). Так, внимание учащихся может привлечь редуцированная форма обращения (как «пап» в вышеуказанном примере), объяснение которой за редким исключением представлена в современных учебно-методических пособиях. При работе с аутентичными материалами на уроках РКИ появляется возможность восполнить такие пробелы, поскольку учащиеся сталкиваются с реальным использованием языка в бытовой сфере общения.

На заключительном этапе проводится работа с новыми лексическими единицами и грамматическими конструкциями. Активно используется техника опережения ввиду ограниченного усвоенного учащимися материала (как, например, *поздравить, без подарка (Р. п. от «подарок»), впрочем, прошлый*).

Затем проводится анализ непосредственно самих пропусков. Приводится список предлагаемых наводящих вопросов:

Почему они говорят «привет»? (неформальная ситуация общения)

Почему множественное число в реплике «говорят»? (можно перевести и сравнить с родным языком)

Почему папа говорит «извини»?

Что означает «ничего» и «правда» в этой ситуации?

Почему она говорит «пап», а не «папа»?

Последнее задание состоит в обсуждении фрагмента учащимися, предлагается ряд вопросов:

Кто они? Вы знаете, как его/ее зовут? Что они делают?

Они на улице? А где они? В каком городе она/он живет?

Сегодня праздник? У кого праздник? Какой?

При просмотре видеоматериала не представляется возможным ответить на все предлагаемые вопросы. Однако основной их целью является не проверка понимания диалога, а развитие навыков понимания ситуации бытовой сферы общения, как видеозвонок в данном примере.

Предлагаемые к каждому фрагменту задания рассчитаны на параллельную работу по всем четырем видам речевой деятельности с дальнейшим выходом на монологическую речь при обсуждении видеоматериала.

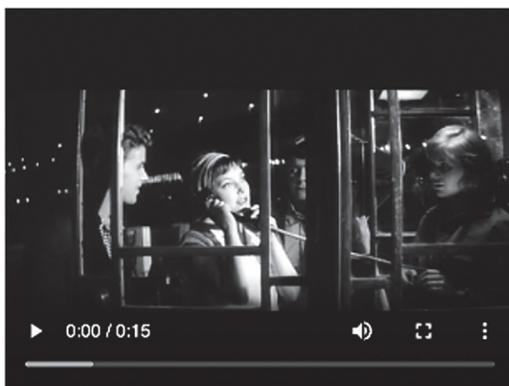
Как показали практические исследования, при использовании аутентичных материалов особую роль в восприятии и понимании текста играет механизм языковой догадки. Под языковой догадкой понимают языковые средства, вербальное окружение слова, которое способствует однозначному пониманию его значения. Как при чтении, так и при просмотре видео зачастую встречается несоответствие объема встречающейся в задании лексики и словарного запаса студента, так как в каждом аутентичном материале будет присутствовать процент незна-

комой лексики. Благодаря компенсаторной (стратегической) компетенции, учащиеся могут догадаться о значении незнакомых слов, опираясь на визуальный канал, контекст и ситуацию. В зависимости от того, в каких границах лежат контекстуальные признаки, выделяются следующие виды контекста:

- 1) на уровне предложения или его части;
- 2) на уровне абзаца;
- 3) на уровне всего текста (Низкошапкина, Большакова, 2019: 194–196).

Поскольку для работы с учащимися первого семестра были выбраны видеоматериалы с короткими диалогами, развитие компенсаторной компетенции происходило на уровне предложения или даже его части. Тем не менее наводящие вопросы на заключительном этапе работы помогали понять ситуацию общения и способствовали формированию навыков спонтанного говорения на изучаемом языке.

Опора на контекст особенно важна в случае быстрого темпа речи в видеоматериале, наличии посторонних звуков, затрудняющих восприятие, и присутствия незнакомой лексики для учащихся.

<p>- Что ____ ? Ничего не делаем. ____ вслух читаем. Спокойно ночи.</p> <p>- Спасибо вам большое.</p> <p>- Спасибо.</p> <p>- _____.</p>	<p>- What ____ ? Nothing. We are reading ____ aloud. Good night.</p> <p>- Thank you very much.</p> <p>- Thank you.</p> <p>- _____.</p>
---	--

Рис. 3. Фрагмент из кинофильма «Я шагаю по Москве» (1964) и диалог для аудирования с пропусками
Figure 3. The excerpt from the film *I step through Moscow* (1964) and listening exercise with blanks
 (URL : <https://ruscorpura.ru>)

Ярким примером важности контекста и механизма языковой догадки может служить одно из заданий, разработанное авторами статьи. Несмотря на довольно быстрый темп речи в видеоотрывке из культового фильма «Я шагаю по Москве» и незнакомый лексический элемент («вслух»), большинство учащихся в обеих группах смогли угадать пропущенные слова благодаря повтору в диалоге («ничего не делаем»), компенсаторному умению («читать книгу») и логическому умозаключению (формула вежливости «спасибо» – «не за что») (рис. 3).

Как представлено на рис. 4, в данном задании преимущественное большинство учащихся (79 % нидерландских учащихся и 82 % испанцев) в обеих группах дали правильные ответы.

Наибольшую сложность вызвали вопросы с высокой скоростью речи и наличием новых лексических единиц. Полифония, повторы, высокая эмоциональность речи в оригинальном аудиотексте затрудняли правильное членение пред-

ложений и поиск верного варианта ответа, в данном случае только 21 % нидерландских учащихся и 14 % испанских учащихся успешно справились с заданием. Преимуществом видео данного типа является погружение студентов в естественную языковую среду и создание иллюзии реального общения с присущим ему быстрым темпом и несколькими участниками коммуникации, чье общение проходит одновременно, а фразы накладываются одна на другую (рис. 5, 6).

Подобные результаты мы наблюдаем и в следующем примере (рис. 7 и 8), где несмотря на повторяющиеся пропущенные элементы, 57 % нидерландских и 42 % испанских инофонов услышали пропуск 2 «не люблю», однако никто не справился с аналогичным пропуском 1 в силу трудностей в восприятии детской речи.

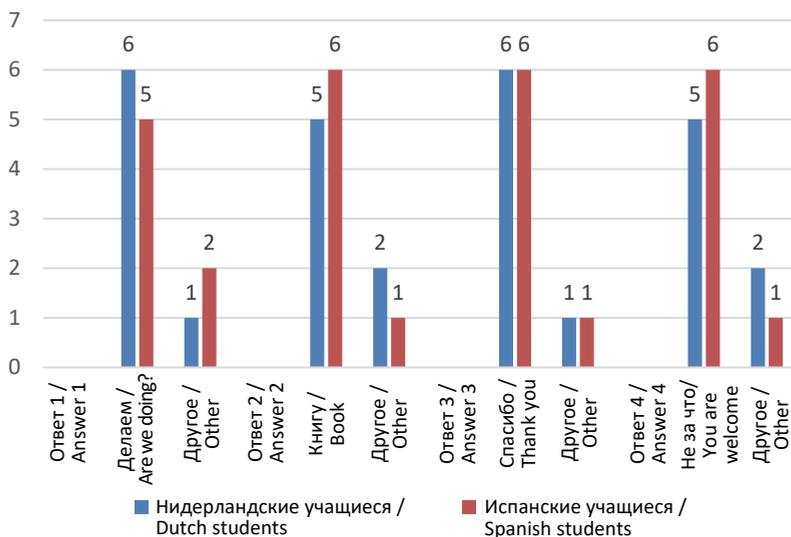
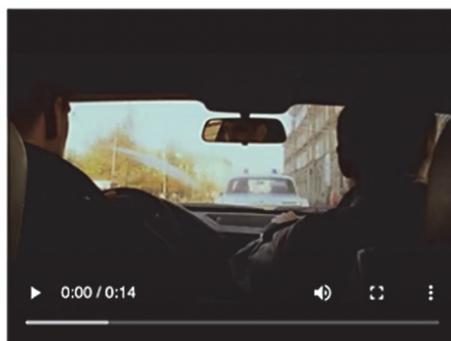

Рис. 4. Правильные и неправильные ответы нидерландских и испанских учащихся по видеоматериалу из кинофильма «Я шагаю по Москве»
Figure 4. Correct and incorrect answers of Dutch and Spanish students on the excerpt from the film *I step through Moscow*

<p>- Владик! К папе нельзя! Папа _____ ! - Я к папе! - Ой ты гос... Всё, давай, давай, давай. Сынуля ко мне. Всё. Иди, Элеонора, иди, иди. - Ты моя цыпа. А мамочка где? _____ . Ну хорошо.</p>	<p>- Vladik! You can't go to Daddy. He _____ ! - I am going to Daddy! - Oh, my God! Ok, go, go, go, go. Sonny, come to me. That's it. Go, Eleonora, go, go. - You are my chick. And where is Mummy? _____ Well, ok.</p>
--	--

Рис. 5. Фрагмент из кинофильма «Жмурки» (2005) и диалог для аудирования с пропусками
Figure 5. The excerpt from the film *Blind Man's Bluff* (2005) and listening exercise with blanks (URL : <https://ruscorpora.ru>)

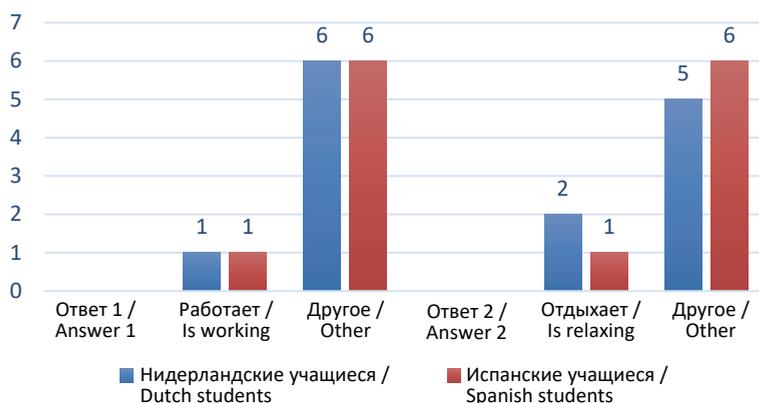

Рис. 6. Правильные и неправильные ответы нидерландских и испанских учащихся по видеоматериалу из кинофильма «Жмурки»
Figure 6. Correct and incorrect answers of Dutch and Spanish students on the excerpt from the film *Blind Man's Bluff*

- В футбол там все играют, шёл бы смотреть.
 - Я не _____ я _____.

- Everybody is playing football there, you should go and watch.
 - I _____ I _____.

Рис. 7. Фрагмент из кинофильма «Путешествие с домашними животными» (2007) и диалог для аудирования с пропусками
Figure 7. The excerpt from the film *Travelling with Pets* (2007) and listening exercise with blanks (URL : <https://ruscorpura.ru>)

Рис. 8. Правильные и неправильные ответы нидерландских и испанских учащихся по видеоматериалу из кинофильма «Путешествие с домашними животными»
Figure 8. Correct and incorrect answers of Dutch and Spanish students on the excerpt from the film *Travelling with Pets*

Следует отметить, что детальный разбор заданий на уроке и последовательная тренировка путем многократных прослушиваний данного фрагмента позволяют развивать у студентов умение понимать речь разного темпа с учетом особенностей произношения говорящего.

Учитывая ряд ограничительных факторов данной работы и слабую корреляцию ответов учащихся, в исследовании приводятся суммарные баллы (из 100) за выполнение итогового задания. За каждый правильно заполненный пропуск учащемуся начислялся 1 балл, за неправильный ответ учащийся получал 0 баллов. Затем высчитывалось процентное значение правильных ответов (итоговая оценка) контрольного аудирования в нидерландской и испанской группах.

Сравнивая оба графика (рис. 9), можно отметить, что у преобладающего большинства учащихся в обеих группах (71 %) достаточно высокая оценка по выполнению итогового задания (75–95 из 100). Результаты у 29 % учащихся можно считать пороговыми. Основные сложности в выполнении заданий обусловлены рядом причин: темп речи, тембр голоса, дикция, посторонние шумы, громкость, эхо, индивидуальные особенности восприятия речи на слух инофона, др.

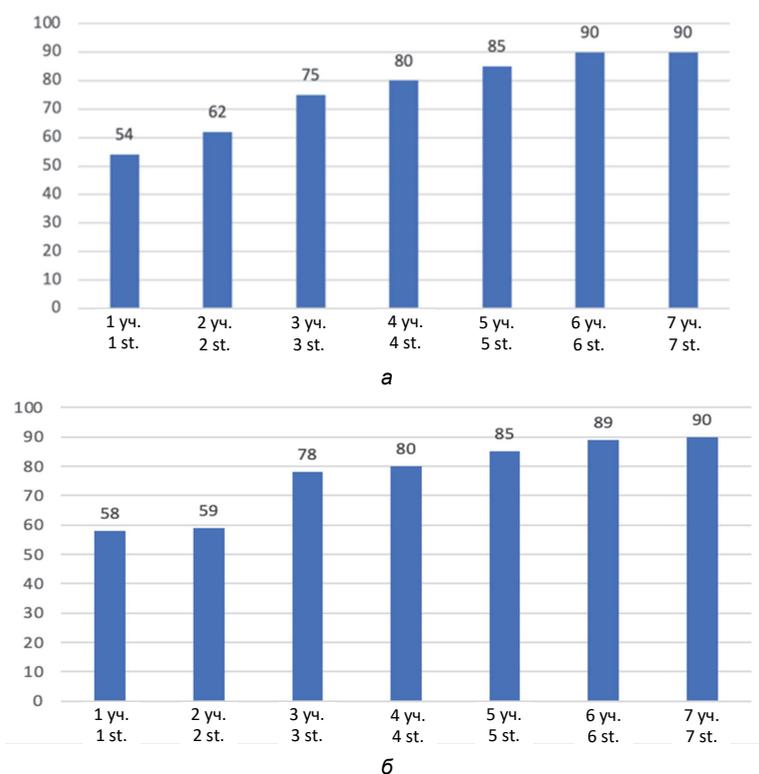

Рис. 9. Итоговая оценка за контрольное задание у нидерландских (а) и испанских (б) учащихся
Figure 9. Dutch (а) and Spanish (б) students' final score for the control task

Заключение

В рамках данного исследования разработанный комплекс заданий по аудированию с использованием аутентичных видеоматериалов был успешно апробирован в испанской и нидерландской аудиториях нулевого уровня владения РКИ.

Во внеязыковой среде обучения аутентичные материалы позволяют создать ситуации, приближенные к естественной речевой среде, и, тем самым, познакомиться с реалиями, культурой и образом жизни страны изучаемого языка. Внедрение аудиовизуальных материалов в образовательный процесс помогает создать благоприятную почву для развития коммуникативных умений учащихся, улучшить восприятие иностранной речи (и речи носителя языка, в частности) на слух и развить языковую догадку уже на ранних этапах изучения РКИ, а также создать оптимальные условия для стимулирования самостоятельной работы и повышения мотивации учащихся при изучении иностранного языка.

Знакомство с культурой страны изучаемого языка, невербальными средствами общения, нормами этикета посредством коротких диалогов в ситуациях, характерных для бытовой сферы общения, оказали благоприятное влияние не только на развитие коммуникативной компетенции учащихся, но и на мотивацию при изучении иностранного языка в целом. Отмечается формирование четкого представления об использовании форм обращения *Вы/ты*, что имеет важное значение для испанских и нидерландских учащихся ввиду несовпадения формального и неформального контекста общения в повседневных ситуациях.

Полученные по итогам исследования результаты указывают на ряд трудностей, возникших при аудировании и обусловленных повышенным темпом речи, наложением голосов говорящих, посторонним и фоновым шумом, недостаточной громкостью речи говорящих и нечеткой дикцией, и в ряде случаев, тембром и высотой голоса (например, в случае детской речи). Эти факторы следует принять во внимание при отборе видеоматериалов, так как их частое присутствие в аутентичных материалах на данном уровне владения языком может оказать негативное влияние на мотивацию учащихся.

Логическим продолжением данного исследования будет увеличение количества видеоматериалов для апробации разработанных заданий с большим количеством инофонов и обязательным участием контрольной группы. По результатам повторной апробации комплекс заданий будет размещен в открытом доступе.

Список литературы

- Авдеева И.Б., Васильева Т.В., Левина Г.М. Рассуждения об аутентичности в методике обучения иностранных учащихся инженерного профиля // Мир русского слова. 2001. Т. 4. С. 55–62.
- Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.
- Артамонова Г.В. Аутентичные видеоматериалы как средство повышения мотивации студентов к самостоятельной работе // Азимут научных исследований : педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 4. С. 51–54.
- Большакова Н.Г., Низкошапкина О.В. Обучение языковой догадке на основе словообразовательного анализа в процессе самостоятельного чтения // Научно-педагогическое обозрение. 2019. № 2 (24). С. 56–65. <http://doi.org/10.23951/2307-6127-2019-2-56-65>
- Владимирова Т.Е., Нахабина М.М., Соболева Н.И., Андриюшина Н.П. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. М. – СПб. : Златоуст, 2001. 28 с.
- Голуб Е.З. Аутентичные тексты в обучении чтению на уроках русского языка как иностранного // Этнокультурный и социолингвистический аспекты теории и практики преподавания языков / под ред. И.В. Будько. Минск : БНТУ, 2015. С. 99–104.

- Гриднева Н.А., Владимирова С.М.* Использование аутентичных видеоматериалов на начальном этапе обучения русскому как иностранному (РКИ) // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия : Психолого-педагогические науки. 2018. Т. 15. № 3. С. 36–48. URL : https://vestnik-pr.samgtu.ru/1991-8569/article/view/52285/ru_RU (дата обращения : 09.05.2022).
- Зимняя И.А.* Психология обучения иностранным языкам в школе. М. : Просвещение, 1991. 222 с.
- Климова Г.С., Светова Е.А.* Работа с видеоматериалами в ходе изучения иностранного языка студентами гуманитарных специальностей // Наука и школа. 2012. Т. 4. С. 99–103.
- Лапуцкая И.И.* Методическая обоснованность применения аутентичных видеоматериалов в курсе РКИ // Карповские научные чтения: сборник научных статей: в 2 ч. Минск : ИВЦ Минфина, 2014. С. 189–193.
- Мирзоева Л.Ю.* Использование аутентичного материала для совершенствования навыков в сфере аудирования // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 4–2. С. 254–258. URL : <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=9779> (дата обращения : 07.06.2022).
- Ревина Е.В.* Использование аутентичных видеоматериалов в процессе обучения иностранному языку // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия : Психолого-педагогические науки. 2015. Т. 12. № 4. С. 98–103.
- Халеева И.И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М. : Высшая школа, 1989. 238 с.
- Чукавина В.С.* Использование аутентичных видеоматериалов в домашнем обучении иностранному языку детей-инофонов : выпускная квалификационная работа. Екатеринбург, 2020. 95 с.
- Akbari O., Razavi A.* Using authentic materials in the foreign language classrooms : Teachers' perspectives in EFL classes // International Journal of Research Studies in Education. 2016. Vol. 5. Issue 2. Pp. 105–116. <http://doi.org/10.5861/ijrse.2015.1189>
- Dornyei Z., Csizer K.* Some dynamics of language attitudes and motivation : Results of a longitudinal nationwide survey // Applied Linguistics. 2002. Vol. 23. Issue 4. Pp. 421–462. <http://doi.org/10.1093/applin/23.4.421>
- Нарочка И.К.* On consistency in the methodology of teaching reading // Russian language: Teaching the Russian language to students and non-philological specialists / ed. buy A.A. Amelchonok, O.A. Lapteva. Moscow, 1978. Pp. 156–166.
- Herron C., Seay I.* The effect of authentic oral texts on student listening comprehension in the foreign language classroom // Foreign Language Annals. 1991. Vol. 24. Issue 6. Pp. 487–495.
- Miller M.* Improving aural comprehension skills in EFL, using authentic materials : an experiment with university students in Nigata, Japan : unpublished master thesis. UK : University of Surrey, 2005.
- Otte J.* Real language to real people : a descriptive and exploratory case study of the outcomes of aural authentic texts on the listening comprehension of adult ESL students enrolled in an advanced ESL listening course // Dissertation Abstracts International. 2006. Vol. 67. Issue 4. Pp. 12–46.
- Romanova S., Rubtsova E., Simms E.* The use of authentic videos in teaching Russian conversation outside the language environment // European Journal of Foreign Language Teaching. 2021. Vol. 5. Issue 3. Pp. 107–117. <http://doi.org/10.46827/ejfl.v5i3.3618>
- Thanajaro M.* Using authentic materials to develop listening comprehension in English as a foreign language classroom : unpublished doctoral dissertation. Virginia: Virginia Polytechnic Institute and State University, 2000.

Сведения об авторах:

Горожанкина Тамара Николаевна, кандидат филологических наук, преподаватель русского языка как иностранного, Русский центр, Гранадский университет, Королевство Испания, 18002, Гранада, ул. Пас, д. 18. *Сфера научных интересов:* преподавание РКИ,

дискурс, качество перевода, туристический перевод, испанско-русский перевод. ORCID: 0000-0002-5871-321X. E-mail: gorozhankina.tamara@gmail.com

Гречухина Вера Викторовна, кандидат филологических наук, преподаватель русского языка как иностранного, Академический языковой центр, Университет Лейдена, Нидерланды, 2311, Лейден, Клеверингаплатс, д. 1. *Сфера научных интересов*: преподавание русского языка как иностранного, прагмалингвистика, художественный перевод. ORCID: 0000-0002-9684-566X. E-mail: vvgrechukhina@gmail.com

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4-483-499

Research article

Authentic video materials as a means of shaping communicative competence in Russian among Spanish and Dutch learners

Tamara Gorozhankina¹, Vera Grechukhina²

¹University of Granada,
18 Paz St, Granada, 18002, Kingdom of Spain

²Leiden University,
1 Cleveringplats, Leiden, 2311, Netherlands

 gorozhankina.tamara@gmail.com

Abstract. Teaching Russian as a foreign language (RFL) without immersion into a natural language environment presents a particular challenge and requires modern methods to develop basic communicative and linguistic competencies of the students. While teaching listening at the first stage of learning a foreign language, an active use of authentic materials plays an important role as one of the major requirements of the communicative approach. The relevance of the present topic consists in the need of developing listening skills at the early stage of studying RFL and optimizing the work of students as independent learners. The aim of the study was to develop a set of video exercises for A0 level, aimed at improving the communicative competence of students, their knowledge of cultural norms and speech etiquette. To achieve this aim, a set of methodological methods has been used: a task modeling method, a comparative method and observation. The complete set of exercises was tested in groups of students aged 20–45, learning Russian as a foreign language at beginner’s level at two language centers, in Spain and in the Netherlands. Exercises with video fragments were divided into six units and were designed to practice the use of some grammar forms and lexical units (verbs belonging to the first and second conjugation type, prepositions в/на (in, on), accusative and prepositional cases). For independent work, students were asked to complete the preparatory and main stages of each unit. The final stage, as a control stage, was carried out in the classroom with a teacher to activate the structures heard in listening, analyze and discuss the video material. The results of the study show that the use of authentic materials improves listening, brings the educational process as close as possible to the situation of real live communication, motivates students and helps them to master the new grammatical and lexical units. There were no significant differences observed in the results of the final task on listening in Spanish and Dutch groups. The errors have to do with an increased speed of utterance, voice overlapping, children's speech, that will be taken into account for the further development of listening exercises for A0 level students and publishing a full set of exercises for RFL learners and teachers.

Keywords: authentic materials, listening, Russian as foreign language, teaching, video-materials, communicative competence

Article history: received 06.02.2022; accepted 17.06.2022.

For citation: Gorozhankina, T., & Grechukhina, V. (2022). Authentic video materials as a means of shaping communicative competence in Russian among Spanish and Dutch learners. *Russian Language Studies*, 20(4), 483–499. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-483-499>

References

- Akbari, O., & Razavi, A. (2016). Using authentic materials in the foreign language classrooms: Teachers' perspectives in EFL classes. *International Journal of Research Studies in Education*, 5(2), 105–116. <http://doi.org/10.5861/ijrse.2015.1189>
- Azimov, E.G., & Shhukin, A.N. (2009). *New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practices of teaching languages)*. Moscow: Izdatel'stvo IKAR Publ.
- Artamonova, G.V. (2016). Authentic video as a means of increasing students' motivation to study independently. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 5(4), 51–54. (In Russ.)
- Avdeeva, I.B., Vasileva, T.V., & Levina, G.M. (2001). Methodology of training Russian for foreign students-engineers. *The World of Russian Word*, (4), 55–62. (In Russ.)
- Bolshakova, N.G., & Nizkoshapkina, O.V. (2019). Training contextual guess based on word-formation analysis in the process of independent reading. *Pedagogical Review*, (2), 56–65. <http://doi.org/10.23951/2307-6127-2019-2-56-65>
- Chukavina, V.S. (2020). *Use of authentic materials in home-based teaching of a foreign language to children* (degree final project, Ekaterinburg). (In Russ.)
- Dornyei, Z., & Csizer, K. (2002). Some dynamics of language attitudes and motivation: Results of a longitudinal nationwide survey. *Applied Linguistics*, 23(4), 421–462. <http://doi.org/10.1093/applin/23.4.421>
- Golub, E.Z. (2015). Authentic texts in teaching reading at the lessons of Russian as a foreign language. In I.V. Bud'ko (Ed.), *Ethnocultural and Sociolinguistic Aspects of Theory and Practice of Language Teaching* (pp. 99–104). Minsk: BNTU Publ. (In Russ.)
- Gridneva, N.A., & Vladimirova, S.M. (2018). The use of authentic video in Russian as foreign language teaching on A1 level. *Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*, 15(3), 36–48. (In Russ.)
- Haleeva, I.I. (1989). *The foundations of the theory of teaching the foreign speech understanding*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. (In Russ.)
- Hapochka, I.K. (1978). On consistency in the methodology of teaching reading. In A.A. Amelchonok & O.A. Lapteva (Eds.), *Russian Language: Teaching the Russian Language to Students and Non-Philological Specialists* (pp. 156–166). Moscow.
- Herron, C., & Seay, I. (1991). The effect of authentic oral texts on student listening comprehension in the foreign language classroom. *Foreign Language Annals*, 24(6), 487–495.
- Klimova, G.S., & Svetova, E.A. (2012). Integrating video-materials into ELT classes aimed at students of the humanities. *Science and School*, (4), 99–103. (In Russ.)
- Lapuckaja, I.I. (2014). Methodological argumentation of using authentic videomaterials in a course of Russian as a foreign language. *Scientific Readings in Honor of Karpov: Collection of Scientific Articles* (pp. 189–193). Minsk: IVC Minfina Publ.
- Miller, M. (2005). *Improving aural comprehension skills in EFL, using authentic materials: An experiment with university students in Nigata, Japan* (unpublished master thesis). UK: University of Surrey.
- Mirzoeva, L.Ju. (2016). Use of authentic materials for listening skills improvement. *Mezhdunarodnyi Zhurnal Eksperimental'nogo Obrazovaniya*, (4–2), 254–258. (In Russ.) Retrieved June 7, 2022, from <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=9779>
- Otte, J. (2006). Real language to real people: A descriptive and exploratory case study of the outcomes of aural authentic texts on the listening comprehension of adult ESL stu-

- dents enrolled in an advanced ESL listening course. *Dissertation Abstracts International*, 67(4), 12–46.
- Revina, E.V. (2015). The use of authentic video materials in language teaching. *Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*, 12(4), 98–103. (In Russ.)
- Romanova, S., Rubtsova, E., & Simms, E. (2021). The use of authentic videos in teaching Russian conversation outside the language environment. *European Journal of Foreign Language Teaching*, 5(3), 107–117. <http://doi.org/10.46827/ejfl.v5i3.3618>
- Thanajaro, M. (2000). *Using authentic materials to develop listening comprehension in English as a foreign language classroom* (unpublished doctoral dissertation). Virginia: Virginia Polytechnic Institute and State University.
- Vladimirova, T.E., Nahabina, M.M., Soboleva, N.I., & Andrjushina, N.P. (2001). *State standard for Russian as a foreign language. Elementary level*. Moscow, St. Petersburg: Zlatoust Publ. (In Russ.)
- Zimnjaja, I.A. (1991). *Psychology of teaching foreign languages at school*. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russ.)

Bio notes:

Tamara Gorozhankina, PhD, teacher of Russian as foreign language, Russian Center, University of Granada, 18 Paz St, Granada, 18002, Kingdom of Spain. *Research interests*: teaching Russian as foreign language, discourse, quality of translation, translation of tourist texts, Russian-Spanish translation. ORCID: 0000-0002-5871-321X. E-mail: gorozhankina.tamara@gmail.com

Vera Grechukhina, PhD, teacher of Russian as foreign language, Academic Language Center, Leiden University, 1 Cleveringplats, Leiden, 2311, Netherlands. *Research interests*: teaching Russian as a foreign language, pragmalinguistics, literary translation. ORCID: 0000-0002-9684-566X. E-mail: vvgrechukhina@gmail.com

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4-500-514

Научная статья

Лингводидактический потенциал семиотически неоднородных текстов в обучении русскому языку школьников Казахстана

К.Н. Жаппаркулова , Ж.К. Туймебаев , Б.У. Джолдасбекова

*Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Республика Казахстан, 050040, Алма-Ата, пр-кт Аль-Фараби, д. 71*

 karlygash.zhapparkul@gmail.com

Аннотация. Освещаются вопросы функционирования и описания семиотически неоднородных текстов в методике преподавания русского языка. Традиционные методы применения семиотически неоднородных текстов в организации образовательного процесса сохраняют свое значение, но вместе с тем необходима трансформация научных подходов к анализу проблем, обусловленных рефлексивной природой, ситуативной изменчивостью цифрового контента в образовании. Цель работы – выявление и описание лингводидактического потенциала семиотически неоднородных текстов, используемых на занятиях по русскому языку в школах Казахстана. Применялись методы комплексного теоретического анализа научной и учебной литературы по семантически неоднородным текстам, а также обзорного метода изучения и обобщения педагогического опыта учителей русского языка в школах Алма-Аты. В качестве источников для исследуемого материала выбраны печатные семиотически неоднородные тексты из серии учебников по русскому языку и литературе общеобразовательной школы с казахским языком обучения (7, 8, 9 классы), а также видеоролики литературных миниатюр Е. Посашковой, размещенные на YouTube-канале. Доказано, что раскрытие лингводидактического потенциала семиотически неоднородных текстов осуществляется на основе системы специальных заданий и упражнений. Предложена авторская методика работы с семиотически неоднородными текстами на занятиях по русскому языку в школах Казахстана. Выявлен их лингводидактический потенциал, направленный на запоминание основного содержания текста, развитие навыков основных видов речевой деятельности и аспектов языка, воздействие на воображение, эмоции, подсознание обучающихся, обеспечение продуктивности коммуникации в новой информационно-коммуникативной среде. Перспективным для исследования является изучение функциональной нагруженности вариативных компонентов семиотически неоднородных текстов, их гипертекстовых связей и реализации в практике преподавания русского языка в казахстанских школах.

Ключевые слова: русский язык, преподавание, школы Казахстана, семиотически неоднородные тексты, лингводидактика, электронные средства обучения

История статьи: поступила в редакцию 25.02.2022; принята к печати 18.06.2022.

Для цитирования: *Жаппаркулова К.Н., Туймебаев Ж.К., Джолдасбекова Б.У.* Лингводидактический потенциал семиотически неоднородных текстов в обучении русскому языку школьников Казахстана // Русистика. 2022. Т. 20. № 4. С. 500–514. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-500-514>

© Жаппаркулова К.Н., Туймебаев Ж.К., Джолдасбекова Б.У., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Модернизация образовательного пространства в мире, в том числе и Казахстане, «экспансионизм» современной науки обусловили расширение области теоретических и прикладных исследований в рамках электронной лингводидактики, а также разработку специализированных направлений обучения, фокусирующихся на методологии визуального способа представления учебно-языковой информации, то есть осмыслении основных семиотических характеристик (поликодовость и гипертекстуальность), соотношении словесного (вербального) и визуального (иконического, анимационного) компонентов, синтеза вербальных средств общения с невербальными средствами, которые принадлежат к иным знаковым системам.

Среди электронных дидактических средств обучения, используемых на занятиях по русскому языку в школах Казахстана, особое место занимают тексты, в структуру которых включены семиотически разнородные элементы.

В современной научной литературе используется целый ряд терминологических обозначений текстов, для которых характерен «синтез вербальных и невербальных компонентов, – тексты поликодовые, креолизованные, видеовербальные, лингвовизуальные, медиа, контаминированные, составные, семиотически осложненные и др». (Максименко, 2012: 93). Терминологическое разнообразие объясняется сложностью анализа структуры, функционирования и описания такого рода текстов, различиями в подходах к их пониманию и классификации компонентов. В нашем исследовании мы будем использовать обобщающее терминосочетание «семиотически неоднородный текст». Выбор обусловлен его семантической прозрачностью и описательным характером, основанным на понимании семиотического кода как специфической знаковой системы.

Под *семиотически неоднородным текстом* мы понимаем текст, сочетающий элементы различных знаковых систем – как вербальной, так и невербальных.

В настоящее время изучение методов применения семиотически неоднородных текстов в организации образовательного процесса и в преподавании русского языка остается актуальной исследовательской проблемой. Так, описана значимость поликодовых текстов для академического дискурса (Попова, Колесова, 2020; Luchinskaya et al., 2021; Pervukhina, Lysova, 2021), проанализированы особенности использования поликодовых и полимодальных текстов в профессионально ориентированном обучении РКИ (Галкина и др., 2021; Кузьмина, Красицова, 2021), представлен этноориентированный подход при работе с учебными поликодовыми текстами на уроках РКИ (Шмалько-Затиная, 2021), учтена роль семиотических неоднородных текстов при подготовке учебника по РКИ (Коздра, 2019) и др. Есть исследования, посвященные поликодовой сущности художественного текста (Samokhina et al., 2022), развитию коммуникации на основе семиотически неоднородных текстов (Gnezdilova, Bugaeva, 2021).

Нам представляется, что традиционные методы применения семиотически неоднородных текстов в организации образовательного процесса и в преподавании русского языка сохраняют свое значение, но вместе с тем необ-

ходима трансформация научных подходов к анализу проблем, обусловленных рефлексивной природой, ситуативной изменчивостью цифрового контента, так как специфический путь конструирования образовательного контента на основе семиотически неоднородного восприятия действительности (широкая наглядность, интерактивность, диалогичность, доступность) повышает эффективность коммуникативного воздействия на обучающихся и обеспечивает формирование их коммуникативной компетенции.

«С появлением множества источников учебной информации со встроенными электронными инструментами изменяются структура, функции, типология информационно-коммуникативных систем»: созерцательное состояние обучающихся сменяется на активное участие в учебном процессе, вовлечением их в процесс познания (рефлексия, ситуативная изменчивость), в создании мультимедийных проектов, приобретении нового научного знания (Dugin, 2019: 12). Такие онлайн-формы обучения (видеоконференции, аудиоконференции, онлайн-вебинары и многие другие) «благодаря цифровой среде могут сочетать в себе свойства индивидуализированного преподавания и обучения, а глобальная сеть Интернет приобретает свойства домашнего информационно-коммуникативного центра и позволяет удовлетворять как познавательные, так и коммуникативные потребности обучающихся» (Dugin, 2019: 14).

Соглашаясь с А.Г. Сониным, отметим, что стремление к максимальному использованию мультимедийных технологий, позволяющих создавать тексты, сочетающие варианты семиотических компонентов, «обусловлено эволюцией поликодового восприятия современных синтетических текстов» (Сонин, 2005: 106). Такая эволюция сопровождается формированием нового « сетевого (насмотренного)» поколения обучающихся, окруженных «креолизованными» текстами (Аниськин и др., 2018: 58). В связи с этим в образовательном пространстве появляется поток текстов, интегрирующих вербальные и невербальные составляющие, происходит «разрушение стен аудиторий», комбинируется онлайн- и офлайн-обучение, сближается и взаимно «прорастает» мир реальный и виртуальный (Аниськин и др., 2018: 58).

В связи с этим полагаем, что в современных условиях проектирование образовательного процесса должно реализовываться с применением семиотически неоднородных текстов, так как специфический путь конструирования образовательного контента на основе поликодового восприятия действительности (широкая наглядность, интерактивность, диалогичность, доступность) повышает эффективность коммуникативного воздействия на обучающихся и обеспечивает формирование коммуникативной учащихся в образовательных школах.

Цель исследования – выявить и описать лингводидактический потенциал семиотически неоднородных текстов, используемых на занятиях по русскому языку в школах Казахстана.

Методы и материалы

Материалом исследования послужили семантически неоднородные тексты, используемые на занятиях по русскому языку в казахоязычной аудитории. В качестве источников исследуемого материала были выбраны: для

анализа печатных семиотически неоднородных текстов – серия учебников по русскому языку и литературе общеобразовательной школы с казахским языком обучения (для 7, 8, 9 классов)¹, для анализа семиотически неоднородных текстов, включающих видео и звуковой ряд, – видеоролики литературных миниатюр Е. Посашковой, размещенные на канале YouTube².

В исследовании принимали участие школьники города Алматы (общее количество – свыше 500 человек) в период с 2019 по 2021 год.

Дидактический потенциал оценивался на основе комплексного теоретического анализа семантически неоднородных текстов, а также обсервационного метода изучения и обобщения педагогического опыта использования семантически неоднородных текстов на уроках русского языка в школах Казахстана.

Результаты

Выявлен лингводидактический потенциал семиотически неоднородных текстов, используемых на занятиях по русскому языку в школах Казахстана. Основным преимуществом использования семантически неоднородных текстов является их значимость для моделирования учебного процесса, формирующегося при взаимодействии языковых единиц и широкого экстралингвистического контекста (схем, таблиц, репродукций, фотографий, музыкального сопровождения и т. д.).

Определены приемы работы с семиотически неоднородными текстами в учебниках по русскому языку и литературе общеобразовательной школы с нерусским языком обучения в Казахстане.

Предложены задания и упражнения, которые способствуют прочному усвоению семиотически неоднородных текстов на занятиях по русскому языку.

Доказано, что семиотически неоднородные тексты не только способствуют запоминая основного содержания, но и направлены на развитие навыков основных видов речевой деятельности и аспектов языка. Они являются средством воздействия на воображение, эмоции, подсознание обучающихся, обеспечивают продуктивность коммуникации в новой информационно-коммуникативной среде и эффективное усвоение дидактического материала на русском языке.

Обсуждение

Семиотически неоднородные тексты в аспекте лингводидактики

Семиотически неоднородные тексты следует рассматривать «как лингвокультурологический феномен, отражающий в вербально-визуальной форме национально-культурную картину мира», знакомство с которой позволяет

¹ Жанпейс У.А. Русский язык и литература : учебник для 7 класса общеобразовательной школы с казахским языком обучения. Алматы : Атамұра, 2017. 288 с.; Жанпейс У.А. Русский язык и литература : учебник для 8 класса общеобразовательной школы с казахским языком обучения. Алматы : Атамұра, 2018. 192 с.; Жанпейс У.А. Русский язык и литература : учебник для 9 класса общеобразовательной школы с казахским языком обучения. Алматы : Атамұра, 2019. 208 с.

² Вдумчивое чтение. URL: <https://www.youtube.com/@user-ek4ix6md6x/about>

казахстанским учащимся усвоить русский язык через призму культурных явлений (Харченкова, 2014: 12).

Вербальный компонент семиотических неоднородных текстов включает основные признаки: связность, цельность и содержательное единство. Сочетаясь с визуальным компонентом, он привлекает внимание учащихся и акцентирует его на ключевых компонентах текста (например, в художественном тексте – на месте действия, персонажах и их поступках). Обращение к визуальному ряду позволяет имплицировать вербальный текст и сочетать разные семиотические элементы, помогающие понять языковые образные компоненты при чтении текста на русском языке.

Семиотические вербальные и невербальные компоненты имеют особенности с точки зрения этапов их восприятия, роли для переработки и хранения, усвоения и рефлексии содержания текстов. В психолингвистике изучены процессы произведения речи с помощью разнообразных видов зрительных опор, когда ключевым оказывается универсальный предметный код, имеющий сложную структуру и обеспечивающий обработку как вербальных компонентов, так и невербальных способов информационного общения (Жинкин, 1982). В текстах с разным сочетанием семиотических кодов основу визуального «текста» составляет потенциальный, имплицитный вербальный текст, то есть варианты «интеграции вербальных и невербальных элементов формируют устойчивую систему отношений, которая функционирует как категориальная система и, соответственно, дублирует (или заменяет в некоторых случаях) категориальную систему естественного языка» (Харченкова, 2014: 45). Таким образом, при восприятии семиотически неоднородных текстов в сознании человека (в нашем случае – ученика средней школы) происходят постоянные переходы «из визуального кода в вербальный и наоборот» (Жинкин, 1982: 101).

Функциональность семиотически разнородных компонентов в текстах варьируется. В учебниках по русскому языку общеобразовательной школы Казахстана с нерусским языком обучения невербальная составляющая текста является обязательной, сочетает целый ряд функций и обеспечивает соблюдение принципа наглядности. Специфика преподавания русского языка в казахстанской средней школе заключается в тесном контакте с преподаванием русской литературы, поэтому художественный текст оказывается одним из основных методических инструментов в обучении русскому языку.

Анализ семиотически неоднородных текстов в учебниках по русскому языку и литературе (Казахстан)

Для анализа лингводидактического потенциала семиотически разнородных элементов рассмотрим текст из учебника по русскому языку и литературе для 8 класса общеобразовательной школы с нерусским языком обучения (рис. 1).

Сопровождающая текст иллюстрация повышает продуктивность чтения через зрительное восприятие ситуации, передачу мыслей, чувств автора и героев произведения. Синкретичное единство вербальных и невербальных компонентов, на наш взгляд, не только способствует пониманию содержания текста, запоминанию русских лексических единиц (цветом выделены

семантически связанные вербальные и иконические знаки), но и позволяет учащимся осмыслить идейное содержание и подтекст произведения.

3 Прочитайте 6-ю главу романа (в сокращении). Ответьте одним предложением на вопрос: «Какой случай произошёл в Зимогорске?»

Диктор кончил читать сообщение, и наступила пауза. Чудинов ждал: может быть, повторят. И действительно, после щелчка в репродукторе послышалось:

«Внимание, говорит Зимогорский радиоузел. Повторяем наше сообщение: в районе рудника и аэропорта пургой застигнут ребёнок из интерната. На спасение заблудившегося мальчика вышли лыжники из города. В аэропорту организована лыжная поисковая партия. Приглашаются добровольцы-лыжники»

У гостиницы ветер рвал пламя факелов, которые держали лыжники. – Есть лыжи свободные? – спросил выбежавший из подъезда Чудинов. Маша Богданова, услышав его голос, одним толчком подъехала поближе, вгляделась, не веря своим глазам, но всё же в свете факелов узнала начальника.

– Степан Михайлович, вы? Вам же трудно... Вы же...

– Ну-ка... лыжню! – крикнул он властным и звучным голосом. Все вольно-попятясь, отступая. И он унёсся в метельную темь, сразу с места уверенно взяв сильный ход.

Жутко было сейчас человеку в поле. Наташа упорно пробивалась сквозь бушующую стену пурги. Наташа была опытной лыжницей.

Через минуту она уже поднимала за плечи полузамёрзшего, совсем ослабшего мальчика.

Полузамёрзшая Наташа, прикрыв собой от ветра Сергунка, прикорнула на руках с ним за сугробом. Девушку и мальчика уже почти занесло снегом. Оба были недвижны. Наташу вывело из беспамятества ощущение чего-то обжигающего во рту. Она судорожно закашлялась, отглатывая руку, которая вливала ей почти насильно в рот коньяк из фляжки.

Рис. 1. Фрагмент текста с иллюстрацией из учебника по русскому языку и литературе 8 класса общеобразовательной школы с нерусским языком обучения (фрагмент произведения Л.А. Кассиля «Ход белой королевы»); разметка авторов статьи³

Поликодовость в данном примере переводит учащегося с информационного уровня на смысловой, процесс восприятия художественного текста рассматривается через органическое смысловое единство содержания текста и иллюстраций, причем вербализованная часть произведения является ведущей, а иллюстрация служит отправной точкой к наполнению слова субъективным содержанием («видениями»), то есть развитию ответного высказывания учащихся. Сочетание рисунка и заключенного в него вербального текста порождает множественность ассоциаций, впечатлений, способствует личностному включению в довольно сжатый, но эмоционально окрашенный художественный текст. Подведение учащихся к пониманию анализируемого текста осуществляется через эмоциональное восприятие состояния природы и поведения людей.

Использование подобных иллюстрированных текстов способствует формированию коммуникативной компетенции школьников: в них заложены потенциальные возможности для развития навыков чтения и говорения как основных видов речевой деятельности. Тем не менее реализация этих возможностей может осуществляться только при грамотном методическом руководстве педагога.

³ Жанпейс У.А. Русский язык и литература : учебник для 8 класса...

Так, в целях совершенствования текстовой деятельности школьников используются задания, направленные на восприятие, осмысление, понимание, усвоение содержания текстов. Назовем некоторые из них:

- *Выделите основную и второстепенную информацию.*
- *Найдите в произведении описание чего-то, кого-нибудь (восприятие образов литературных героев).*
- *Укажите фрагмент текста, где повествуется о ком-то, чем-то и т. п. (развитие эмоциональной отзывчивости при чтении).*
- *Поставьте уточняющие вопросы к смысловым частям текста.*

Однако, по нашему мнению, таких заданий недостаточно. Необходимы упражнения, которые ориентировали бы учащихся на визуализацию изучаемого текста. Вследствие этого в дополнение к основным заданиям следует предложить следующие:

- *Рассмотрите иллюстрацию.*
- *Найдите в тексте фрагмент, который ей соответствует.*
- *Определите, удалось ли художнику передать содержание данного фрагмента.*
- *Выскажите свое мнение.*

Использование иллюстрации и ее методическое сопровождение направлено на эффективное освоение содержательно-концептуальной информации текста и развитие коммуникативной компетенции школьников.

Методические приемы работы с семиотически неоднородными текстами динамического типа

Другим примером текстов со слиянием вербальных и невербальных элементов в единую структуру с синсемантическими отношениями являются тексты динамического типа, когда невербальные элементы представляют собой ряд сменяющих друг друга изображений. На уроках русского языка в казахоязычной аудитории такие тексты чаще всего включают фрагменты художественных произведений. В них понимание всего текста зависит от восприятия смыслов и значений образного мира. Изобразительный ряд наполняет воображаемый учениками мир предметами, определяющими специфику содержания, без которого текст утрачивает свою познавательную сущность.

С этой целью при адаптации процесса обучения к условиям формирования современного цифрового общества доминирующим становится вектор построения семантически неоднородных текстов: в их структуру включаются не только визуальные элементы, но и медиаданные – аудио- и видеофайлы, QR-коды. Они становятся полноценными составляющими, способствующими комплексному восприятию текста; содержат факты, в которых заключен подтекст, дополняя и усиливая смысловую нагрузку представляемого материала. Полагаем, что следует говорить об особом характере текстuality такого текста. Это не механическое соединение аудиовизуального ряда с вербальным кодом, а, как отмечает В.Е. Чернявская, «возникновение динамических отношений картинки с когнитивным модулем сознания»⁴.

⁴ Чернявская В.Е. Лингвистика текста : поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учебное пособие. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. С. 55.

В качестве примера таких текстов можно привести литературные миниатюры Е. Посашковой¹ (студия «Вдумчивое чтение»), размещенные в свободном доступе на YouTube-канале. Автор проекта Елена Посашкова создавала видеоролики для детей-носителей русского языка, однако, на наш взгляд, они могут стать эффективным инструментом и на уроках русского языка и литературы в школах Казахстана. В видеороликах текст представлен на экране и сопровождается специально подобранным видеорядом и музыкальной подложкой.

Например, литературная миниатюра⁵ по стихотворению И.А. Бунина «Листопад» включает:

- 1) письменный текст, поделенный на строфы;
- 2) звучащий текст, синхронизированный с представленным в кадре письменным текстом;
- 3) фотографии/анимированные изображения, соотнесенные по содержанию с текстом (строфой стихотворения);
- 4) закадровую музыку, передающую настроение стихотворения (автор музыкального произведения не указывается). Кадр представления компонентов представлен на рис. 2.

Рис. 2. Пример динамического семиотически неоднородного текста – фрагмент литературной миниатюры Е. Посашковой по стихотворению И.А. Бунина «Листопад»

Синхронизирование озвученного носителем языка вербального текста с его письменным вариантом позволяет решить несколько методических задач, среди которых, в первую очередь, – развитие навыков аудирования и чтения на русском языке. Восприятие русской речи направлено на акцентуализацию особенностей произношения, интонации, логических ударений, запоминание звучащего и письменного образов конкретного слова. Соединение визуального и музыкального ряда с вербальным способствует пониманию и запоминанию новых лексических единиц, усвоению образно-эстетического содержания текста.

Дополнив данный текст методическим материалом, можно обеспечить и решение задач, направленных на говорение и письмо. Важно отметить, что

⁵ Иван Бунин. Листопад // Вдумчивое чтение. 2020, 28 сентября. URL : <https://www.youtube.com/watch?v=SnB7PsPzgaI> (дата обращения: 25.01.2022).

в школе Казахстана русский язык и литература преподаются синтезировано, именно поэтому этот электронный ресурс, содержащий стихотворения, отрывки художественных текстов, целесообразно использовать для обучения русскому языку в казахском классе.

В качестве упражнений можно предложить задания разного типа. Рассмотрим их подробнее.

Для оценки общего **уровня понимания текста** может быть использована беседа по его содержанию после просмотра. Учитель может начать беседу с вопросов, стимулирующих говорение:

О чем этот текст? Какое настроение он передает? Чем восхищается автор? Что Вы почувствовали и о чем подумали, когда слушали и читали текст? А когда рассматривали фотографии?

Язык визуализации должен быть качественно осмыслен, поэтому трудно не согласиться с учеными, которые связывают необходимость осмысления с несколькими потребностями – «оптимизировать человеческое взаимодействие для повышения эффективности коммуникации, преодолеть скрытые стереотипы языка литературы, обеспечить открытость к новому общению» (Максименко, 2012).

Методически важно использовать словесные «поддержки», «знаки автора» и «навигационные знаки» для выделения слов-сигналов – опорных компонентов смысловых блоков, регулирующих переход в смежный интерконтекст (тема – подтема – микротема). Сюжетное построение семиотически неоднородных текстов с параллелизацией вербальных и невербальных компонентов открывает доступ к информационному тезаурусу и позволяет привлечь внимание обучающихся к структуре произведения, способствуя формированию навыков выявления темы текста, передачи сюжета, составление характеристики персонажей текста. С точки зрения лингводидактики на занятии по русскому языку как неродному с семиотически неоднородными текстами художественных произведений применимы задания с вербальными компонентами типа:

- *Укажите слова, выражающие тему (в абзаце, в тексте).*
- *Сформулируйте микротемы.*
- *Выделите наиболее значительные события и/или эпизоды и т. п.*

Для **словарно-лексической работы (языковой работы)** можно возвращаться к фрагментам видеоролика и использовать фотографии для конкретизации денотативных значений слов, которые могут быть новыми для учеников. В качестве упражнений можно использовать следующие задания:

- *Подберите синонимы к словам, обозначающим цвета (при назывании учитель показывает на предметы соответствующих цветов).*
- *Какая цветовая палитра представлена в осенних картинах, описанных И.А. Буниным?*

Обращение к **фоносемантике** способствует и отработке произношения русских звуков, и запоминанию лексем через ассоциативные ряды, и формированию эстетических образов художественного произведения. Ученикам можно предложить задание такого типа:

• *Найдите в стихотворении слова, в которых употребляются звуки, передающие дыхание осени.*

• *Какие еще звуки осени вы можете описать?*

Трудно не согласиться с Н.Н. Николаевой, которая пишет, что обучение на основе текстов, выполняющих суггестивную функцию – привлечение внимания путем внушения с целью создания положительного эффекта, обеспечивает реципиенту наиболее благоприятные условия для восприятия и понимания и позволяет «погружать» обучающихся в русскоязычную картину мира, развивать мыслительную деятельность (Николаева, 2016: 36).

Для работы с **глаголами** может использоваться визуальный компонент представленной видеоинформации. Так, видеоряд рассматриваемого ролика позволяет семантизировать следующие глаголы: *блестят, темнеют, синеют*, а также усвоить конструкции с глагольным управлением.

Предлагаются задания типа:

• *Найдите глаголы, обозначающие цвет.*

• *Подберите к ним синонимы и антонимы.*

Познавательная ценность компонентов (визуального и аудиального) делает возможным продуктивное усвоение, восприятие и употребление учащимися **тропов** в русской речи (в совокупности их семантической и стилистической значимости). С этой целью могут быть использованы задания такого типа:

• *Найдите в тексте эпитеты.*

• *Выделите сравнения и метафоры.*

Рассматриваемые тексты также могут эффективно использоваться при обучении **аудированию**. Предлагаемые задания:

• *Прослушайте видеозапись.*

• *Какое впечатление она произвела на вас?*

• *Как услышанное соотносится с текстом стихотворения И. Бунина?*

Аутентичный характер видеоинформации соответствует звучащему тексту, который необходимо не только прослушать, но понять.

Развитию коммуникативной цели учащихся способствует лингвокультурный контекст предлагаемой информации, позволяющий развивать навыки **говорения на русском языке**. С этой целью могут быть предложены задания типа:

• *Как вы думаете, что чувствовал И. Бунин, когда писал это стихотворение?*

• *Какие чувства он хотел передать нам, читателям?*

В качестве **письменной** работы можно предложить учащимся поразмышлять над вопросом: «*Стихотворение „Листопад“ И.А. Бунина. Как бы вы назвали это стихотворение иначе? Предложите свои варианты и обоснуйте их*».

Видеовербальные тексты: виртуальная доска Classroomscreen

Описанная выше методика работы с семиотически неоднородными текстами может быть дополнена работой с виртуальной доской Classroomscreen. Это объясняется тем, что развитие поликодового восприятия действительности с использованием информационных образовательных ресурсов поспо-

собствовало появлению видеOVERбальных текстов, содержащих вербальные и невербальные способы передачи информации в одном конструкте. Анализ таких текстов позволяет учащимся выявить значимость компонентов (вербальный текст – изображение) ситуации обобщения, поскольку восприятие образов, видеосопровождения текста и других невербальных компонентов происходит на русском через осознание понимания смысла и значения, то есть на основе движения от текста к изображению и обратно, происходит интерсемиотический перевод.

Примером создания заданий, включающих видеOVERбальные тексты, может послужить занятие с использованием виртуальной доски Classroomscreen (рис. 3).

Рис. 3. Пример использования интерактивной доски Classroomscreen как инструмента работы с поликодовыми текстами (опыт авторов)

В примере представлен экран интерактивной доски, позволяющей учащимся переключаться с одного текста на другой, совмещать работу с текстами, изображениями, видеозаписями, используя богатый инструментарий навигации, разметки, комментирования учебных материалов, планирования урока, контроля работы и т. д. Данный сервис обладает достаточными опциями и позволяет визуализировать вербальные компоненты, а иконические перевести на вербальный язык. Наглядное изображение (фотографии, рисунки, картинки, репродукции) может сопровождаться записанной речью или озвученными литературными текстами, обеспечивая комплексное воздействие на обучающегося и, как следствие, более эффективное усвоение материала. Интерсемиотический перевод видеoinформации (графика, цвет, мультипликация, звук), являясь материалом для сопоставления, сравнения, самостоятельного раскрытия лексического и семиотического уровня содержания, способствует погружению в русскоязычный текст, создает наглядный и выразительный образ, оптимальные условия для понимания и интерпретации текста в целом, а также способствует «эстетизации общения в виртуальном пространстве интернета» (Григорян, Стрельчук, 2021: 991). В случае работы с художественными текстами на русском языке видеoinформация (кинотексты, тексты учебных фильмов) стимулирует обучающихся выявлять композиционно-смысловую подчиненность визуальных и вербальных эле-

ментов, побуждает к поиску несовпадения информационного тезауруса читателя и замысла автора, то есть ставит обучающегося в позицию готовности к интерпретации языковых и экстралингвистических фактов и, соответственно, стимулирует активную интеллектуальную деятельность обучающихся, «способствует развитию навыков чтения и их продуктивности» (Stapleton, 2014: 98).

Заключение

В настоящее время поликодовое восприятие действительности трансформируется в многовекторную коммуникативную модель, которая может быть реализована на уроках русского языка при использовании семиотически неоднородных текстов. С появлением множества источников учебной информации, встраиванием электронных инструментов в образовательный процесс, изменяются структура, функции, типология информационно-коммуникативных систем: созерцательное состояние обучающихся сменяется на активное участие в учебном процессе. Создается новая, богатая по своим возможностям учебная среда, направленная на достижение педагогического результата в обучении русскому языку с использованием современных информационных средств.

Использование семиотически осложненных текстов в преподавании русского языка существенно облегчает решение многих лингвометодических задач. Сюжетно-изобразительные, звуковые и эмоционально-воздействующие возможности текстов, сочетающих вербальные и невербальные компоненты, позволяют моделировать новую языковую среду обучения, интенсифицировать формирование у обучающихся русскоязычной коммуникативной компетенции.

Перспективными направлениями дальнейшего изучения семиотически неоднородных текстов в обучении русскому языку представляются исследования функциональной нагруженности их вариативных компонентов, гипертекстовых связей, использование текстов со смешанной (транссемиотической) интертекстуальностью в методике преподавания русского языка и литературы в школах Казахстана.

Список литературы

- Аниськин В.Н., Аниськин С.В., Добудько Т.В., Пугач В.И.* Деятельность преподавателя в условиях электронной информационно-образовательной среды вуза : особенности и проблемы адаптации // Высшее гуманитарное образование XXI века : проблемы и перспективы : материалы XIII Международной научно-практической конференции. Самара : СГСПУ, 2018. С. 8–14.
- Галкина С.Ф., Филатова В.И., Юсаяев А.С.* Поликодовые и полимодальные тексты в профессионально ориентированном обучении РКИ // Мир русского слова. 2021. № 3. С. 103–112.
- Григорян А.А., Стрельчук Е.Н.* Русскоязычные диминутивы в социальной сети «Инстаграм»⁶ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка.

⁶ Социальная сеть «Инстаграм» признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 981–995. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-981-995>

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М. : Наука, 1982. 370 с.

Коздра М. Каким должен быть учебник по русскому языку как иностранному для взрослых учащихся // Русистика. 2019. № 1. С. 78–89. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-1-78-89>

Кузьмина Е.О., Красикова Н.А. Поликодовые тексты как лингвистический и методологический феномен в обучении русскому языку как иностранному // Наука и школа. 2021. № 5. С. 212–217. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2021-5-212-217>

Максименко О.И. Поликодовый vs. креолизованный текст : проблема терминологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С.93–101.

Николаева Н.В. О принципах систематизации учебного материала при изучении русского языка в современной поликультурной образовательной среде // Проблемы обучения русскому языку с этнокультурным компонентом образования. М. : Форум, 2016. С. 63–67.

Попова Т.И., Колесова Д.В. Поликодовый vs вербальный текст в академическом лекционном дискурсе // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11. № 3. С. 78–87. <https://doi.org/10.1872VJHSS.n306>

Сонин А.Г. Понимание поликодовых текстов : когнитивный аспект. М. : ИЯз РАН, 2005.

Харченкова И.В. Методика использования креолизованных немецкоязычных текстов как средства формирования лингвокультурологической компетенции студентов-германистов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2014. 25 с.

Харченкова И.В. Методика использования креолизованных немецкоязычных текстов как средства формирования лингвокультурологической компетенции студентов-германистов : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2014. 279 с.

Шмалько-Затиная С.А. Использование поликодовых текстов в преподавании РКИ студентам стран АТР // Язык, культура, менталитет : проблемы изучения в иностранной аудитории : сборник научных статей XIX Международной научно-практической конференции (21–23 апреля 2021 г.). СПб. : РГПУ имени А.И. Герцена, 2021. С. 136–139.

Dugin E.Ya. Transformations of methodological constructs of the study of media in the conditions of digitalization of communications // *European Journal of Philosophical Research*. 2019. Vol. 6. No. 1. Pp. 12–21.

Gnezdilova E.V., Bugaeva I.V. Multimedia text as a communication tool // *Proceedings of the 2021 Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS*. Les Ulis : EDP Sciences, 2021. Pp. 149–153.

Luchinskaya E., Volkova R.A., Kabanyan B., Luchinsky Y. Polycode as a multimodality of academic discourse // *E3S Web of Conferences*. 2021. Vol. 273. Article 12160. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202127312160>

Pervukhina S., Lysova O. Ways of text adaptation by means of creolization in pedagogical discourse // *E3S Web of Conferences*. 2021. Vol. 273. Article 12162. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202127312162>

Samokhina V., Kuznietsova O., Pasyuk V. Polycode essence of postmodern comic literary text // *Theory and Practice in Language Studies*. 2022. Vol. 12. No. 9. Pp. 1711–1717. <https://doi.org/10.17507/tppls.1209.02>

Stapleton P. Language teaching research : encouraging more can be an interdisciplinary approach // *ELTJournal*. 2014. Vol. 68. No. 4. Pp. 432–441. <https://doi.org/10.1093/elt/ccu040>

Сведения об авторах:

Жаппаркулова Карлыгаш Нургалыкызы, старший преподаватель, кафедра русской филологии и мировой литературы, филологический факультет, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан, 050040, Алма-Ата, пр-кт Аль-

Фараби, д. 71. *Сфера научных интересов*: формирование полилингвальной и поликультурной языковой личности будущего учителя русского языка и литературы, инновации в образовании, лингводидактические возможности электронных средств обучения в формировании у обучающихся лингвомультимедийной компетентности и ее отдельных компонентов, теория лингводидактического тестирования, теория и методика преподавания русского языка, профессионально ориентированное обучение русскому языку иностранных учащихся нефилологического профиля. Автор более 20 научных публикаций. ORCID: 0000-0003-4238-4631. E-mail: karlygash.zhapparkul@gmail.com

Түйебаев Жансеит Кансеитович, доктор филологических наук, профессор, ректор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан, 050040, Алма-Ата, пр-кт Аль-Фараби, д. 71. *Сфера научных интересов*: прикладная лингвистика, тюркология, высшее образование в Казахстане, формирование полилингвальной и поликультурной языковой личности, обучение языкам с помощью инфокоммуникационных ресурсов, исследование научной и профессиональной сфер деятельности, инновации в образовании. Автор более 300 научных публикаций. ORCID: 0000-0001-5495-1686. E-mail: zhanseytt@mail.ru

Джолдасбекова Баян Умирбековна, член-корреспондент Национальной академии наук Республики Казахстан, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан, 050040, Алма-Ата, пр-кт Аль-Фараби, д. 71. *Сфера научных интересов*: теория и методика преподавания русского языка, теория лингводидактического тестирования, формирование полилингвальной и поликультурной языковой личности будущего учителя русского языка и литературы, инновации в образовании, лингводидактические возможности электронных средств обучения в формировании у обучающихся лингвомультимедийной компетентности и ее отдельных компонентов, эффективные пути обучения языку с помощью инфокоммуникационных ресурсов. Автор 300 научных публикаций. ORCID: 0000-0003-1217-4799. E-mail: dzoldasbekovab@gmail.com

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4-500-514

Research article

Linguodidactic potential of semiotically heterogeneous texts in teaching Russian to Kazakh schoolchildren

Karlygash N. Zhapparkulova^{ID}✉, Zhanseit K. Tuyembayev^{ID},
Bayan U. Dzholdasbekova^{ID}

*Al-Farabi Kazakh National University,
71 Al-Farabi Ave, Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan*

✉ karlygash.zhapparkul@gmail.com

Abstract. The authors characterize functioning of semiotically heterogeneous texts in the methodology of teaching the Russian language. Traditional methods of applying semiotically heterogeneous texts in the educational process are still important, but at the same time it is necessary to transform the scientific approaches to analysing the problems caused by the reflexive nature and situational variability of digital content in education. The aim of the work is to identify and describe the linguodidactic potential of semiotically heterogeneous texts used in Russian language classes in Kazakhstan schools. Methods of comprehensive theoretical analysis of scientific and educational literature on semiotically heterogeneous texts, as well as observational method of studying and summarizing the pedagogical experi-

ence of Russian language teachers in Almaty schools were used. The printed semiotically heterogeneous texts from the series of textbooks on the Russian language and literature of the Kazakh language school (7th, 8th, 9th grades), as well as the video clips of literary miniatures by E. Posashkova on YouTube channel were chosen as the sources for the study material. It was proved that the linguodidactic potential of semiotically heterogeneous texts is disclosed on the basis of a system of special tasks and exercises. The authors' method of analysing semiotically heterogeneous texts in Russian language classes in Kazakhstan schools is offered. Their linguodidactic potential aimed at memorizing the main content of the text, developing the skills in the main types of speech activity and language aspects, influencing the students' imagination, emotions, subconsciousness, ensuring the productivity of communication in the new information and communication environment is revealed. Prospective for the study is the study of the functional load of variative components of semiotically heterogeneous texts, their hyper-textual connections and implementation in teaching Russian in Kazakh schools.

Keywords: Russian language, teaching, Kazakhstan schools, semiotically heterogeneous texts, linguodidactics, electronic teaching tools

Article history: received 25.02.2022; accepted 18.06.2022.

For citation: Zhapparkulova, K.N., Tuyembayev, Zh.K., & Dzholdasbekova, B.U. (2022). Linguodidactic potential of semiotically heterogeneous texts in teaching Russian to Kazakh schoolchildren. *Russian Language Studies*, 20(4), 500–514. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-500-514>

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4-515-530

Научная статья

Обучение уйгуров русскому языку в вузах КНР: педагогический инструментарий национально ориентированной методики

Е.Н. Стрельчук , Ш. Илихаму

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

 Strelchukl@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется поиском компромисса в обучении уйгуров русскому языку в вузах КНР. Имея особые ментальные, культурные и языковые черты, уйгуры обучаются по программам, ориентированным только на китайскую аудиторию и не учитывающим особенности национальных меньшинств. Цель исследования – рассмотреть основы национально ориентированной методики обучения уйгуров русскому языку в вузах КНР и предложить ее педагогический инструментарий. Материалами послужили труды ученых по национально ориентированному обучению и методике преподавания РКИ, работы по истории, культуре уйгурского народа, а также анкетирование уйгурских студентов и преподавателей, обучающихся и работающих в Пекинском государственном университете. Использовались методы комплексного теоретического анализа и опросно-диагностический. Проанализирован культурно-исторический путь уйгуров, обусловивший их ментальные особенности, которые необходимо учитывать при разработке национально ориентированной методики. Результаты анкетирования позволили выявить специфику обучения уйгуров русскому языку и охарактеризовать основные трудности, с которыми сталкиваются студенты в вузах КНР. Определены пути решения обозначенных трудностей путем разработки национально ориентированной методики обучения уйгуров русскому языку и предложен ее педагогический инструментарий. Перспективой исследования является апробация предложенных основ национально ориентированного обучения уйгуров русскому языку в вузах КНР и их дальнейшая разработка.

Ключевые слова: национально ориентированная методика, обучение русскому языку, Китай, уйгуры, русский язык как иностранный, педагогический инструментарий

История статьи: поступила в редакцию 03.04.2022; принята к печати 18.07.2022.

Для цитирования: Стрельчук Е.Н., Илихаму Ш. Обучение уйгуров русскому языку в вузах КНР: педагогический инструментарий национально ориентированной методики // Русистика. 2022. Т. 20. № 4. С. 515–530. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-515-530>

Введение

В эпоху глобализации значительно возрастает роль межкультурного общения. Оно проникает во все сферы жизни людей, вследствие чего увеличивается интерес к изучению иностранных языков. На фоне развития всестороннего укрепления российско-китайских отношений особую популярность получил русский язык, который изучают не только китайцы.

«Исторический путь Китая развивался таким образом, что на протяжении многих веков к нему присоединялись малочисленные этносы», в том числе и уйгуры (Antropova et al., 2018: 49). Это этническое меньшинство является самым многочисленным в стране и в настоящее время насчитывает около 10 миллионов человек. По мнению ученых, «официальным централизованным государством современных уйгуров считается именно Восточный Туркестан – провинция Синьцзян» (Чвырь, 2006: 10).

Несмотря на то, что правительство Китая «на законодательном уровне поддерживает национальные меньшинства, на всей территории КНР» (Cheng, 2019: 118), в том числе в СУАР (Синьцзян уйгурский автономный округ) с преобладающим уйгурским населением, обучение родному и иностранным языкам ориентировано, прежде всего, на китайскую аудиторию. В образовательных учреждениях до сих пор действуют обязательные китайские церемониалы, без которых не обходится ни один процесс обучения. Основная доля общения «осуществляется также на китайском языке» (Ли, 2020: 436). Уйгурам приходится соблюдать установившиеся государственные правила и обычаи. Ученые связывают это с политико-религиозной составляющей. По мнению В.К. Тихонова, речь идет не только об «идее превосходства Поднебесной» (Тихонов, 2018: 38), продиктованной конфуцианством. По большей части это связано со стремлением КНР защитить свою безопасность и суверенитет в условиях полинационального соседства.

В вузах КНР обучение уйгуров русскому языку осуществляется также с опорой на китайский язык, приобретенный ими в результате билингвизма. Знакомясь с особенностями структуры русского языка, усваивая лингвокультурные единицы, уйгуры невольно сопоставляют его не с родным, уйгурским, а китайским языком. Более того, процесс обучения русскому языку осуществляется с учетом методики, «ориентированной только на китайских учащихся» (Yusufu, 2020: 172). Это касается и полигрупп, в которых уйгуры учатся вместе с китайцами, и немногочисленных этногрупп, в которых учатся только одни уйгуры.

Хотя, как справедливо отмечают востоковеды, уйгуры и китайцы с самого начала своего существования шли по разным путям, вследствие этого они «кардинально отличаются друг о друга в культурном, религиозном и ментальном плане», у них разные языки, языковые группы, к которым эти языки относятся (Кадырбаев, 2017: 96).

В связи с этим актуальность приобретает вопрос национально ориентированной методики обучения уйгуров русскому языку в условиях отсутствия языковой среды, в нашем случае – в вузах КНР. По мнению ученых-методистов, «национально ориентированная методика» должна учитывать «особенности языка и культуры носителей изучаемого языка» (Азимов, Щукин, 2009), «строится на основе сопоставления сходств и различий родного и

изучаемого языков» «при учете национальных особенностей студентов, за счет чего повышается эффективность обучения» (Ван, 2021: 49).

Следует отметить достаточно большой объем исследований по обозначенной теме. Так, В.Н. Вагнер принадлежит ряд фундаментальных работ в этой области: «Национально ориентированная методика в действии» (Вагнер, 1988), «Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа: Фонетика. Графика. Словообразование. Структуры предложений, порядок слов» (Вагнер, 2001) и мн. др. Позже Т.М. Балыхина и Ю. Чжао (Балыхина, Чжао, 2010), а также В.К. Тихонов (Тихонов, 2018) изучили вопросы этнометодики в китайской аудитории, О.П. Быкова – корейской (Быкова, 2011), О.А. Беженарь – итальянской (Беженарь, 2017), Т.А. Кротова – арабской (Кротова, 2015).

Однако работы, которые бы рассматривали специфику национально ориентированной методики обучения уйгуров русскому языку, ее педагогический инструментарий, под которым понимается «совокупность инструментов, используемых в педагогической деятельности преподавателя», отсутствуют (Стрельчук, 2019: 17).

Цель исследования – рассмотреть основы национально ориентированной методики обучения уйгуров русскому языку в вузах КНР и предложить ее педагогический инструментарий.

Методы и материалы

В исследовании использовались следующие методы: комплексного теоретического анализа и опросно-диагностический.

Материалами исследования послужили:

- труды ученых по национально ориентированному обучению и методике преподавания РКИ, а также работы по истории, культуре уйгурского народа;
- анкетирование уйгурских студентов 1–4 курсов (55 человек), изучающих русский язык в Пекинском государственном университете;
- анкетирование преподавателей (8 человек), работающих в Пекинском государственном университете.

В рамках анкетирования преподавателям было предложено ответить на следующие вопросы:

- *Какие отрицательные черты обучения уйгуров русскому языку вы можете выделить?*
- *С какими трудностями сталкиваются уйгуры при изучении русского языка в Пекинском государственном университете?*

В качестве респондентов выступали уйгурские учащиеся в возрасте от 18 до 24 лет. Им были предложен следующий вопрос: «С какой целью вы изучаете русский язык?»

Вопросы предполагали свободные варианты ответов.

Результаты

Основные результаты исследования заключаются в следующем:

- проанализирован культурно-исторический путь уйгуров, обусловивший их ментальные особенности, которые необходимо учитывать при разработке национально ориентированной методики;

- обозначена специфика обучения уйгуров русскому языку в вузах КНР;
- выявлены основные трудности, с которыми сталкиваются уйгуры при изучении русского языка в вузах КНР;
- определены пути решения обозначенных трудностей путем разработки национально ориентированной методики обучения уйгуров русскому языку;
- предложен педагогический инструментарий национально ориентированной методики обучения уйгуров русскому языку в вузах КНР.

Обсуждение

Национально-культурная идентичность уйгуров, проживающих в КНР

Для того, чтобы понять особенности менталитета уйгуров, необходимо обратиться к историко-культурным фактам жизни этого народа. Так, к предкам уйгуров относятся древнетюркские племена, которые в VIII веке создали свое государство – Уйгурский Каганат. Еще раньше в Турфанской впадине в результате раскопок были найдены некоторые артефакты, свидетельствующие о том, что «государство уйгуров – это главный центр культуры буддизма в Центральной Азии» (Камбери, 2018: 130).

Ученые, занимающиеся вопросами изучения исторического пути уйгуров, отмечают, что представители данного этноса шли по очень «трудному и парадоксальному пути в надежде прийти в итоге к своей идентичности, причем понятие и выражение идентичности меняется со временем и в пространстве» (Хайназаров, 2017: 51). Известный востоковед Д. Камбери в своей книге «Уйгуры и уйгурская идентичность» пишет о том, что «культура и искусство уйгуров развивались не только на основе наследования и сохранения их традиционной культуры, но также и через культурный обмен с другими народами на Востоке и Западе» (Камбери, 2018: 217). Позже культурный обмен повлиял на развитие экономики народа, что сделало Уйгурский Каганат в свое время одним из самых успешных государств в Средней Азии.

Однако история вносит свои значительные изменения в жизнь многих народов. В настоящее время уйгуры не имеют собственного государства и живут на разных территориях. «Многие из них являются гражданами Казахстана (315 тыс.), Киргизстана (32 тыс.) и Туркмении (14 тыс.)» (Хайназаров, 2017: 53). Однако большинство живет в Китае, в Синьцзяне.

Следует отметить специфику уйгурского этноса и в качестве подтверждения привести известную пословицу, благодаря которой можно понять особенности уйгурского самосознания. В переводе на русский язык она звучит так: «*Лучше быть головой теленка, чем копытом вола*» (в другой вариации: «*Лучше быть большой лягушкой в маленьком пруду, чем маленькой лягушкой в большом пруду*»). Смысл пословицы заключается в том, что уйгуры стремились сохранить свою свободу, независимость и идентичность при любых обстоятельствах. На протяжении многих веков этот народ выстраивал собственную духовную культуру, формировал национальные традиции и обычаи, письменность, следовал национальным религиозным убеждениям. При этом уйгуры всегда стремились отстаивать свои права и интересы, поэтому упомянутая пословица, варианты которой встречаются в ру-

копсиях XVI–XVII веков, не потеряла актуальности и сегодня, когда уйгуры живут в тесном взаимодействии с китайцами. С течением веков не изменилось их стремление к единству, не случайно слово «уйгур» обозначает «объединение», «союз» (Малов, 1997: 401). Уйгуры всегда были общительным и позитивным народом. С течением веков они сохраняют способность заводить друзей из других стран, «в силу своей жизнерадостности очень быстро находят общий язык с любым народом», характеризуются коммуникативным типом личности (Позднев, 1899: 101).

Большая часть современных уйгуров, проживающих на территории КНР, – это мусульмане суннитского толка. Многие формы национального искусства наполнены религиозной символикой (Чвырь, 2006: 88). Важно отметить, что в современном Синьцзяне Ислам для уйгуров является сильнейшим рычагом национального самосознания. Несмотря на влияние естественных современных течений и массовой культуры, в результате которой уйгурская молодежь все дальше отходит от традиций своего народа, стремление сохранить свою уникальность прослеживается в традициях и обычаях. Праздники и важные мероприятия всегда проходят при очень большом количестве людей. Уйгуры поют песни на родном языке, готовят национальные блюда. Их культура и религия не только отражают идентичность этноса, но и выступают инструментом сплочения нации на территории КНР.

В языковом плане уйгурский язык значительно отличается от китайского, он близок по своей структуре к узбекскому. Важно подчеркнуть, что многие уйгуры в КНР являются билингвами: они владеют уйгурским и китайским языками. Однако, несмотря на этот факт, степень владения китайским языком на разных территориях Китая существенно отличается.

В настоящей статье рассмотрена только часть ментальных и культурно-исторических особенностей. Однако даже они позволяют выявить конкретные специфические черты уйгурского народа:

- имеют древние исторические корни;
- расселены и проживают в разных государствах мира;
- отличаются независимостью и свободой;
- характеризуются идентичностью этноса;
- соблюдают и сохраняют национальные традиции и обряды;
- являются билингвами.

На основе этого вывода будут строиться дальнейшие рассуждения о том, каким должно быть национально ориентированное обучение уйгуров русскому языку в вузах КНР.

Мотивация в изучении русского языка

Опрос уйгурских студентов позволил выявить причины, по которым они изучают русский язык. Результаты представлены на рис. 1.

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что для большинства уйгуров, обучающихся в вузах Китая (59 %), главная цель в изучении русского языка заключается в том, чтобы иметь престижную должность, позволяющую заниматься международной, культурной, экономической деятельностью со знанием русского языка. Как правило, «в китайских учреждениях это государственные должности, на которые отмечается большая кон-

курения» (Кожевникова, Дудина, 2021: 225). Для того чтобы получить диплом о высшем образовании и в дальнейшем успешно трудоустроиться, студентам необходимо сдать «итоговое тестирование ТРЯ4¹, получение должности зависит от количества набранных баллов» (Сумэй, 2018: 121).

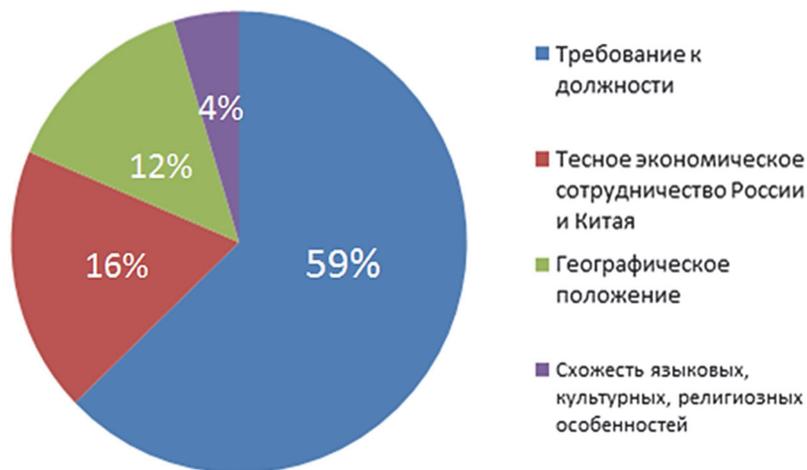

Рис. 1. Причины изучения русского языка уйгурами в вузах КНР

Для 16 % опрошенных главной целью изучения русского языка является тесное экономическое сотрудничество России и Китая, которое в свете последних мировых событий становится все актуальнее. Россия является долгосрочным экономическим партнером КНР. Благодаря важному стратегическому решению правительства Китая «по инициативе «Один пояс, один путь», Синьцзян-Уйгурский автономный район, где проживает наибольшее количество уйгуров, приобрел уникальное значение в привлечении в экономическую среду представителей этнических меньшинств» (Вдовина, 2013: 41). Работа в компаниях, где необходимо знание русского языка, становится привлекательной для многих из них.

Посчитали социально-географический фактор главной целью изучения русского языка 12 % опрошенных уйгуров Пекинского государственного университета. В связи с тем, что Китай и Россия граничат между собой, на территории обеих стран наблюдается большой миграционный поток. СУАР, расположенный на северо-западе Китая, также очень близок к России, а некоторые города в Синьцзяне соседствуют со странами Центральной Азии, где многие говорят по-русски, что является для уйгуров дополнительной мотивацией к изучению русского языка с целью дальнейшей организации совместной профессиональной, культурной и даже бытовой деятельности.

Для 4 % опрошенных мотивацией к изучению русского языка послужили сходства в языковых, культурных, религиозных чертах. Китай и Россия – два крупных многонациональных государства, где проживают представители различных религий и культур. Уйгуры и значительная часть рос-

¹ Тесты по русскому языку 4 уровня в КНР.

сиян являются мусульманами, что прослеживается в традициях, обычаях и даже языковых особенностях. Все перечисленное вызывает у уйгуров интерес к России и ее жителям, а также культуре, истории и языку.

Проблемы обучения уйгуров русскому языку в вузах КНР

Рассмотрим результаты анкетирования преподавателей Пекинского государственного университета. На вопрос «*Какие отрицательные черты обучения русскому языку уйгуров вы можете выделить в вашем университете?*» были даны следующие ответы. Результаты представлены на рис. 2.

Рис. 2. Отрицательные черты обучения русскому языку уйгуров в Китае

Согласно полученным данным, 35 % опрошенных преподавателей главную проблему обучения уйгуров русскому языку связывают с небольшим количеством практических занятий, которые не позволяют студентам развивать коммуникативные навыки и умения. Преподаватели уверены, что для общительных и открытых уйгуров процесс обучения должен быть более живым и естественным, нацеленным на упражнения, моделирующие различные коммуникативные ситуации. Китайские учащиеся не привыкли к «живому» общению на русском языке, для них важно сначала осмыслить саму систему русского языка, которая полностью отличается от системы родного языка. Поэтому обучение, как правило, «строится на заучивании текстов, лексических единиц, их постоянном повторении и переводе» (Сумэй, 2018: 121). Основной метод в обучении в вузах КНР – грамматико-переводной, поскольку большинство пособий и учебников содержат перевод на китайский язык. В результате значительная часть занятий проходит в форме лекций, а на отработку коммуникативных навыков и умений студентов отводится небольшое количество аудиторных занятий.

Поэтому 26 % опрошенных еще одной значительной проблемой считают неравномерное соотношение теоретических и практических часов, резкий крен в сторону теории. Преподаватели не исключают важности правил, перевода и тщательного изучения системы русского языка. Однако для того,

чтобы успешно овладеть коммуникативными навыками в социуме, необходимо «закреплять полученные сведения на практике» (Фурманова, 2014: 112).

Видят проблемы в большом количестве часов, которые уделяется фонетическому аспекту, 21 % опрошенных. Долгая и тщательная отработка фонетических навыков необходима только китайцам. Уйгуры же вследствие большого количества совпадений в русском и уйгурском языках не испытывают серьезных затруднений в освоении русской фонетики.

Отсутствие современных педагогических технологий на занятиях по русскому языку отметили 18 % преподавателей. Это объясняется тем, что религиозные аспекты, преданность китайским традициям накладывают отпечаток и на образовательный процесс. Так, например, идеи конфуцианства диктуют правила взаимодействия преподавателя и студентов, в которых действует четкая субординация, где преподаватель всегда «выше» студента, и даже в рамках учебного процесса китайские студенты не могут адекватно воспринимать современные педагогические технологии, где предполагается «равное общение с преподавателем» (Ли, 2020: 434), постоянное взаимодействие с ним (например, педагогика сотрудничества). По мнению ученых, китайцам трудно дается «осмысление и анализ русских текстов» (Antropova et al., 2018: 48), в силу темперамента они не склонны выражать свою точку зрения, развивать творческие способности. Между тем общительные по темпераменту уйгуры настроены на активное взаимодействие с преподавателем. На занятиях уйгуры стремятся к самовыражению, охотно работают в группах, открыты к новым и нестандартным формам обучения. Поэтому помимо традиционных методов обучения русскому языку, которых придерживаются китайцы на протяжении многих десятилетий, в работе с уйгурами необходимо использовать современные методы и педагогические технологии, направленные на развитие интереса к русскому языку, повышению мотивации в его изучении.

Подводя итог, следует резюмировать, что обучение русскому языку в вузах КНР, ориентированное на китайский контингент, не учитывает особенности менталитета уйгуров, их культуру и своеобразие языка. Даже в многонациональных группах во внимание принимается только национально ориентированная методика для китайцев, которая мало эффективна для уйгуров.

На вопрос «*С какими трудностями сталкиваются уйгуры при изучении русского языка в Пекинском государственном университете?*» были получены ответы, представленные на рис. 3.

Видят основную проблему в изучении уйгурами грамматической системы русского языка, которая вызвана рядом несовпадений с грамматикой родного языка учащихся, 51 % опрошенных преподавателей. Например, у прилагательных в уйгурском языке нет числа и падежа, а изменение слов по степеням сравнения происходит с помощью добавления аффикса: *U uningden yaxshiraq* – «Она лучше ее». По мнению респондентов, решить эту проблему помогло бы активное включение студентов в процесс общения с носителями русского языка, когда грамматические конструкции автоматически используются в речи и студенты их лучше запоминают. Но организовать такое обучение в Пекинском государственном университете невозможно, к тому

же большая часть преподавателей русского языка является носителями китайского языка. В связи с этим 26 % преподавателей одной из основных причин считают отсутствие языковой среды и непосредственного контакта с носителями изучаемого языка.

Рис. 3. Трудности уйгуров при изучении русского языка в Китае

Еще одной немаловажной проблемой является отсутствие аудиовизуальных материалов на занятиях по русскому языку. Этот ответ был получен от 23 % опрошенных. Согласно наблюдениям преподавателей, уйгуры имеют значительные успехи в изучении английского языка, поскольку часто смотрят художественные фильмы и сериалы на этом языке (правда, с китайскими субтитрами), слушают песни. Однако найти качественные и полезные аудио и видеоматериалы с русскими субтитрами гораздо сложнее. Еще труднее иметь доступ ко многим электронным ресурсам, которые помогли бы в изучении русского языка.

Таким образом, проанализированные результаты анкетирования преподавателей и студентов позволяют прийти к выводу о том, что целесообразно организовывать процесс обучения русскому языку уйгуров с учетом национально ориентированной методики, которая позволит, с одной стороны, найти компромисс в обучении уйгуров русскому языку на территории КНР, с другой, будет способствовать развитию интереса к изучению русского языка вне языковой среды.

В настоящем исследовании нами предложен педагогический инструментарий национально ориентированной методики преподавания русского языка уйгурским учащимся в вузах КНР.

Педагогический инструментарий в обучении уйгуров русскому языку

Организация процесса обучения русскому языку. Так как китайцы и уйгуры значительно отличаются в культурном, ментальном и языковом планах, обучать их следует по отдельности с учетом национально ориентированной методики для конкретного контингента. Однако, если такой возмож-

ности нет, необходимо строить процесс обучения с учетом принципов индивидуализации и дифференциации, которые позволят с одной стороны, принимать во внимание элементы национально ориентированной методики, с другой, будут способствовать развитию межкультурной компетенции студентов и повышению мотивации к изучаемому языку.

Разработка учебной программы по русскому языку. Чтобы уйгуры получили возможность в полной мере овладеть коммуникативными навыками и умениями на русском языке, необходимо разработать программу, в которой предусматривались бы перечисленные выше проблемы в изучении русского языка. В типовой программе для китайцев теоретический материал преобладает над практическим. Так как уйгурам не требуется большое количество теоретических занятий в изучении русского языка (исключение составляет грамматический аспект), в учебной программе следует изменить соотношение теории и практики. Большая часть занятий должна быть практической и отводиться на закрепление полученных теоретических знаний в процессе общения на русском языке, развитию коммуникативной компетенции. Особое внимание следует уделить самостоятельной работе, которая позволит студентам работать с различными современными компьютерными средствами в удобное для них время.

Поскольку фонетика русского языка усваивается уйгурами без особых затруднений, количество аудиторных часов, отводимых на этот языковой аспект, следует значительно сократить. Основное внимание уделять грамматическому аспекту.

Построение рабочей программы по русскому языку для уйгуров необходимо осуществлять по принципу возрастающей трудности: первый год обучения рассчитан на 96 аудиторных часов, второй год – 242. На третьем и четвертом годах обучения – по 315 аудиторных часов. Такое распределение связано с содержанием программы: наиболее сложные темы изучаются на 3 и 4 курсах.

Использование методов обучения. В работе с уйгурами на всех этапах обучения необходимо использовать коммуникативный и аудиовизуальный методы. Они позволяют «осмыслить языковые явления иностранного языка на ситуативно-смысловом фоне, что создает хорошую базу для дальнейшего творческого применения грамматического явления в речи» (Беженарь, 2017: 117). То есть, различные трудноусваиваемые факты русского языка представлены перед уйгурами «в виде живых, функционирующих в реальном речевом общении коммуникативных единиц» (Там же). Более того, для лучшего усвоения материала необходимо задействовать слуховые и зрительные рецепторы студентов, поэтому в основе национально ориентированной методики должны находиться принципы «наглядности, коммуникативности» (Larsen-Freeman, 2017: 110). В связи с этим следует развивать ассоциативное мышление уйгуров: приучать иллюстрировать информацию в виде картинок, графических заметок, связанных с повседневной жизнью. Для этой цели необходимо использовать современные учебные материалы. Отметим только некоторые из них: «Русская мозаика. Электронная книга. Лицензия. Уро-

вень А2, В1, В2»², «Уроки толерантности»³, «В мире людей. Выпуск 2. Аудирование и говорение»⁴, «Знаете ли вы Россию? Survival Russian»⁵.

Реализация современных педагогических технологий. Улучшить коммуникативные навыки, окунуться в мир русской культуры, реализовать творческий потенциал уйгурам поможет обучение с использованием современных педагогических технологий. Среди их большого разнообразия следует акцентировать внимание на цифровых образовательных технологиях. Так, «в настоящее время можно констатировать высокую степень интеграции интернет-технологий, мобильных технологий и технологий мультимедиа в образовательный процесс в китайских высших учебных заведениях» (Anthony, 2020: 66). Следует применять их и в обучении уйгуров русскому языку. С нашей точки зрения, можно предложить студентам следующие популярные в Китае образовательные порталы: «Хуцзян»⁶, «содержащий материалы по всем языковым и речевым аспектам русского языка», а также большое количество учебных заданий по страноведению (Zhao, 2012: 200); «Русский язык и Россия»⁷, направленный на развитие лингвокультурологической компетенции учащихся и осуществляющий преподавание русского языка его носителями, Ru.tingroom⁸ с лексико-грамматическими заданиями и интересной подачей «страноведческой информации» (Littlewood, 2017: 92).

На сегодняшний день существует множество разнообразных российских интернет-платформ, которые помогают студентам «не просто получать информацию и обмениваться ею, но и вести общение из любой точки планеты» (Быкова и др., 2021: 54). Для обучения уйгуров русскому языку мы предлагаем использовать популярную в международной образовательной сфере информационно-справочную систему Integrum World Wide, «образовательные порталы „Русский язык для всех“ и Master Russian.com, а также ресурсные центры для иностранных учащихся Russian Language Mentor, центр Джорджа Митриевски» (Антонов, 2020: 25). В последние годы иностранные студенты, изучающие русский язык за рубежом, в том числе и Китае, стали активнее пользоваться MyLanguageExchange.com, а также сайтом самого многочисленного русскоязычного интернет-сообщества Live-journal.com.

Средства обучения. В условиях отсутствия специализированных учебников по русскому языку для уйгуров в качестве основного средства обучения мы предлагаем использовать универсальные учебники РКИ для иностранцев, например, такие, как «Русская лексика для жизни: теория и прак-

² Парецкая М., Шестак О.В. Русская мозаика. Электронная книга. Уровень А1, В1, В2. М. : Златоуст, 2022. 160 с.

³ Уроки толерантности : сборник методических материалов / под ред. Н.Н. Гашевой, А.Б. Суслова, Д.П. Поносова, П.В. Микова. Пермь : Русский язык, 2018. 178 с.

⁴ Макова М.Н., Ускова О.А. В мире людей : учебное пособие по русскому языку для граждан зарубежных стран. СПб. : Златоуст, 2018. 248 с.

⁵ Караванова Н.Б. Знаете ли вы Россию? Survival Russian. М. : Русский язык. Курсы, 2019. 311 с.

⁶ Хуцзян. URL : <https://ru.hujiang.com/> (дата обращения : 02.02.2022).

⁷ Русский язык и Россия. URL : <http://www.myuru.com/> (дата обращения : 02.02.2022).

⁸ Ru.tingroom. URL : <http://ru.tingroom.com/> (дата обращения : 02.02.2022).

тика»⁹, «Поехали! 1.1. Электронная книга. Лицензия. Русский язык для взрослых»¹⁰, «Дорога в Россию 1. Электронная книга. Лицензия. Учебник русского языка»¹¹, «Русский язык. 5 элементов»¹² и др. Данные учебники могут использоваться как при аудиторном, так и самостоятельном обучении уйгуров, поскольку содержат большое количество текстов, упражнений и заданий, а также аудио и видео материалов с комментариями на русском, китайском и английском языках. Отметим также учебные средства, которые помогут уйгурам в освоении конкретных грамматических тем: «Русское словообразование»¹³, «Виды глагола и их употребление»¹⁴. Для развития коммуникативных умений и навыков чтения предлагаем учебные пособия «Русская мозаика»¹⁵, «Читаем и все понимаем: пособие по чтению и развитию речи для иностранцев, изучающих русский язык»¹⁶. Они содержат иллюстрированные тексты различной сложности, упражнения направлены на глубокое понимание лингвокультурологической информации и преодоление языкового барьера. Одним из самых интересных учебников по изучению русского языка является «Точка Ру/Tochka Ru: Russian Course B1»¹⁷, в котором большое внимание уделяется грамматике и овладению разговорными навыками и умениями на русском языке.

Организация внеаудиторной работы. В вузах Китая проводится много мероприятий, организаторами и участниками которых становятся сами студенты. Однако, по нашему мнению, их количество необходимо увеличить и связать с различными праздниками, актуальными не только в России, но и КНР.

Помимо этого, необходимо организовать внеаудиторную деятельность уйгурских студентов, изучающих русский язык в Китае, путем вовлечения их в мир русского театра. Театральная технология обучения иностранному языку (лингвотеатральная технология) предполагает «создание инсценировок на иностранном языке, ряд действий по созданию театральных постановок, анализ необходимой литературы о стране изучаемого языка, обсуждение поставленной проблемы при помощи образного оформления» (Азимов, Щукин, 2009). Трудно не согласиться с Д.Ю. Цотовой, которая считает, что

⁹ Гуськова Е., Войсковская В. Русская лексика для жизни : теория и практика : учебное пособие. М. : Kalinka, 2022. 124 с.

¹⁰ Чернышов С., Чернышова А. Поехали! 1.1 Электронная книга. Русский язык для взрослых. М. : Kalinka, 2020. 176 с.

¹¹ Антонова В., Нахабина М., Толстых А. Дорога в Россию 1. Электронная книга. Учебник русского языка. Элементарный уровень А1. М. : Златоуст, 2019. 344 с.

¹² Эсмантова Т. Русский язык. 5 элементов. Электронная книга. М. : Златоуст, 2022. 320 с.

¹³ Мелентьева Т.И., Моргунова Е.В. Русское словообразование : практикум. М. : Kalinka, 2020. 232 с.

¹⁴ Юдина Л.П. Виды глагола и их употребление. Комментарии. Упражнения : учебное пособие. М. : Русская линия, 2022. 160 с.

¹⁵ Парецкая М., Шестак О.В. Русская мозаика. Электронная книга. Уровень А1, В1, В2. М. : Златоуст, 2022. 160 с.

¹⁶ Караванова Н.Б. Читаем и все понимаем! Пособие по чтению и развитию речи для иностранцев, изучающих русский язык. М. : Kalinka, 2021. 220 с.

¹⁷ Долматова О., Новачац Е. Точка Ру/Tochka Ru: Russian course B1.1 (учебник и тетрадь): в 2 ч. Ч. 1. М. : Точка.ру, 2021. 400 с.

сценки, ролевые игры на занятиях по иностранному языку не являются театральной технологией, а «лишь ее отдельными упрощенными элементами» (Цотова, 2018: 118). Тем не менее обучение русскому языку в рамках театральной технологии или на основе ее элементов способствует формированию интереса к русскому языку, развитию межкультурного диалога на уроках в полигруппах. Подобного рода «занятия не просто вносят разнообразие в учебный процесс, но и решают задачи, иногда непосильные для других форм работы» (Хвастунова, 2019: 23). Для общительных уйгуров театральная технология является «окном» в мир русской культуры, истории и языка.

Заключение

Итак, в современном мире перед преподавателями русского языка встают сложные задачи, к которым относится не только совершенствование существующих моделей обучения русскому языку как иностранному, но и создание новых национально ориентированных методик, направленных на конкретную национальность.

Предложенный в исследовании педагогический инструментарий национально ориентированной методики обучения уйгуров русскому языку является своего рода поиском компромисса в решении актуальных образовательных проблем полинационального Китая.

Рассмотренные в статье вопросы обеспечивают перспективность дальнейших исследований по разработке конкретных принципов, приемов, методов, технологий и средств национально ориентированного обучения уйгуров русскому языку в вузах КНР.

Список литературы

- Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.
- Антонов С. Использование Интернета при обучении на начальном и продвинутом этапах : опыт и практика в американской аудитории // Русское слово в мировой культуре : материалы X Конгресса МАПРЯЛ. СПб. : Русский язык. 2020. С. 23–27.
- Балыхина Т.М., Чжао Ю. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку : проблемы и пути их преодоления. М. : РУДН, 2010. 344 с.
- Беженарь О.А. Этноориентированная модель обучения русскому языку итальяноговорящих учащихся вне языковой среды. М. : РУДН, 2017. 292 с.
- Быкова О.П. Обучение русскому языку как иностранному в иноязычной среде : на примере южнокорейских университетов. М. : Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина, 2011. 350 с.
- Быкова О.П., Мартынова М.А., Сиромеха В.Г., Вагнер В.Н. Актуализация национально ориентированного подхода как потребность онлайн-обучения РКИ // Terra Rusistica : сборник материалов Первого международного форума молодых русистов. Псков : ПсковГУ, 2021. С. 51–55.
- Вагнер В.Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа. Фонетика. Графика. Словообразование. Структуры предложений, порядок слов. М. : Гуманит, 2001. 384 с.

- Вагнер В.Н.* Национально ориентированная методика в действии // Русский язык за рубежом. 1988. № 1 (111). С. 70–75.
- Ван Я.* Национально ориентированный подход в обучении РКИ китайских студентов // Глобальный научный потенциал. 2021. № 7 (124). С. 49–51.
- Вдовина К.Ю.* Психологическая структура общительности у представителей уйгурской национальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Психология и педагогика. 2013. № 1. С. 37–43.
- Кадырбаев А.* Уйгуры, казахи и киргизы – тюркские народы современного Китая // Россия и мусульманский мир. 2017. № 1. С. 94–99.
- Камбери Д.* Уйгуры и уйгурская идентичность. Ташкент : Свободная Азия, 2018. 403 с.
- Кожевникова М.Н., Дудина Е.Ф.* Об использовании терминов «этноориентированный» и «национально ориентированный» в методологии обучения иностранных граждан // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 2 (91). С. 224–227.
- Кротова Т.А.* Этноориентированная система лингвокультурной адаптации арабских учащихся в практике обучения РКИ. М. : РУДН, 2015. 243 с.
- Ли Я.* Приемы активизации познавательного интереса к изучению русского языка у китайских студентов в диалоге русской и китайской культур // Вопросы теории и практики преподавания русского языка как иностранного : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию кафедры РКИ / под общ. ред. С.А. Вишнякова. М. : Русский язык, 2020. С. 432–438.
- Лю С.* Обучение русскому языку в вузах Китая : состояние и перспективы // Русский язык за рубежом. 2018. № 4. С. 120–123.
- Малов С.Е.* Этимологический словарь тюркских языков. М. : Наука, 1997. 531 с.
- Позднев Д.М.* Исторический очерк уйгуров. СПб. : Типография императорской академии наук, 1899. 116 с.
- Стрельчук Е.Н.* Педагогический инструментарий : сущность, употребление и роль понятия в российской и зарубежной педагогике // Перспективы науки и образования. 2019. № 1 (37). С. 10–19.
- Тихонов В.К.* Национально-ориентированное обучение китайских учащихся русской научно-технической терминологии : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2018. 227 с.
- Фурманова М.И.* Языковая речевая среда урока иностранного языка на основе информационно коммуникационной среды – стимулирующий фактор усвоения знаний информирования коммуникативных умений // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 1. С. 196–200.
- Хайназаров Б.Б.* Изучение истории уйгур центральной Азии 30–70-х годов XX века // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 12 (94). С. 51–54.
- Хвастунова Н.М.* Опыт освоения театральной педагогики в профессиональной подготовке будущего учителя // Вестник ВСГАО. 2017. № 1. С. 24–28.
- Цотова Д.Ю.* Обучение русскому языку как иностранному на курсах вне языковой среды с использованием лингвотеатральных приемов. М. : РУДН, 2017. 125 с.
- Чவர்ь Л.А.* Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв. М. : Восточная литература, 2006. 286 с.
- Anthony E.* Approach, method and technique // *English Language Teaching*. 2020. Vol. XVII. No. 2. Pp. 63–67.
- Antropova M., Mashkina O., Xiao J.* Russian language in China : challenges and solutions // *Cross-Cultural Studies : Education and Science*. 2018. Vol. 3. Issue I. Pp. 43–58.
- Cheng H.* The current state of the use of information technology in teaching and learning Russian as a foreign language in China. Beijing : The World of Science, Culture, Education, 2019. 210 p.

- Larsen-Freeman D. Techniques and principles in language teaching. 2nd edition. Oxford : Oxford University Press, 2017. 252 p.
- Littlewood W. Communicative language teaching. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. 108 p.
- Yusufu A. Comparative analysis of curricula in Russian as a foreign language in Russia and China // Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University. 2020. No. 4 (54). Pp. 169–178. <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2020-54-4-253>
- Zhao Sh. Teaching the Russian language in China in the last 15 years // Young Scientist. 2012. No. 9 (44). Pp. 200–201.

Сведения об авторах:

Стрельчук Елена Николаевна, доктор педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Сфера научных интересов: методика преподавания русского языка как иностранного, культура русской речи, прикладная лингвокультурология. Автор свыше 180 научных и научно-методических работ. ORCID: 0000-0003-2161-3722. E-mail: Strelchukl@mail.ru

Илхаму Шабайти, аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Сфера научных интересов: методика преподавания русского языка как иностранного. E-mail: sabux@hotmail.com

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4-515-530

Research article

Teaching Russian to Uyghurs in PRC universities: pedagogical toolkit of nationally oriented methods

Elena N. Strelchuk , Shabaaiti Ilikhamu

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

 Strelchukl@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the search for a compromise in teaching the Russian language to the Uyghurs in the universities of PRC. Having completely different mental, cultural and linguistic traits, the Uyghurs and the Chinese study in programs that are focused only on the Chinese audience and do not take into account the characteristics of national minorities. The purpose of this study is to consider the basics of a nationally oriented methodology for teaching Russian to Uyghurs in Chinese universities and to propose its pedagogical tools. The materials were the works of scientists on nationally oriented education and methods of teaching Russian as a foreign language, works on the history and culture of the Uyghur people, as well as a survey of Uyghur students and teachers studying and working at Beijing State University. Methods of complex theoretical analysis and questionnaire-diagnostic were used. The cultural and historical path of the Uyghurs was analyzed, which determined their mental characteristics, which must be taken into account when developing a nationally oriented methodology. The results of the survey made it possible to identify the specifics of teaching the Uyghurs the Russian language and to characterize the main diffi-

culties that students face in universities in the PRC. Ways of solving the indicated difficulties were determined by developing a nationally oriented methodology for teaching the Uyghurs the Russian language and its pedagogical tools were proposed. The prospects of the research are the approbation of the proposed foundations for the nationally oriented teaching of the Uyghurs in the Russian language in the universities of the PRC and their further development.

Keywords: nationally oriented methodology, teaching, Russian language, China, Uyghurs, Russian as a foreign language, pedagogical tools

Article history: received 03.04.2022; accepted 18.07.2022.

For citation: Strelchuk, E.N., & Ilikhamu, S. (2022). Teaching Russian to Uyghurs in PRC universities: Pedagogical toolkit of nationally oriented methods. *Russian Language Studies*, 20(4), 515–530. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-515-530>